Общество сознания Ч

Александр Сегень

SHOUT
SHARE
IT

-
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Эпилог

Александр Сегень
Общество сознания Ч
РОМАН

Глава первая
Белокуров гуляет

- Это твое?
- Мое.
- Откуда?
- Оттуда.

- Суеты вокруг моего появления на свет было столько, что хватило бы на отличнейшую повесть, - хвастался один из посетителей нижнего буфета знаменитого московского клуба, еще вполне молодой человек, лет сорока, с усами, кончики которых он постоянно лихо подкручивал. Пред ним был стол, уставленный выпивкой и закуской, а за столом сидели люди, знакомые и малознакомые. Напротив себя он видел очарованный взгляд, и его несло. - Достаточно того, что в день моего рождения, а я родился в Твери, мой отец сбежал с любовницей в Дубну, отправив к матери своего друга с письмом. В итоге друг, исполнив поручение, стал моим отчимом, и я ношу его фамилию.

- Стало быть, Белокуров - не родная? - спросила та, что смотрела на него восхищенным взором. - А какая фамилия у вашего настоящего родителя?

- Ответ.

Белокуров усмехнулся и стал раскуривать сигару. Когда окрестность наполнилась замечательным запахом «гаваны», он бросил в пепельницу дотла сгоревшую спичку и подмигнул девушке:

- Ну что вы так на меня смотрите? Ответ. Именно такую бы я носил фамилию, не сбеги мой родимый с любовницею.

- Борис Ответ? - усмехнулся сидящий справа от Белокурова писатель Михаил Бобов. - Почти вопрос-ответ. Превосходное имя для поэта. Поэт Ответ. Зря взял фамилию отчима, Борь.

- Писал бы я стихи, я бы подписывался отцовой, а так - нет, отчим у меня - золото.

- А я всю жизнь считала, что и Белокурова никакого не существует, - сказала девушка, бросая на Бориса очередной влюбленный взгляд. - Газета «Бестия», главный редактор - Белокуров. Ну, ясное дело - псевдоним, для прикола.

- Нет, я есть, вот он я, - улыбался Белокуров, самодовольно похлопывая себя по животу.

- И такой то-о-олстый. А я всегда представляла вас подтянутым, поджарым, стремительным. А вы вот, вальяжный.

- Именно что не толстый, а вальяжный, - поднял вверх указательный палец Белокуров.

- Выпьем за него! - провозгласил сидящий справа Витя, которого Белокуров не знал ни как писателя, ни как носителя какой-либо фамилии.

Все выпили, причем девушка чокнулась с особенным рвением. «Правда, что ли, влюбилась в меня? - мысленно фыркнул Белокуров. - Вот черт! Этого только не хватало. Хотя какая мне разница!» Впрочем, девушка была красивая, черноволосая, черноглазая, живая, и она ему нравилась тем больше, чем влюбленнее на него смотрела. И он не прочь был слегка увлечься, по своему обыкновению, не выплескиваясь из русла супружеской верности.

- Вообще-то это я только в последние два года располнел, - заметил он.

- Буржуазы проклятые раскормили.

- Как буржуазы?! - аж подпрыгнула на стуле девушка. - Разве вы не противник?

- Противник, матушка, противник, - иронично нахмурился Белокуров, силясь припомнить, как ее зовут. Девушку привел известный тележурналист, он назвал ее имя, попросил не обижать, а сам через пять минут откланялся и сбежал. - Ненавижу этих ракалий, но что делать - семью кормить надо. Вот, друзей угостить изредка - тоже люблю. Да вы не бойтесь, я Родиной не торгую. Просто преподаю курс всемирной истории в одном богатеньком колледже.

Последнее слово он исковеркал убийственной интонацией.

- И хорошо платят?

- Очень хорошо. Семьсот-восемьсот «бэ» в месяц выходит. А загружен два дня в неделю - в четверг и пятницу. Вот сегодня оттарабанил и гуляю.

- «Бэ»?

- «Бэ». Баксов. Раньше ведь «рэ» говорили.

- «Бэ» - это хорошо, - одобрил Бобов.

- Ну и каков контингент? - спросила девушка.

- Жизненный, - ответил Белокуров. - Хваткий.

- Понятно. Трудно, наверное, с ними?

- Ох, нелегкая это работа - до утра истреблять гугенота, - само собой родилось и выскочило из Белокурова тотчас же.

Все дружно посмеялись. Сидящий справа от Бобова профессор Литературного института выдернул из кармана блокнотец и записал.

- Кстати, - продолжал Белокуров. - Никто меня туда не протежировал. Магистр колледжа - самый главный у них там

магистром величается - оказался страстным читателем моей «Бестии». Сам позвонил, пригласил. Сказал: «Для нас престижно, чтобы такой человек, как вы…»

- Удивительно! - покачала головой девушка.

- Напрасно вы так удивляетесь, Элла, - сказал профессор Литературного института. - Такое случается сплошь и рядом. Бывают ведь евреи-антисемиты, русские-русофобы.

- Писатели, ненавидящие литературу, - сказал Бобов.

- Вот именно, - подхватил Белокуров. - Почему бы не быть буржую, ненавидящему капитализм и демократию?

Он пуще прежнего повеселел и захмелел, радуясь, что нашлось наконец для нее имя, произнесенное профессором. Элла. Хорошее имя. И девушка хороша. Сколько ей лет? Не больше тридцати. Но и не меньше. Самый лучший возраст для сорокалетнего мужчины, желающего немного поухаживать, не вытекая из русла.

Только он об этом подумал, как она поглядела на часы и с тяжелым вздохом промолвила:

- Увы, мне пора, уже восемь. Белокуров, вы не проводите меня до такси?

- Ну вот, только я хотел… Но раз вы выбрали его, что ж, извольте, - унылой скороговоркой проговорил профессор. Ему явно не хотелось никого никуда провожать, и пробормотал он это так просто, заполнительно.

- Но на посошок-то! - воскликнул Бобов.

На посошок выпили коньяку, и Белокуров зачем-то особенно изрядно хватанул. Поднявшись из-за стола, он почувствовал одновременно и некоторую шаткость, и хваткость, и лихость. Элла взяла его под руку. Ему было приятно идти рядом с нею. От нее пахло?.. Он незаметно принюхался. От нее ничем не пахло, но казалось, что она благоухает. К тому же во рту у Белокурова царствовали ароматы коньяка и лимона.

- Надо же! - восклицала она, поднимаясь с ним вместе по лестнице. - Никак не могла представить себе, что встречусь сегодня с кем! с Белокуровым!

- Впервые встречаю кого-то, кто меня заочно так любит, - краснея от счастья, промолвил он.

- А буржуаз-магистр? - рассмеялась она.

- Но он же не красивая девушка.

- Я вам нравлюсь?

- Вы - мне?! Да если б я только мог, - они уже приближались к гардеробу, - я бы…

- И что? - с веселым испугом в глазах остановилась она и встала напротив него. - Что бы вы сделали?

Он почувствовал, что проваливается, и прорычал:

- Схватил бы и всю оцеловал, с головы до ног.

- Ого! - тихо выдохнула она. - Всю?

- Всю.

- Идемте, - рассмеялась она, краснея.

Он взял у нее номерок, купил на него для Эллы в гардеробе коротенькую весеннюю дубленочку и надел на нее так, будто уже оцеловывал. Она это почувствовала: он видел, как она взволнованна. «Куда меня несет?» - мелькнуло в коньячной его голове.

- Оденьтесь, Белокуров, - сказала Элла. - Все-таки еще не май месяц. Неизвестно, сколько будем ловить мотор.

- С вами - май, - глупо сказал он.

- Не май, а маета со мной, - со вздохом улыбнулась она.

Он все же взял в гардеробе свой плащ, подмечая, что тем самым снимается еще одна зацепка. Хотя нет, оставался портфель. Под столом, в нижнем буфете. И друзья, которых нельзя просто так взять и бросить, не простившись.

На улице было свежо, холодно и пахло весной, пленительно пахло весной. Даже можно сказать, грядущим летом пахло. И первая остановившаяся машина их взяла на свое заднее сиденье. Черт с ним, с портфелем! Кто-нибудь да прихватит его. В крайнем случае официанты вернут. Там документы.

- А как же ваши друзья, выпивка, веселая компания? - спросила девушка лукаво.

- Не могу же я оставить такую красавицу одну в машине с неизвестным водителем, - ответил Белокуров. - Вдруг он насильник и убийца?

- Это кто насильник и убийца? - спросил водитель.

- Это другой, - тотчас сказала Элла. - Не вы.

Тут Белокуров взял ее руку, поднес к губам, поцеловал пальцы, как бы в знак признательности, но потом не отпустил, оставил ее тонкую кисть в своей большой пятерне.

- Ах, как мне с вами хорошо! - промолвила Элла и положила голову ему на плечо. - Мой муж не поверит, когда я расскажу ему. Он обожает вас, каждую «Бестию» до дыр зачитывает. Он у меня историк, работает в Коломенском.

«Слава тебе Господи! Муж есть! Спасение!»

- Спасибо вам, Элла, - рассмеялся Белокуров.

- За что? - удивилась она.

- За то, что вы есть на белом свете.

- На «бэ эс»?

- На «бэ эс». На моем белокуровском свете.

- И друзья мне ваши очень понравились, особенно профессор.

Передайте ему это, когда возвратитесь. Товарищ генерал, вы сможете доставить товарища полковника с Тимирязевской?

- Куда это? - нахмурился водитель.

- Туда, где вы нас отловили.

- Запросто. Столько же - и вперед. То есть назад. Только я не генерал, а адмирал.

Ладонь Эллы по-прежнему лежала в ладони у Белокурова, но теперь это как бы ничего и не значило. На сердце у главного и единственного редактора газеты «Бестия» было легко, хотя и немного грустно, что все вот так просто закончилось, не получилось дамы с собачкой.

- У Бобова недавно вышел рассказ, - вспомнил Белокуров, - и знаете, как называется?

- Как?

- «Баба с собачкой». Правда, смешно?

- Да, я читала рассказы Бобова. Они у него все с такими названиями, под КВН. Мне он не нравится.

- Он прекрасный человек.

- Я говорю о нем как о писателе. Хотя вот вы - и газета у вас превосходная, и сами вы великолепный человек.

- Вы же меня совсем не знаете. Может, я кого-нибудь зарезал и в колодец бросил.

- Значит, тому так и надо.

- А жена моя недавно фамилию поменяла, девичью себе вернула.

- Вы женаты, Белокуров? Хотя что я спрашиваю! Конечно, разве у такого человека может не быть жены? То есть как - на девичью?

- Так, стала опять Чернышева.

- И вы этому не воспротивились?

- Нет.

- Но почему?!

- Она у меня переводчица. Блистательная женщина. А одна там ей позавидовала и назвала Белокурвой. Собственно, это как-то сразу напрашивается: Белокурова - Белокурва. Смешно, правда?

- Если честно, то да, смешно, - не удержалась от смеха Элла. - Хотя я бы все равно не стала возвращаться к девичьей фамилии. Взялась быть Белокурвой, так и будь ею до конца, терпи. Ой, простите!..

Она смеялась, и Белокурову теперь тоже было смешно, хотя до сего дня он тайно переживал реставрацию Тамариной девичьей фамилии.

- Да к тому же, - смеялся он, - была Чернышевой, стала

Белокуровой, потом опять Чернышевой. И смех и грех!

- А по-моему, это вы все выдумали.

Она вдруг поцеловала его в щеку.

- Об этом вы тоже мужу расскажете?

- Конечно. И про оцеловывание.

Тут в душу его закралось тревожное подозрение, что никакого мужа у Эллы нет и в помине. Он оставил ее руку и принялся подкручивать кончики усов.

- Не убирайте руку, - шепнула Элла. - Мне в ней так хорошо.

А что, если она послана к нему врагами, чтобы заманить? Врагов-то у него хватает. Многие ненавидят «Бестию».

Он посмотрел на Эллу. Она притягивала его всем своим видом. Ее рука уже снова была в его руке. Пропал! Погиб! Потом напишут: «Еще одно громкое убийство…» Как он может так рисковать собой, сыном, Тамарой, отчимом, «Бестией»?! Газета-то - черт с ней! Другой найдется издатель подобной никому не нужной ерунды. Тамара найдет себе другого. Прокофьич уже старый. А вот сын… Как он будет без отца? И до слез стало жалко Сережку.

- Зато сын у меня как был Белокуров, так и остался.

- А сколько вашему сыну?

- Скоро три.

- Три годика? А вам, Борис?

- Тридцать девять.

- А мне двадцать девять. Ха-ха-ха.

«Ха-ха-ха» она проговорила, а не просмеяла.

- А мужу?

- Немного моложе вас.

- А он есть?

- Можете проверить, если хотите. Он сегодня дома.

- Хочу.

Зачем он это сказал? Так хорошо было бы окончить знакомство у дверей ее дома и возвратиться в веселую компанию нижнего буфета. Но чертик откуда-то из подбрюшья докричался: «Гульнем! Ты чего, брат? Бери что дают!»

- Товарищ генерал, - снова обратилась к водителю Элла, - мы передумали. Идем в гости. Назад не поедем.

- Ну и хорошо, - отозвался тот. - А то я устал что-то.

Конечно же, мужа нет. В этом можно не сомневаться. А что, если она и впрямь почитательница его газеты? Белокуров чувствовал, как его мощно куда-то несет.

И вот он уже расплачивается с водителем, и вот он уже поднимается по лестнице ее дома на четвертый этаж, мимо огромного белого кота в черных разлапистых пятнах, и тут сильно

пахнет мусоропроводом. «А ведь ты трус, Белокуров! Нет, я просто верен своей жене. А она отреклась от твоей фамилии. Это еще ничего не значит. А я говорю: значит. А я говорю: нет!» - разыгралась в душе у Белокурова молниеносная пьеска.

Около двери квартиры Элла несколько замешкалась с извлечением из сумочки ключей. Посмотрела глаза в глаза:

- Белокуров, а вы правда хотели бы меня оцеловать?

- Увы, хотел бы, - ответил он, - и сердце мое разбито.

- А вы можете сейчас сказать моему мужу, что мы с вами любим друг друга и что он должен оставить меня?

- Сказать это замечательному человеку, читателю моей газеты?

- Слабо?

- Нет.

Сам не зная как, он вдруг схватил ее, обнял, прижал всю к себе и приник губами к губам. Если муж есть, то на этом все и кончится. Если мужа нет, то не надо будет говорить страшные слова хорошему человеку, работающему в Коломенском.

Она не пользовалась духами и ничем не пахла, но он чувствовал сквозь жаркий поцелуй какой-то особенный аромат, исходящий из ее души. Наконец Элла оторвалась от него и звякнула ключами:

- С Богом!

«Нет, не с заглавной буквы, - подумал газетчик, - с приземленной: с богом, с языческим богом».

Сердце его отчаянно колотилось, когда он входил следом за Эллой, уже точно зная, что никакого мужа нет.

- Василий! - закричала она. - Васи-и-илий! Получай!

И тут выплыло существо мужского пола с недоумевающим и несколько даже недовольным лицом.

- Здравствуйте, - попыталось оно улыбнуться.

- Получай, - повторила Элла. - Знаешь, кого я привела тебе? Твоего любимого Белокурова. Вот он. Он есть. И он у нас дома.

- Бог ты мой! - стукнул себя по лбу Василий. - Не может этого быть! Вы Борис Белокуров? Издатель «Бестии»? Борис И-и-и…

- Борис Игоревич, - подсказал Белокуров. - Можно просто Борис. Да, это я.

Веселье вновь заполняло всего его с ног до головы. Мужа Василия он готов теперь был оцеловывать за то, что он есть, а не его взбалмошную жену. Она плутовато хихикала, поглядывая то на одного, то на другого.

- Борис Игоревич, вы, кажется, хотели что-то сказать Василию Васильевичу? Что же вы не говорите? Прошу!

Белокуров набрал полную грудь воздуха, все в его голове

заискрилось, и он игриво ответствовал:

- Это какое-то безумие! Вы не поверите, дорогой Василий Васильевич! Меня просто охмурили! Эта несравненной красоты женщина весь вечер соблазняла меня, вскружила мне голову, я стал ухлестывать за нею, ринулся провожать сломя голову, будучи уверен, что никакого мужа нет и в помине, а оказывается, она улавливала меня в свои сети, чтобы только привезти к вам в качестве добычи! О нравы! Я непременно пропечатаю об этом в своей газетенке.

- Мы даже целовались! - воскликнула Элла с вызовом.

- Я рад… я очень рад… - бормотал Василий, расплываясь в гостеприимной улыбке. - С таким человеком я разрешаю тебе целоваться сколько угодно. Ладушка, только ты, пожалуйста, давай теперь молнией на кухню. Там даже бутылка водки у нас есть. И все, что в холодильнике… Вы поститесь?

- Вообще-то сейчас нет, - ответил Белокуров, все еще ошарашенный такими поворотами судьбы.

- Тогда именно все, что есть в холодильнике, и постное, и не постное - все неси. Такого гостя!.. Ну и жена у меня! Проходите, Борис, садитесь вот сюда, в кресло, оно у нас единственное и специа… и нарочно для вас.

- Слыхали, Белокуров? Слыхали? - доносился с кухни, расположенной неподалеку, голос Эллы. - Это он после ваших статей в «Бестии» старается не употреблять иностранных словечек, следит за своей речью. Чуть было не сказал «специально», да поправился. Ох, Вася, умереть с тобой можно!

- Лада! Занимайся кухней! - грозно отвечал негрозный Василий, усаживая гостя к столу в старое кожаное кресло.

- Вот! - поднял свой указательный палец Белокуров. - А мне она представилась Эллой. Кругом обман. На деле же оказалась Ладой.

Он между делом осматривался. В комнате, по-видимому единственной, бросалось в глаза изобилие книг и нехватка мебели. В углу, огражденная от остального пространства комнаты шкафом, стояла полуторная супружеская кровать, застеленная зелеными тиграми. Над кроватью висела большая фотография царской семьи, охраняемая слева и справа акварельными портретами, в которых нетрудно было узнать Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. Иные портреты, в основном карточки, прислонившиеся к книжным корешкам в шкафах и полках, являли собой Скобелева, Ермолова, всех трех Александров, Вагнера, Чайковского, Кутузова, Суворова, Жукова, Достоевского, Николая и Льва Гумилевых, Лосева. Нет, здесь Белокурова не должны были убить. Он расслабился и готов был

еще чего-нибудь выпить, да покрепче. И потом покурить. Василий пояснял:

- Это только я называю ее Ладой. А все зовут Эллой. На самом деле она у нас - Эллада.

- Во как! - крякнул Белокуров весело, глядя на то, как на стол приземляется игручая бутылка «Смирновской новой». Рука, поставившая бутылку и теперь расставляющая тарелки с закусками, была та самая, которую он сжимал в машине, тонкая, красивая, но теперь изящество этой руки не имело того особенного значения, как когда он прикладывал прохладные пальцы с длинными ногтями к своим губам. Теперь можно было просто любоваться этими пальцами, без сердечного стука.

- Да, я Эллада, - звучал милый голос, - но не древняя. Мой отец - специалист по греческой культуре, ученик, между прочим, Алексея Федоровича и Азы Алибековны.

- Кстати, на них уже начался наезд прогрессивной мировой общественности, - заметил Белокуров. - В одной демократической газете пропечатано, что ноги русского фашизма растут из туловища лосевских книг. То ли еще будет в двадцать первом веке, господа! Вот такие карточки и картинки, как у вас, держать в доме будет воспрещено. Зачем нужны Вагнер и Чайковский, если есть универсальный Шнитке?

- Антисемитские вещи говорите, профессор, - произнес Василий голосом доктора Борменталя, наливая Белокурову водку.

- Никакого антисемитизма! - подыграл Василию Белокуров, изображая интонацию Преображенского. - Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается. Никакого антисемитизма в моих словах нет. Есть здравый смысл и жизненная опытность. Думаете, я не люблю евреев или американцев? Я всех люблю, как люблю все цвета радуги, ибо их создал Бог. Но когда меня настойчиво начинают подозревать в том, что я, к примеру, ненавижу фиолетовый или сизый цвет, я начинаю тайно нервничать и поначалу доказывать свою любовь к сизому и фиолетовому. Потом, само собой, эти цвета и впрямь начинают меня раздражать, особенно если меня то тут, то там дергают: «А почему у вас галстук не сизый? Вы что, антисизит? А почему у вас носовой платок не фиолетовый? Вы что, фиолетофоб?..» Кстати, а почему вы, Василий, себе не наливаете водки, а только мне и Элладе? Вы что, водконенавистник?

- Нет, - засмеялся Василий застенчиво, - я, грешным делом, люблю ее, но даже ради такого гостя не могу нарушить… Готовлюсь к исповеди и причастию.

Тут Белокурову сделалось стыдно. Ведь он-то здесь выступал

в роли властителя дум, причем дум русских и православных.

- М-да, - засопел он. - А я вот в этом году опостоволосился. Только в первую неделю постился, а потом вдруг не смог. Одолело меня всемирное паскудство.

- А я тоже с вами опостоволо… шусь или сюсь? - заявила Элла.

- Сюсь! - засмеялся Василий.

Что-то он много смеется. Волнуется, смущен. Славный малый. Хоть и ровесник, а явно в большей степени ребенок, нежели Белокуров. Чокнулся с женой и гостем рюмкой боржома, закусил грибком. Как можно грибком соленым боржом закусывать?! Белокуров в последний раз устыдился своего безбожества и подцепил на вилку кусок сала, а потом и копченой колбасы.

- Я гляжу, у вас там Ермолов, - указал он той же самой вилкой на карточку. - Не приведи Бог, какой-нибудь чеченец к вам в гости заглянет. Да! Вы представляете, какая тут история! На днях является ко мне один майор и рассказывает нечто совсем неправдоподобное.

- Больше всего на свете люблю неправдоподобное, - заерзала на своем стуле Элла. Кроме кресла и двух стульев, больше здесь сидеть было не на чем. Они что, всегда только одного гостя приглашают к себе или у соседей одалживают сиденья?

- Да, представьте себе. У этого майора служил солдат по фамилии Ермолов. И вот, как на грех, попадает он в плен к чеченам. Ну, думает, - Белокуров издал языком щелчок пинг-понгового шарика, - крышка!

- Бедолага! - сочувственно покачал головой Василий.

- Напрасно вы его жалеете, - усмехнулся Белокуров.

- Что, неужто они его не разорвали на части? - удивился Василий.

- Поначалу, конечно, хотели, - ответил гость. - Как увидели: «Аллах кирим! Сам Ермолов к ним в лапы!» Хотели на мелкие кусочки разрезать. Но тут вдруг один из них умнее оказался и не дал его на растерзание, а повел к полевому командиру и продал ему за двести долларов. Тот, в свою очередь, перепродал командиру посолиднее, уже за две тысячи. Этот солидный стал готовить Ермолова для перепродажи, кормил его хорошо, не давал в обиду. Хотя руки у него чесались: какая слава-то, своими руками расстрелять Ермолова! Но выгода все же перевесила. Через месяц сыскался хороший покупатель, взял у него Ермолова за двадцать пять тысяч долларов, две букеровских премии. Этот тоже хотел зарезать бедолагу, как вы выразились. Но и у него денежный интерес оказался выше ичкерских амбиций. Другой

герой, один из тех, кто носит у них там медаль «За взятие роддома в Буденновске», перекупил Ермолова за сорок тысяч и тоже хотел публично казнить. Каков гром на весь Кавказ! Шамиль зарезал Ермолова! Но тут вдруг этот солдат обнаруживает неслыханную смекалку и предлагает иное. Не казнь, а обращение Ермолова в мусульманство. Еще громче! Шамиль обрезал Ермолова в ислам!

- Ничего себе! - покачал головой Василий.

- Да что ты его слушаешь! - воскликнула Элла. - Ведь это же Белокуров! Он все выдумал. Если б и впрямь такая история приключилась, давно бы телевизор нам все уши прожужжал.

- Выдумали? - спросил Василий.

- Выдумал! - махнул рукой Белокуров. - Наливай!

- Страшный человек! - прорычала Элла, беря за талию бутылку.

Они выпили еще. Потом еще. Вечер продолжал радовать Белокурова, и он не спешил звонить домой, хотя и видел, что для постящегося Василия наблюдать в своем доме гульбу - мука.

- Завтра обещаю ни водчинки, ни ветчинки, - говорил гость, закусывая кислой капустой. - Вообще голодать буду. И впрямь хамство - накануне Пасхи…

- Оттого-то мы и погибаем, - тихо вздохнул Василий. - Но вы не думайте, Борис, это я не в упрек. Сам не так давно начал строго соблюдать посты. Четвертый год только.

- А завтра он уезжает к своему духовнику, отцу Василию Перепелкину, - сообщила Элла. - Слыхали о таком?

- Читал где-то, - стал припоминать Белокуров. - Это который, кажется, где-то в Ярославской области в селе храм восстанавливает?

- Нет, в Ярославской - отец Сергий Вишневский, я у него тоже бываю иногда, - сказал Василий. - Отец Василий по его примеру покинул московскую благополучную церковь и уехал на землю предков, поселился в погубленном приходе между Тверью и Торжком. Хорошо у него. Если хотите, вместе поедем.

- Поедем, - тотчас искренне согласился Белокуров. - Только я завтра еще должен оттарабанить в своем колледже. Я мировую историю преподаю австралопитекам в Первом московском бизнес-колледже имени Рокфеллера. А в субботу - готов ехать.

- Нет, я завтра должен, а вы приезжайте в субботу. Я вам сейчас подробный путеводитель составлю.

Василий переместился за письменный стол и начал чертить план поездки к отцу Василию. Белокуров положил свою руку поверх руки Эллы и сказал, сам наливая себе и ей водку:

- Стало быть, вы Эллада, а он над вами - василевс?

- Я, кстати, два года назад по велению этого василевса крестилась, приняла имя Елизаветы, вот моя святая. - Она показала Белокурову маленькую иконку алапаевской мученицы Елизаветы Федоровны.

Василий закончил составление путеводителя, передал его Белокурову и завел магнитофон, из которого потекли звуки старых русских военных маршей.

- Жаль, что нельзя танцевать, - вздохнул гость. Ему страшно хотелось покружиться в танце с Эллой, но он понимал, что уже достаточно испытывал православное терпение хозяина дома.

Но если не танцевать, то хоть подурачиться немного.

- А я умею с закрытыми глазами угадывать цвета предметов, - объявил он увлекательно.

- В этом можно не сомневаться, - сказала Элла.

- Нет, я серьезно… То есть…

- Ага! Ага!

- Ну как по-русски сказать «серьезно»?

- Ну… Не шуча. Без шуток.

- По правде, взаправду… А давайте у Даля посмотрим.

- Не тормошите Владимира Ивановича. Лучше давайте проверим мой феномен… Тьфу ты! Мой хромомен. Вот я закрываю глаза. Только мне нужно при этом держать руку испытателя. Разрешите, Эллада, я буду держать вас за руку? Вот так. Теперь прошу.

Он закрыл глаза и увидел красное. Ну конечно, первым делом обязательно возьмут красное.

- Какого цвета это? - прозвучал голос Эллы.

- Крррасного! - прорычал Белокуров.

Он открыл глаза и увидел в пальцах у Эллы маринованный помидорчик.

- Еще!

- Сколько угодно.

Теперь, закрыв глаза, он увидел зеленое. Не иначе на сей раз - огурчик.

- Зелень.

Открыл глаза и увидел в руке у Эллы шляпку соленого гриба, повернутую к нему зеленой изнанкой-бухтармой.

- Это похлеще, чем издание «Бестии», - засмеялась Элла. - А еще?

- Пожалуйста.

На сей раз был угадан белый цвет скатерти. Затем - оранжевая шкурка мандарина. Пятым испытанием был фиолетовый цвет графинного стекла.

- Не люблю фиолетовый! - сказал Белокуров с закрытыми

глазами.

- Ну вот, а врали, что любите все цвета радуги.

Бросив взгляд на Василия, Белокуров заметил, что тот сердится, хочет поговорить о чем-то важном, а тут - баловство.

- Вообще-то хватит мне вас дурачить, - вздохнул гость. - У меня в веках просверлены малюсенькие дырочки, сквозь них-то я и вижу. Это я еще в детстве себе просверлил, чтобы подглядывать, как девчонки на пляже переодеваются.

- А почему же тогда только цвет? Разве очертания предметов вы не можете угадать? - спросил Василий.

- С возрастом дырочки подзаросли, и с очертаниями предметов трудно. Я же вижу только крошечный участок угадываемого.

- Еще что-нибудь угадайте! - взмолилась Элла.

- Черный! - сказал Белокуров, не закрывая глаз.

- Точно! Я как раз хотела показать на свое платье. Значит, вы все-таки не подглядываете, а угадываете.

- А что это, все шли русские марши, и вдруг - «Дойчланд юбер аллес»? - удивился Белокуров, прислушиваясь.

- Да, действительно, - улыбнулся Василий. - Это марш Кексгольмского полка, в него вкраплен кусок из немецкого гимна.

- Надо же! А я и не знал о таких вещах. А вы, Василий, чем занимаетесь в Коломенском?

Василий принялся охотно рассказывать о своей работе. Белокуров слушал вполуха и вскоре почти нагло перебил историка предложением написать для «Бестии» статью.

- Обязательно! Я и сам хотел. Меня один мой знакомый все обещал познакомить с вами. Николаев.

- Пашка? Так чего ж он тянул?

- Да сами знаете, по-нашему, по-русски. Вы ведь читали Шубарта? Хорошо у него говорится о том, что русские живут так, будто у них времени больше, чем у других народов.

- Да, я помню. Я так рад знакомству с вами, Василий. Давайте на «ты»? Мы ведь ровесники, единомышленники, родственные души.

- С удовольствием.

- А на брудершафт выпить? - подначивала Элла.

- Ну, если только совсем малость, - сломался Василий. - Только не на брудершафт, а на братство.

- На братчество! - воскликнул Белокуров, наливая Василию и себе.

Бутылка подошла к середине, а еще через час окончилась, и Белокуров наконец почувствовал, что набрался сверх меры, ибо он и в нижнем буфете хлебнул немало, и здесь почти в одиночку

уговорил всю «смирновочку». Часы на стене показывали одиннадцать. Надо было уходить, но Элла извлекла из какого-то тайника еще полбутылки коньяка, и само собой получилось, что Белокуров уходил от них уже в половине первого ночи. За это время он успел поговорить с Василием о Солоневиче и Ильине, об Иване Грозном и Сталине, о святом Граале и свастике, о рыцарских орденах и цветах национальных флагов, об особенностях иностранных языков и характеров разных народов, послушать отрывки из «Тангейзера», торжественную увертюру «1812 год», пару Бранденбургских концертов, «Барселону» Фредди Меркюри и Монсеррат Кабалье и даже «Рассвет» и «Светлячок» когда-то известного «Юрай Хип». Все, что происходило в последние полтора часа, расплывалось в восторгах и непрестанных шутках, отпускаемых Белокуровым, он говорил, читал стихи, пел, даже подпевал вагнеровскому Вольфраму, когда тот исполнял свой знаменитый романс. И он уже не спорил с самим собой, полностью соглашаясь с тем, что страстно влюблен в Эллу.

- Я его привела, я его и провожу до такси, - заявила она, когда Белокуров уже надевал в прихожей свой сербский плащ, купленный в прошлом году в Белграде, и напевал при этом: «Само слога србина спасава». - А ты, Васенька, пожалуйста, перенеси все на кухню, а я приду и помою посуду, разложу все. Ладно?

Пожимая руку Василию, Белокуров, глядя ему в глаза, мысленно внушал: «Не оставляй меня с нею наедине, брат!» И когда свежий апрельский воздух снова наполнил легкие, Белокуров произнес вслух:

- Наедине с женою, брат, меня не оставляй…

- А дальше? - весело спросила Элла.

- На свете мало, говорят, таких шаляй-валяй, - закончил он. - В смысле таких, как я.

- А вон и такси. Я пьяная. Теперь мы поедем знакомиться с твоей женой. Шучу. Тормози. До свиданья, Белокуров, будь осторожен. Я люблю тебя.

- И я тебя.

- Правда?

- Такое чувство, будто давно тебя знаю и люблю.

- И у меня. Может, не будем расставаться сейчас? Нет! Шучу. У тебя ведь сын. Но мы увидимся?

- Конечно. Я позвоню. До свиданья.

Они снова поцеловались в губы, теперь он почти не почувствовал поцелуя, потому что был пьян. И вот уже он ехал один на переднем сиденье и нисколько не хотел говорить с болтливым водителем. А тот все лез и лез с разговорами. Хорошо,

что до Хорошева от Тимирязевки не так много езды.

- Опять пьяный! - сказал отчим, когда Белокуров ввалился в свое жилье.

- Ну сколько можно, Боря! Совсем ошалел!

- Как там Сережка?

- Весь вечер папкал, ждал тебя, а ты…

- Спит?

- Еле уложил его, бедного. Ну в честь какого праздника ты напился?

- В честь того, что влюбился. Прокофьич, не бухти, пожалуйста. Мне так плохо. Хотя на самом деле - мне так хорошо!

- Влюбился! Вот я расскажу обо всем Тамаре, когда она вернется.

- Разглашение тайны исповеди. Я ж тебе, как духовнику, тайну сердца открыл. А ты? «Тама-а-аре»…

- Ладно, ложись спать. Спокойной ночи. Пьянь!

Белокуров попил на кухне из носика чайника и отправился в свою комнату. Стал выворачивать карманы и швырять на стол деньги, пытаясь определить, сколько сегодня профукал. Деньги все были мелкие: десятки, пятерки, тысячные, полусотки, сотки. На столе образовалась их целая куча. Ветер, проникавший через открытую форточку с любопытством принялся их перебирать. Белокуров открыл верхний ящик письменного стола и достал оттуда свой недавний боевой трофей, пытаясь припомнить, рассказал ли он Василию и элладе о том, как на прошлой неделе его на улице остановил какой-то молокосос и, наставив на него пушку, потребовал денег, а Белокуров был подвыпивший, как сегодня, схватил пистолет за ствол и выдернул у этого подонка, потом дал пинка с подзатыльником и отпустил на все четыре стороны, удовольствовавшись оружием - венгерским девятимиллиметровым парабеллумом.

- Нет, кажется, не рассказал, - пробормотал Белокуров, укладываясь в кровать в обнимку с пистолетом.

Да, он только собирался описать этот славный подвиг, когда рассказывал о своей жене, как она ездит по разным странам и сбывает дуракам иностранкам наших неисчерпаемых шагалов и малевичей, внушая беднягам, что сие есть истинное искусство, которому должно бережно храниться в лучших музеях и коллекциях Европы и Америки. Он любил хвастаться, что тем самым Тамара отвлекает внимание ненасытных от наших истинных ценностей, хотя в глубине души он не был точно уверен, где жена врет: когда уверяет его в своем презрении к этой мазне или когда взахлеб расхваливает «современное искусство» кому надо.

Сейчас она была в Австрии. Третью неделю устраивала выставки и продажи картин некоего Ефима Ро, явного жулика и халтурщика, которого на самом деле звали Дмитрий Соскин.

- Тамара! - прошептал Белокуров. - Где ты? Прискачи и спаси меня! Я, кажется, действительно влюбился. Господи, какая женщина! Сердце, ты ли это?

Глава вторая
Тайное общество закрытого типа

- А почему «Ы»?
- Чтоб никто не догадался.

В одном из домов на Люблинской улице, в частной квартире заканчивался весьма важный прием, компьютер вовсю вел обработку данных, полученных во время исследования, а только что изученный пациент сидел посреди комнаты в низеньком кресле ни жив ни мертв. Это было вполне человекоподобное существо, зачем-то явившееся сюда в черном смокинге с малиновой бабочкой, коротко стриженное и чисто выбритое с помощью наилучших средств современной бритологии. Лицо его несло на себе несвойственный ему отпечаток легкой поэтической грусти и даже некоторой стеснительности.

- Что же, доктор, - осмелилось произнести оно, - вы хотите сказать, что я по жизни такой?

- Все мы по жизни какие-нибудь, - сурово отвечал доктор. - Сейчас вы получите предварительные графики. Далее я буду основательно над вами работать, и через месячишко вы получите что-то более конкретное.

- А то, что вы говорили насчет метелок?

- Ну, в этой области у вас ярко выраженные всхолмия, тут ничего не поделать, не мне вам туфту гнать. Тут уж вы по жизни именно такой. Но при этом вам надо помнить, что инерционная скважина у вас слабая, и увлечение женским полом может привести вас к неминуемой гибели.

Существо побледнело.

- Е-ть! Так, смэ, и к гибели? Слыхал, Чеченя?

Слуга, не тот, что стоял у двери, а другой, который дежурил у окна, зорко вглядываясь в весенние сумерки, слегка оглянулся:

- А я вас предупреждал, маэстро.

Доктор мельком глянул на Чеченю, не нашел в его облике ничего кавказского и заметил вскользь:

- А вам, молодой человек, я бы советовал поменьше курить травку. С вашими надбровными дугами, знаете ли…

- А может, вы и меня обследуете, доктор? - робко спросил Чеченя. - Можно, Геннадий Ильич? - тотчас справился он у своего хозяина.

- Времени нет, - недовольно нахмурился главный объект

исследований.

- Я, кстати, тоже через пятнадцать минут должен покинуть сии апартаменты, - еще более сердито промолвил доктор.

- Можем метнуть куда надо, - с надеждой предложил объект.

- Спасибо, у меня своя на ходу. Та-ак, вот ваши графики.

- Что там насчет лететь ли мне в Амс?

- В смысле… в Амстердам?

- Ну да, в Дам.

- Нема базару. Летите, работайте, отдыхайте, а через месяц еще раз ко мне. Рад был с вами познакомиться.

- О чем речь, док! - с видимым облегчением произнесло существо, поднимаясь медленно с кресла, вытаскивая из кармана бумажник и отсчитывая четыре стодолларовые бумажки. - А через месяц еще шестигриновую?

- Так точно, еще шестьсот долларов, - кивнул доктор.

Он проводил хозяина и его слуг до входной двери, попрощался, потом проследил в окно, как они погрузились в шестисотый «мерседес» и отчалили, подошел к зеркалу и, по традиции, осмотрел свое лицо на предмет того, не стало ли и оно человекоподобным. Что-то такое мелькнуло кроманьонское, но тотчас исчезло. В общем-то на доктора смотрело довольно молодое лицо, покрытое вместо усов и бороды модной в эти дни щетиной, которая так раздражала докторскую маму. Она постоянно ворчала по сему поводу: «В телевизор посмотришь - одни мохнорылые, и сына моего на мохнорылость потянуло. Сбрей, Сережа, прошу тебя!» - «Летом на море поеду - сбрею», - обещал Сергей Михайлович.

- Мама! - крикнул он теперь. - Ты не погладила мне ту сорочку, которую я просил?

- Погладила, погладила, - откликнулась Людмила Петровна, входя в комнату сына с благоухающей утюгом сорочкой.

- Спасибо, мамочка, - поцеловал ее в щеку сын.

- Всякий раз глажу и думаю: «Может, женится, наконец?»

- Прямо вот в этой сорочке сегодня и женюсь, - засмеялся Сергей Михайлович. - В сорочке надо было родиться, а не жениться, мама!

- Я-то тебя в сорочке родила, да вот ты ее потерял.

- Ну да, потерял! Как раз в последнее время нашел. Видала сегодняшнего питекантропа? Полчаса у меня посидел, а четыреста баксов оставил. Через месяц еще шестьсот отвалит, как миленький.

- Вот это-то мне и не нравится. Я бы предпочитала, чтобы ты всю жизнь имел дело с останками питекантропов, а не с ожившими экземплярами.

- Что делать, мамочка, таково время. Ты же смотрела «Парк юрского периода». Древность оживает и дает нам понять, что лучше было любить ее из далека веков. Хотя ни один мертвый питекантроп не отстегнул бы мне за обследование его черепушки сразу столько денег. Так что есть свои плюсы, и есть свои минуты.

Повязав галстук и надев к черным брюкам рябой пиджак, Сергей Михайлович тщательно причесался и снабдил свой бумажник только что заработанными деньгами. Настроение его улучшалось, и уже не так тошнило от воспоминания о том, как он сказал: «Нема базару». Вскоре он уже садился в свою «мыльницу», как называла малолитражку «Оку» Евдокия, и выруливал из двора, спеша на свидание. Он боялся опоздать, ибо времени у него оставалось не так много. На душе у Сергея Михайловича было тревожно, и он с удовольствием выпил бы чего-нибудь покрепче, если б не был за рулем. Евдокия сказала, что сегодня многое решится. Что многое?

Она ему нравилась. Давно нравилась, но до Нового года у нее был другой, и лишь этой зимой, узнав, что они окончательно расстались, Сергей Михайлович решил пойти на приступ. Иногда ему даже казалось, что он влюблен в нее, а иногда наваливалась лень, и как представишь, что надо будет жениться, жить вместе, барахтаться в узах…

- О-хо-хо! - простонал Сергей Михайлович, выезжая на Автозаводскую.

С другой стороны, ему хотелось, чтобы многое решилось, ибо он мечтал о Евдокии как о красивой и притягательной женщине. В ней была загадка, и ему хотелось ее долго разгадывать.

Переехав по Автозаводскому мосту через Москву-реку, Сергей Михайлович оказался в том районе столицы, который он называл «монастырско-кладбищенским», ибо тут располагались три кладбища и два монастыря. Сумерки уступили место вечеру, но Сергей Михайлович все равно издалека разглядел около станции метро фигурку Евдокии. Затормозил, вылез из «мыльницы» и крикнул:

- Ева!

Она предпочитала, чтоб он называл ее именно так, поскольку предыдущий звал ее Дусей. Увидев Сергея Михайловича, она радостно подбежала, благоухая настоящими французскими духами, поцеловала его в щечку и юркнула на сиденье.

- Хорошо, что ты не опоздал, - сказала она, когда он снова сел за руль. - Отлично выглядишь. Хоть в телевизор. Значит, так, нам надо попасть между Донским и Даниловским кладбищами. Знаешь, как туда ехать?

- Знаю.

- А там, на месте, я покажу. Сегодня очень важный день, Сережа. Двадцать четвертое апреля.

- День рождения Ленина позавчера уже прошел, - пошутил Сергей Михайлович, двигаясь в сторону межкладбищенского пространства.

- И тем не менее, - улыбнулась Евдокия. Она выглядела так, будто ей едва за двадцать, а не тридцать два. - Как там твои питекантропы?

- Сегодня попался отличный экземпляр. Никогда не видел таких холмов Венеры. Памиры, а не холмы. Согласись, есть чему удивляться: я всю жизнь копался в черепах давно умерших людей палеолита, а теперь эти люди ожили и мне приходится им же самим давать полные сведения об их черепах. Мистика истории! Время, на которое обрушилось древнее прошлое.

- Вот здесь направо. Да уж, истинно говорят: последние времена наступают. Теперь налево. Вот к этому дому, к последнему подъезду. Помнишь, у Голдинга роман про то, как одновременно с людьми продолжают еще жить неандертальцы? Когда нам откроют, скажи громко: «Честь имею!»

- Это зачем?

- Так надо. Пароль.

Закрыв машину, Сергей Михайлович поспешил в подъезд следом за Евдокией и догнал ее уже около двери на первом этаже. Им открыл пожилой мужчина, похожий на финансового магната Березовского - такой же маленький, черноплешивенький, с умным и интеллигентным взглядом.

- Честь имею! - сказал Сергей Михайлович первым.

- Здравствуйте, Ева, - сказал человек. - А это, стало быть, ваш Адам Кадмон? Ну проходите.

- Здравствуйте, Святослав Зиновьевич, - сказала Евдокия. - Адама зовут Сергей.

- Очень приятно, моя фамилия Вернолюбов, - с гордостью представился Святослав Зиновьевич, протягивая руку.

- А моя - Тетерин, - сказал Сергей Михайлович.

- Очень… О-о-о! Очень хорошая фамилия! - заулыбался Вернолюбов. - Вы и сами не знаете, до чего у вас хорошая фамилия!

Они разделись в прихожей.

- Ну вы сами спуститесь, Евушка, - сказал хозяин дома. - Усадите своего Адама, а вам-то ознакомительную, наверное, не нужно будет слушать, можете развлечься в крипте.

- Нет, я вместе с Сергеем послушаю вас сегодня, - возразила Евдокия и повела Сергея Михайловича по длинному коридору налево.

Квартира, судя по всему, была огромных размеров, но не успел Тетерин подивиться тому, как длинен коридор, а его уже поджидало иное удивление. В конце коридора они вошли в дверь, которая вела вниз, в подземелье. Внизу стоял огромных размеров питекантроп, узнавший Евдокию и впустивший ее и Сергея Михайловича в просторное помещение с маленькой сценой и несколькими рядами стульев.

- Сядем поближе, но не в первый ряд, - сказала Евдокия, ведя Сергея Михайловича, коему было несколько не по себе.

Здесь царил полумрак, пахло индийскими благовониями, на сцене стоял стол, а на столе - странный светильник о двух свечах: прямой подсвечник, в нем свеча горит, а от него слева ответвление, в нем вторая горит. Тетерин впервые в жизни видел такой несимметричный канделябр. Все - и запах, и полумрак, и этот чудной светильник - не предвещало ничего хорошего. Да еще стены и потолок покрыты черным шелком. А на стенах - портреты.

- Это и есть то самое таинственное место, о котором ты мне говорила? - спросил он Евдокию.

- Да, - ответила она. - Не спеши с выводами. Поначалу и мне все казалось глупой игрой, но потом меня втянуло. Я хочу знать от тебя, есть ли тут и впрямь что-то значительное.

- Пока мне хорошо здесь только потому, что я рядом с тобой, - сказал Сергей Михайлович и стал изучать портреты, висящие на стенах.

Подбор был весьма неожиданный. По правую руку висели Антон Павлович Чехов, Чарльз Спенсер Чаплин, Василий Иванович Чапаев, Николае Чаушеску, потом неизвестно кто, потом Уинстон Черчилль и Корней Чуковский. По левую руку сплошь красовались какие-то монголо-китайцы, про которых нетрудно было смекнуть, что все они тоже начинаются на букву Ч. Сергей Михайлович усмехнулся, он понял, что и причудливый подсвечник тоже имеет форму Ч. И вдобавок черные стены, потолки, пол. Он посмотрел на Евдокию, легко представил себе, как их сейчас будут дурачить, и она стала ему еще милее своей наивностью.

- Понимаю, - сказала она. - Ты стал о чем-то догадываться, и тебе смешно. Но умоляю тебя, дождись лекции Святослава Зиновьевича и, лишь прослушав ее, делай окончательные выводы.

- Ну я понимаю, Чехов, Чаплин. Чапаев. После того как ты дала мне роман Пелевина, я обеими руками за то, что Василий Иванович не только персонаж народных анекдотов. Ну а Чуковский? А Чаушеску?..

- Потерпи, пожалуйста, Сережа, все узнаешь.

Зал тем временем постепенно заполнялся. Некоторых гостей Святослав Зиновьевич приводил лично и сам усаживал. Вскоре за спиной у Сергея Михайловича и Евдокии образовалась парочка, мгновенно защебетавшая по-английски. Вслушавшись в их разговор, Тетерин некоторое время развлекался тем, что пытался угадать, оба ли они являются коренными носителями языка международного общения, и наконец пришел к выводу, что носителем был господин лет пятидесяти, а дама лет тридцати пяти - при нем и явно русская, потому что она несколько раз промолвила: «Ох, горе мое!» и «Чудеса, да и только!». Потеряв интерес к англоиду и его спутнице, Сергей Михайлович еще раз оглядел портретную галерею, зевнул и не выдержал:

- А почему нет Чубайса? Черномырдина? Чикатилло?

- Чш-ш! - приложив палец к губам, пресекла его иронию Евдокия, ибо все стали стихать и на сцену вышел Вернолюбов в черной мантии, надетой поверх черного смокинга. Сорочка на нем тоже была черная.

«Четыре черных чародея чесали череп чернеца», - вспоминалось Тетерину. а вдовес выплыл Петр Ильич Чайковский. Почему его портрет отсутствует? Непорядок! А еще Чиполлино…

- Дорогие друзья, - начал Святослав Зиновьевич, а подружка за спиной Тетерина стала переводить его речь англоиду на английский. - Сегодня у нас знаменательный день. Великий день. Это день очищения, просвещения и посвящения. Этот день у христиан называется Чистый четверг. Вы только вслушайтесь: «Чистый четверг»! Какое красивое звуч-чание этих двух таинственных, загадочных, ч-чувственных Ч. Кроме того, этот день несет в себе четверку, ибо сегодня к тому же и двадцать ч-четвертое апреля. И вы знаете, что цифра «четыре» всегда была и будет самой главной, основополагающей цифрой в этом мире, где ч-числа имеют огромнейшее значение. Вот она, эта цифра, у меня в руках. - Он взял со стола подсвечник и прочертил им в воздухе пред собою размашистую букву Ч. - Да снизойдет на вас благодать светоча вселенной! Я осеняю вас этой четверкой, как христианский священник осенил бы крестом, ибо в кресте тоже заключено ч-число «ч-четыре», число-чакра и число-чувство, чудо-число, золотое сечение вселенной.

Тетерин с тревогой почувствовал, как им начинает что-то одолевать, словно он махом выпил полный стакан шампанского. Некое покалывание в груди, легкое головокружение и прилив тепла. Он посмотрел на Евдокию, она улыбалась, слушая вещателя. Тот поставил канделябр обратно на стол и продолжал:

- Столетие за столетием люди мучительно искали имя

верховного божества. И не могли этого сделать, ибо в древности ни в одном языке народов мира не было звука, содержащего в себе сущность этого верховного божества.

- «Че»? - прозвучало с переднего ряда. Кто-то там догадался.

- Да, - кивнул Вернолюбов. - Полагаю, что вы не один догадались об этом, а все присутствующие, ибо здесь нет людей с пониженными умственными способностями. Да, господа и дамы, в древних языках отсутствует именно Ч. При египетском фараоне Эхнатоне было признано, что такой единобог существует, потом, при Рамзесах, египтяне в муках приближались к имени этого бога, в их языке стало встречаться звукосочетание «тш». Бог Тот, сердце Ра, иногда именовался Тшотом, но потом Египет стал угасать, в языке появилась вялость, «тш» превратилось в тусклое «ш». Одно имя фараонов последних династий - Шешонки - красноречиво свидетельствует об упадке. Только сравните: Джедефра, Менкаура, Аменемхет, Тутанхамон, Рамзес. И - Шешонки. Мышонки какие-то, мошонки, мошки. Смешно, да и только!

По аудитории легким ветерком пробежал смешок-шешонк. Сергей Михайлович тоже не удержался от этого смешонка.

- Перейдем к евреям, - продолжал Святослав Зиновьевич. - Как известно, Моисей вывел все израильские колена из Египта в землю обетованную и вместе с израильтянами унес всю египетскую культуру с ее главным изобретением - единобожием. Но, увы, и древние евреи не имели успеха в познании имени этого единого верховного божества, лишь приблизившись к его познанию, но уже не через Т и не через Ш, а через «йот» и «хет». Евреи создали основополагающую религию единобожия, оправдали ее и систематизировали, но они лишь приблизились к великому Ч. Вместо Ч у них родилось несравненное нагромождение - ЙХВХ, более известное как Яхве или Иегова. Многие уверяют нас, будто ЙХВХ есть не что иное, как сакральная аббревиатура. Но на самом деле (и это открылось мне, а я открываю вам) ЙХВХ - это лишь суррогат священного Ч.

- Ого! - тихо прошептал Тетерин.

- С ума сойти, правда? - еще тише прошептала Евдокия.

- Но не будем винить евреев, их и так все, кому не лень, обвиняют в миллиарде грехов, - продолжал Святослав Зиновьевич. - Они в свое время на три головы опередили всех своих современников. Ни греки, ни римляне не способны были даже и помыслить о том, к чему так стремились евреи. Они и до ЙХВХ не доросли. Хотя и у них были слабые попытки приблизиться к Ч. У греков через «фиту», «каппу» и «хи». Зевс, или, как правильно по-гречески - Феос, это уже почти Чеос. А

приближения через «каппу» и «хи» - это «кириос» и «харизма».

Тетерин мысленно перевел «кириоса» в систему Ч и получил «чирий». Но ему почему-то стало не смешно, а жутко, потому что Вернолюбов продолжал невозмутимо вещать:

- У римлян приближения к Ч шли через Д и Ц. Это «деус» и «цезарь». Забегая вперед, скажем, что лишь итальянцы, получив благодать, перевели Ц в Ч. Не Цезарь, а Чезаре. Не церто, а черто. И так далее. А мы с вами подошли к явлению Сына Человеческого, Человекобога. Именно он, Христос, явил в мир разрешение. Сакральная четверка заключена и в Его имени, и в кресте, на котором Он был распят. Сам Он, заметьте, ничего не говорил в своих проповедях про Ч, но именно с наступлением христианской эры в языках народов мира появляется этот звук. У одних народов раньше, у других позже. Но если мы с вами окинем взором всемирную карту языков, то нетрудно будет заметить, что подавляющее большинство народов несут в своей речи звук Ч. Легче перечислить языки, в которых Ч отсутствует. Это французский, иврит, арабский и еще несколько второстепенных по значению в мировой истории народов, о которых, в отличие от арабов, евреев и французов, не стоит даже упоминать. Меня заботило другое. Китайцы. Не было ли в их языке Ч до появления Христа? Оказывается, не было! У них было приближение к Ч через звукосочетание «цж», как у египтян через «тш». И лишь в первом-втором столетиях нашей эры «цж» превратилось в «чж» и Ч. Заметим, что Китай особенно проникнут духом великого Ч. Потому-то китайцы так благословенно расплодились, тогда как многие другие нации вымирают, включая нашу, русскую. Заметим также, что Китай - одна из немногих стран, которая и называется-то на Ч.

- Как то есть на Ч? - раздалось с первого ряда, и у Тетерина закралось подозрение, не сидит ли там, на первом ряду, клакер.

- А вот так, дорогие мои, - подхватил Вернолюбов. - По-китайски слово «Китай» звучит следующим образом: «Чжунхуа». Есть еще, конечно, Чили, Чехия, Черногория, Чечня. Но Чжунхуа - самое многонаселенное государство, называющееся на Ч. И все распространенные китайские имена начинаются на Ч: Чанг, Чжоу, Чжень и так далее.

Тетерин, вновь внутренне усмехнувшись, огляделся по сторонам, не висит ли где-нибудь на стене картинка с изображением чау-чау.

Слушатели откликнулись улыбками и легким смехом. Все видели, что их завлекают в какую-то новую и необычную игру.

- Бедные народы бывшего СССР, - промолвил Святослав Зиновьевич. - Они убегают от наших русских отчеств, не зная, от

чего на самом деле бегут. Они бегут от причастия к Ч. А вот мы обмолвились о причастии. Значит, скажем о нем. Что означает быть причащенным? Конечно, это быть при Ч. В церквах причащают Христу. В нашем обществе тоже есть причастие, но мы причащаемся не проводнику великого Ч, а самому Ч, испытываем его эманацию. Да, наконец-то человечество допущено. Я буду вашим учителем, ибо что значит учитель? Это у-читель. Человек, стоящий у Ч. Его у-ченики - люди, которым предстоит тоже стоять у Ч. А сколько в русском языке великих слов, несущих у себе Ч! «Честность», «чистота», «чудодействие», «чтение», «честь», «чары»… Главное местоимение - «что». Ибо вместо имени бога Ч - это «то». Ч-то… Мы будем изучать все это. Весь мир дышит и насыщен священным Ч. В русском языке Ч наиболее частотно, потому что русская душа наиболее притягивается к высшему, горнему миру, покидая мир дольний. Небесное Ч - вот главное ч-чаяние его души. Отойдя от Ч, русский всегда испытывает от-чаяние.

В первом ряду захлопали, и тотчас все непринужденно подхватили сей аплодисмент, на сей раз растроганные сказанным.

- А знаменитое время Ч! - торжественно продолжал Вернолюбов. - Вы только подумайте, как русские военные называют эту особо критическую ситуацию! Время Ч! Это тоже вам шутки? Нет, не шутки! Придет час Ч, когда все поймут, что это не шутки. И тогда только посвященные в Ч будут радоваться и ликовать его приходу, а прочие возрыдают. Каждый из тех, кто висит на этих портретах, был провозвестником Ч, оттого на нем была пе-чать Ч, их имена начинались с Ч. На-чинались. Чин их был таков. А слово «человек»? Глупые люди объясняют его происхождение от «целый век». Чушь! Человек означает «Ч ловец», то бишь тот, кто ловит Ч. «Идите за мной, и я сделаю вас ловцами Ч», - сказал на самом деле Христос, а вовсе не «ловцами человеков». Я сам родился и вырос в Челябинске. Говорят, название этого города происходит от какой-то «челябы», якобы по-татарски - «ямы». Ерунда! Челябинск - Ч-любинск, «где любят Ч».

«Чушь собачечачья!» - чуть было не воскликнул Тетерин, но снова сдержал свой благородный порыв, памятуя о Евдокии.

- Вы думаете, и это шутки? - воскликнул Вернолюбов. - Ничуть. Я все могу доказать, все, о чем сей-час говорю лишь вскользь. И если вы думаете, я сей-час нарочно выставляю заранее приготовленный ряд, то можете назвать мне любое ч-содержащее слово, и я разовью его тему, объясню его честное призвание в этом мире приуготовления к Ч. Прошу вас! Любое

слово с Ч. Необязательно, чтоб начиналось с Ч. Я повторяю: ч-содержащее.

«Чертовщина», - хотел было выкрикнуть Тетерин, но его опередили с первого ряда. Сидящий там явный статист громко и злонамеренно чихнул.

- О! - захохотал, радостно потирая руки, Святослав Зиновьевич. - Превосходнейшее апчхи! Эдакий А. П. Чехов, я бы сказал. Чихание - великий акт физического смущения, трепета, тревоги в предчувствии Ч. Многие чихают, выйдя из дома на улицу и взглянув на солнце. Это открывается чакра третьего глаза, и в нее врывается частичка Ч. Можно научиться чихать произвольно. Я научу вас этому. Чихание позволяет в различных ситуациях расслабиться, раскрепоститься, развеселиться, развеять набрякшую неловкость в общении. Чихнувшему всегда желают здоровья. Верно? Его замечают и обласкивают, потому что чувствуют в нем эту частичку Ч. Дальше! Если кто-то чихнет после какого-либо важного утверждения, все воспринимают этот чих как доказательство истины.

Подсадной в переднем ряду снова громоподобно чихнул. Слушатели рассмеялись. Засмеялся и Вернолюбов:

- Вот видите? Вот видите? Это подтверждает правильность всех моих рассуждений. Этот чистосердечный апчехов - как печать: «сказанному верить!» Нельзя чихать по ветру: ветер унесет частичку вашего Ч. Надо стараться воздерживаться от многочисленного чихания. Знаете, как некоторых, бывает, возьмет чих - трудно остановить. Но чихать надо хотя бы один раз в час. Вот давайте-ка сейчас все вместе со мной чихнем. Три-четыре! Апчхи!

- Интересно… - пробормотал Тетерин.

- Смотри, что сейчас будет, - многозначительно взглянула на него Евдокия. - Сейчас-то самое интересное и начинается.

Только она это произнесла, как по всему переднему ряду проскакал чих. За первым рядом стал чихать второй, потом третий, потом четвертый, в котором сидели Сергей Михайлович и Евдокия. В носу у Тетерина засвербило, защекотало, и он в отчаянии, мельком подумав: «Черт знает что такое!» - чихнул. Чихнула и Евдокия. Зачихали задние ряды.

- Ну вот, убедил я вас в чем-то? - спросил Вернолюбов, когда всеобщее чиханье закончилось и стихло. - Хотите еще?

- Хотим! - крикнули со второго ряда.

- Хватит, - лукаво сощурился Святослав Зиновьевич. - Хорошего понемножку. Я же говорю, частое чиханье вредно. Но если уж мы затронули чиханье, затронем и чесание. Чёс тоже напрямую связан с Ч. Вот простейший пример. Если чешется

левая ладонь, это к чему?

- Деньги получать, - подсказали с третьего ряда.

- Правильно, - кивнул проповедник Ч. - Ч входит в человека через левую ладонь, через чакру, лежащую в середине ладони. А выходит через правую ладонь, тоже через чакру. Эти чакры - гвоздевые. В них были забиты гвозди распинаемому Христу. Придет время, и вы будете правильно произносить имя этого величайшего из проводников Ч. Но не сейчас. Итак, гвоздевые чакры. В левой - вход, в правой - уход. Вот почему и деньги. Входя в левую, Ч сообщает вам о скором прибытке, а выходя из правой - о скором убытке. Ну-ка, почешем левую ладошку.

С первого ряда и дальше покатилась на сей раз волна чесания левой ладони. Когда она докатилась до четвертого, Тетерин ощутил нестерпимый зуд в левой ладони, такой жгучий, что нельзя было не почесаться, и он стал скрести ногтями ладонь, улыбаясь Евдокии:

- Ну и ну! Массовый гипноз, да и только!

- Это не просто гипноз, Сережа, - ответила Евдокия, заканчивая чесать свою левую ладонь.

- Теперь почешем правый глаз, - продолжал Вернолюбов свои выкрутасы. - Как известно, правый глаз чешется к смеху, а левый - к слезам. Нам слез не надобно, почешемся к смеху. Ч благоволит нам сегодня, в этот Чистый четверг. Чакра правого глаза столь же благодатна, как чакра третьего. Когда вы смотрите на человека, которого хотите заставить любить вас, мысленно посылайте Ч через правый глаз, этаким лу-чом, луч-ч-чом.

Все уже вовсю терли свой правый глаз, и когда очередь дошла до Сергея Михайловича, он ощутил едкое пощипывание в том углу глаза, который ближе к переносице, и не мог не залезть туда кончиком указательного пальца. Сняв зуд, он весело посмотрел на Евдокию и сказал:

- Дай-ка я погляжу на тебя этаким луч-ч-чом-м-м!

Она засмеялась и, вдруг покраснев, сказала:

- Смотри, коли надо.

- Надо, - ответил Тетерин и неожиданно добавил: - Я люблю тебя, Ева. И хочу, чтоб ты тоже меня любила.

- Уже, - продолжая улыбаться, промолвила Евдокия.

- Что - «уже»? - спросил он.

- Уже дальше надо слушать, - рассмеялась она.

- Вот видите, все смеются, не успев начесать как следует свой правый глазик, - говорил Вернолюбов. - А к выпивке мы что с вами почешем?

- Кончик носа! - подсказали с первого ряда.

- Правильно. Ну, давайте чешите.

Когда все присутствующие миновали и эту процедуру, Святослав Зиновьевич посерьезнел и сказал:

- Неплохо мы расслабились. А теперь давайте поме… что? Помечемся? Помельтешимся? Нет. Давайте мы с вами помечтаем. Закройте глаза. Сначала вы увидите большую светящуюся Ч. Это легко объяснимо, ибо вы все время видели перед собой меня, а душа моя плыла вам навстречу в форме Ч. Но дальше вы увидите то, о чем мечтали, ну, скажем, за час до того, как начали слушать мою лекцию. Приступим. Закрывайте глазки!

Тетерину сделалось весьма любопытно, что же он увидит. Действительно, когда он закрыл глаза, его замкнутому взору предстала светящаяся Ч, но вероятнее всего, не от души Вернолюбова, а от имеющего очертание Ч канделябра, поскольку верхушки этого Ч особенно выделялись. Далее стало рассветать, замелькали, заметались, замельтешили какие-то тени и точки, Тетерин ожидал увидеть себя в постели с Евдокией, но вместо этого вдруг ясно и четко увидел Геннадия Ильича - сегодняшнего питекантропа, явившегося к нему на прием, желая решить для себя проблему - лететь ли ему в Амстердам. В Амс, как он выражался. Вид у Геннадия Ильича был довольно унылый и в то же время сосредоточенный, одет он был отнюдь не в смокинг, а в замасленную и крепко потертую рабочую спецовку, и стоял он у токарного станка, решительно обрабатывая огромную крутящуюся металлическую болванку, от которой отплывала в сторону толстая синяя стружища. Вдруг что-то хрястнуло, Геннадий Ильич отскочил со слезливой гримасой на лице, но успел-таки выключить станок. Деталь была неисправимо запорота…

Оглянувшись и открыв глаза, Тетерин стряхнул с себя наваждение и огляделся по сторонам. Все вокруг тоже приходили в себя, потряхивая головой и удивляясь увиденному.

- Ну, что видел? - спросила Евдокия.

- Потрясающе! - гоготнул Сергей Михайлович. - Представляешь, сегодня у меня на приеме был один питекантроп в смокинге, и я, когда он ушел, мельком, полуосознанно подумал: «На завод бы тебя да за станочек!» Подумал и немедленно забыл об этой мысли. А сейчас вдруг четко увидел эту гориллу за токарным станком. Ну и ну!

- А я-то думала, ты за час до нашей встречи мечтал обо мне, - обиделась Евдокия.

Эх! Надо было ему ей наврать! Но уж поздно.

- А тебе что привиделось? - спросил он.

- Хотела сказать, а теперь не скажу, - продолжала она дуться.

- Вы думаете, я гипнотизер, - снова зазвучал голос

Вернолюбова. - Нет, я не гипнотизер. Я - ч-носец. Человек, несущий Ч. Как крестоносец. После того как мне открылась великая тайна Ч, подобно тому как пророку Мухаммеду Коран, а пророку Моисею Скрижали, во мне родились необыкновенные способности. Но все они подпитываются лишь одним - верою в Ч. И вот теперь я приглашаю вас всех познать эту веру и научиться всему тому, чем владею я. А я обладаю очень многим и могу сделать вас могущественными. Такими, какими вы не сделаетесь ни при какой другой религии. Но вы должны будете все сохранять в глубочайшей тайне. Сейчас вы подумаете и решите, как вам поступить. Решение это ответственное и может навсегда переменить вашу жизнь, а потому взвесьте все как можно тщательнее, не спешите, подумайте, почувствуйте. Если кто-то остался совершенно равнодушен, уходите, не мешкайте, бегите прочь. Но придет час Ч, и вы окажетесь среди непосвященных, и тогда - горе вам. Вы останетесь без благодати Ч. И я не позавидую вам тогда. Думайте. Решайте. Я не тороплю вас.

Один парень в третьем ряду встал сразу и направился к выходу.

- Не надо, Слава! Прошу тебя! - воскликнула его девушка. Видимо, она привела этого Славу сюда точно так же, как Евдокия привела Сергея Михайловича.

- Можешь оставаться, если хочешь, - прорычал Слава.

- Да, я останусь, - твердо и злобно отозвалась девушка. - Я-то останусь. А ты можешь уходить, если тебе не дорога я и не дорог самому себе ты сам.

Парень замешкался, посмотрел внимательно на девушку, но все же пошел прочь, прокряхтев:

- Эх ты! Дурочка!

Сергей Михайлович подумал, что и ему бы надо спасаться отсюда. Но, с другой стороны, что тут такого опасного? Подумаешь, Ч! Подумаешь, гипноз! Забавное, кстати, времяпрепровождение. И он не пошел следом за Славой.

- За то, что ты остаешься, - прощен, - улыбнулась Евдокия.

- А можно один вопрос? - раздался женский голос за спиной у Тетерина. Он принадлежал той, которая состояла при англоиде.

- Пожалуйста, сколько угодно вопросов, - живо отозвался Святослав Зиновьевич.

- Вот тут наш гость из дружеских Соединенных Штатов Америки интересуется, - продолжила «состоящая при». - Мистер Джереми Браун, из академии сверхспиритуальных художеств, город Орландо, штат Флорида. Он спрашивает, как быть народам, у которых слова «честь», «чистота» и тому подобные не начинаются с буквы Ч? Эти народы что, безнадежно обделены?

- Скажите мистеру Брауну, - ответил Вернолюбов, - что все это познается не с первого занятия. Путь познания Ч очень долог. Конечно, дорогой мистер Браун, по-английски «честь» - honor, а «чихать» - to sneeze. Они не содержат в себе Ч. Хотя слово «чесать» Ч содержит - to scratch. Но не в этом дело. Вы спросите мистера Джереми Брауна, на каком языке он чихал?

По залу прокатился веселый смех.

- А на каком языке он чесал свою левую ладонь? - продолжал Святослав Зиновьевич. - Священное Ч принимает к себе все народы. Просто через русский язык легче познать Ч. Я рад, что к нам заехал гость из далекой Флориды. Я дам вам, мистер Браун, один американский адрес. У меня есть в Америке адепт, который уже начал обучать американцев познанию Ч.

В переднем ряду зааплодировали. Весь зал подхватил овацию.

«Дурдом!» - подумал Тетерин, но тоже похлопал в ладоши.

- Судя по этим аплодисментам, - приосанился Вернолюбов, - здесь есть люди, готовые стать новициатами нашего общества. Теперь мы сделаем так: тот, кто хочет продолжить вхождение в Ч, подойдет сейчас к столу и положит на стол все, что у него имеется в наличии. Я имею в виду деньги. Все без остатка, ибо Ч видит все. Тот, кто хочет утаить приношение, лучше пусть уходит следом за тем малодушным Славой.

- Это самое главное испытание, - сказала Евдокия. - На жадность. Иди и соверши приношение. Не волнуйся, у меня деньги есть, я потом поделюсь с тобой, если надо.

- Я облегчу вашу задачу, - говорил тем временем Вернолюбов. - У вас сейчас зачешется правая ладонь. Чакра щедрая, дароносная подскажет вам путь в Ч. Эти деньги необходимы нам для проведения дальнейших занятий, для аренды помещений и всякого такого прочего. Не вам мне объяснять. Вы все люди умные.

Тут Сергей Михайлович услышал недовольный ропот мистера Брауна у себя за спиной. Видать, у того много было в бумажнике. Да и у Тетерина немало. Шутка ли - четыреста долларов? Да поллимона нашими. Ну, сотню баксов можно было еще выложить ради спокойствия Евдокии. Все-таки ч-носец Вернолюбов заслужил. Распинался тут, затрачивал энергию на чих, чес и прочее мечтание.

Сергей Михайлович встал и нерешительно направился к столу на сцену. Неужели все отдать? А с другой стороны, как они, эти баксы, были сегодня заработаны? На таком же халявном шарлатанстве. Но ведь Сергей Михайлович - ученый, палеоантрополог, разработчик новой теории значения

надбровных дуг у синантропов. Кто виноват, что ради продолжения истинно научных изысканий ему приходится шарлатанить, заниматься черепословием с нынешними питекантропами? Разве он виноват в этом? Нет, не он. Он не ходил защищать «Белый дом» в девяносто первом и не очень-то ликовал в девяносто третьем. Он давно видел, что к власти приходят питекантропы в малиновых пиджаках и шестисотых «мерседесах» и не приветствовал их. Так что…

Подойдя к столу, он извлек из кармана бумажник и смело взглянул в глаза ч-носца, как смотрят в глаза смерти. В глазах у Святослава Зиновьевича он прочел целую оду его щедрости, но, прочтя ее, подумал: «А вот хрен тебе с маслом!». из правого отсека бумажника он вытащил все отечественные деньги, а из левого - только одну стодолларовую бумажку, оставив три - будь что будет. Положил неполное свое жертвоприношение священному Ч на стол, покрытый черной скатертью и уже заваленный в достатке как российским рублем, так и американским долларом. Но Святослав Зиновьевич отметил, сколько было положено Тетериным, и Сергей Михайлович дрогнул, ожидая, какой сейчас разразится скандал, ведь он все насквозь видит, этот челябинский проныра. Чернолюбов он, а не Вернолюбов! Ах ты, вот оно что! Вот каково истинное прочтение его фамилии. А Тетерин? Чечерин, что ли? Здорово! Никогда бы не подумал.

- О! Я вижу щедрую руку! - воскликнул тут ч-носец. - Позвольте же мне прикоснуться к ней, пожать ее. Я смотрю, вы не пожалели более миллиона рублей, если все перевести в рубли. Браво!

«Увидел или не увидел? - подумал Тетерин, пожимая руку Святослава Зиновьевича. - Искренне благодарит или глумится?»

- Я люблю тебя, Сережа! Я горжусь тобой! - воскликнула Евдокия, когда Сергей Михайлович вернулся к ней.

Вечер продолжался.

Глава третья
Спать пора

…одна маленькая, но гордая птичка сказала:
«Лично я полечу прямо на солнце».
И она стала подниматься все выше и выше…

Телефон зазвонил часов в одиннадцать, когда Владимир Георгиевич уже вовсю спал. Он проснулся с пятого или шестого звонка и, сняв трубку, услышал голос Кати:

- Московское время двадцать два часа пятьдесят девять минут. Вы проспали два часа восемь минут. Володь! Одевайся, едем в княжество прямо сейчас. Я на Садово-Кудринской, думаю, через полчаса буду у тебя. Пока ты не очухался и не стал возражать, вешаю трубку.

Раздались гудки. Владимир Георгиевич почесал себя телефонной трубкой по щеке и подумал, стал бы он возражать или нет. Закон княжества предписывал ему сейчас спать, и Катин каприз не оправдывал нарушения закона. И все-таки на то он и закон, чтобы время от времени его нарушать. Ревякин сладко зевнул, повесил трубку, встал, потянулся и начал собираться, ворча:

- Чего доброго, она еще выпивши, вот не было печали!

Катин муж, князь Жаворонков, по документам носивший другую фамилию, должен был сегодня улететь во Францию, а Ревякин и Катя намеревались ехать в княжество завтра утром. Однако, может, и хорошо, что поедут сейчас. Завтра Великая пятница, и хорошо будет встретить рассвет вместе с «жаворонками». Слава Богу, все собрано, можно не спеша одеться, сложить в дорогу еду и питье. И все же ужасно хочется спать. Трудно переломить сложившуюся за три года привычку.

Ровно через полчаса Катя объявилась. Она была веселая, щеки горели, глаза сверкали, вся изящная, в длинном черном пальто, черные волосы коротко стрижены, вошла и пахнула смесью французских духов «Опиум» и алкоголя.

- Да ты пьяная!

- Сто грамм коньяка. Здоруво, отец-основатель! Как дела в лагере? - Она повисла у него на шее, прильнула губами к губам. Но поцелуй был недолгим. - Не бойся, не совращу. Отвезу тебя к твоей Маринке.

- Да уж, отвезешь, как же! - сердито буркнул Ревякин. -

Придется мне, сонному, вести машину. Ты на «чироки»?

- На «Ч». Это что, груз?

- Ага. Дотащишь один чемодан? А я - эти два.

- Дотащу, так и быть.

- Тогда пошли.

- Пошли, муж грузоподъемностью два чемодана.

Спускаясь по лестнице, Владимир Георгиевич почувствовал волнение. От Кати исходило недоброе. Пятнадцать лет назад, приехав с ней в Крым, Ревякин, таща с вокзала в Симферополе чемоданы, сказал о себе: «Муж грузоподъемностью два чемодана». Вспомнив сейчас об этом, Катя явно заигрывала с ним. И еще этот поцелуй…

- Князь нормально уехал? - спросил он на выходе из подъезда.

- Нет, не нормально, - ответила Катя. - Впервые за все время нашего совместного проживания не сказал мне: «Если что - убью».

- Да-а… Подозрительно. Э-э… я за руль.

- Чуть выпивший водитель все же предпочтительнее спящего.

- А если остановят?

- Не бэ!

- Я тебе дам «не бэ»! Садись туда. Выедем из Москвы - пущу за руль. Зачем коньяк пила, если собиралась в ночь ехать?

- А я не собиралась ехать. А потом вдруг подумала: классно будет ехать с тобой ночью, прибыть в княжество до рассвета. Завтра во сколько?

- Шесть ноль три. Приедем, «жаворонки» еще будут дрыхнуть.

В полусне он вырулил с Большой Почтовой на Бакунинскую, перебрался по мосту на другую сторону Яузы и вскоре уже ехал по Преображенской набережной, дав мощному джипу чуток побольше скорости. Княгиня Жаворонкова волнующе благоухала «Опиумом» и коньяком, и Ревякин подумал, что лучше всего было бы сейчас уснуть в ее теплых объятиях.

- «Мы уходим опять на броне…» - запел Владимир Георгиевич любимую песню теперешнего Катиного мужа, князя Жаворонкова.

- Зачем ты поешь Лешкину? - спросила Катя.

- Никакая она не Лешкина, - возразил Ревякин. - Я ее тоже очень люблю после Афгана.

- Все равно, - сердито нахмурилась Катя. - Ты там птичек изучал две недельки, а Леха там воевал два года.

- Ладно, напишу ему дарственную на эту песню.

- Куда там продвинулись твои злодеи?

- Майны-то? Представляешь, они полностью истребили всех ворон в Таиланде и Бирме, а еще десять лет назад их там почти не было. Двадцатый век станет веком майн. Вот увидишь, мы доживем до таких времен, когда и в Москве не будет ни ворон, ни

голубей, никаких вообще других птиц, одни майны. Помня о твоей нелюбви к воронам и голубям, могу утешить: майны гораздо симпатичнее. Хотя когда их разводится много, они становятся невыносимы. Наглые, драчливые, говорят, они в Таиланде нападают на бедных тайчиков.

- Странное совпадение в русском языке, - задумчиво промолвила Катя. - Разводиться - одновременно и прекращать брак, и размножаться. Как, ты говоришь, твои майны называются по-латыни?

- Акридотерес тристис. Печальный пожинатель кузнечиков. Хотя «тристис»

- это может быть и мрачный, и важный, и угрюмый. Но мне больше нравится именно печальный.

- Да, красиво. Печальный пожинатель кузнечиков. Именно пожинатель, а не пожиратель?

- Именно пожинатель. В тот год, когда мы с тобой разводились, ареал их распространения ограничивался северными провинциями Афганистана, Таджикистаном, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областями Узбекистана. А когда мы с тобой стали разводиться в нашем смысле, майны тоже начали разводиться, но в своем смысле. У них начался невиданный пассионарный скачок. Они - как некогда монголы, которые тоже долгое время занимали маленькую территорию в Забайкалье, а потом распространились на огромнейших пространствах. Когда ты выходила за Лешку, а я женился на Ирине, майны уже захватили Узбекистан, Киргизию, Туркмению. В конце восьмидесятых их стремительное расселение охватило всю Азию, первые майны объявились в подмосковных лесах. Теперь с ними уже знакомо полмира. Так-то вот, дорогая княгинюшка.

- Но в нашем княжестве их еще нет?

- Несколько раз встречались, но пока не освоились. Сейчас популяция майн двигается на юго-восток. Но придет время, они захватят и наше княжество. И придется его переименовать в княжество Тристия.

- Да, печально, ничего не скажешь, - вздохнула Катя. - Трудно представить себе землю, населенную лишь одним видом птиц. Как если бы и впрямь все захватили монголы.

- Природа все равно возьмет свое, - пожал плечами Владимир Георгиевич.

- Среди майн появятся свои соловьи, свои жаворонки, свои совы, свои вороны, свои орлы. Но я думаю, пассионарный скачок рано или поздно прекратится. Хотя, согласен, есть что-то жуткое в этой грозной экспансии.

- Прямо какая-то майн кампф получается с этими майнами, - усмехнулась Катя. Она всегда была остроумной и приметливой на слова и словечки. Ему некуда было деть воспоминания о той далекой жизни, когда они были вместе, когда он так сильно любил ее. Так сильно, что любит и сейчас, сколько бы ни внушал самому себе противоположное.

Все-таки сон одолевал его, и, когда отъехали от Москвы, Катя села за руль, сообщив, что коньяк из нее полностью выветрился. Они уже проехали Лобню. Ревякин думал, что сразу уснет, но, как ни странно, сон куда-то улетучился, и минут через десять Катя сказала:

- Если не спишь, то спой чего-нибудь или расскажи. Я ведь тоже могу клюнуть носом.

- Что спеть? Ты же запретила про броню.

- Расскажи, как ты жил после того, как мы с тобой расстались.

- В последний раз?

- Да нет, тогда, после развода.

- А-а. Я же рассказывал.

- Очень коротко. Расскажи подробнее. Как ты познакомился со своей Ирой?

- Это было очень смешно. Боюсь, ты не поверишь.

- Валяй, рассказывай.

- Я поехал в Крым…

- В Крым? Без меня?

- Ну хорошо, не в Крым, в Болгарию.

- Рассказывай серьезно.

- Тогда не перебивай дурацкими вопросами. Посредине между Крымом и Болгарией я пошел потанцевать вечером в одно кафе. Там была Ирина, и мы стали танцевать с ней танго. Было страшно весело. В кафе нам стало не хватать места. А там было такое кафе - половина на улице. Я крутанул ее, она, оторвавшись от меня, пошла вперед спиной и не заметила сдвинутую крышку канализации. Ка-а-ак провалится! Не вся, правда, а лишь одной ногой. Представь, даже не помню, левой или правой. Я бросился, вытянул ее, она и плачет, и смеется. Ей и больно, и смешно, и никто не глядит на нее в окно. Слава Богу, никакого перелома, только сильный ушиб. Дальше все пошло как по маслу. До моего санатория было в три раза ближе, чем до бабульки, у которой Ирина с подругой снимала комнату. Так все началось.

- Стало быть, вам помогла канализация.

- Это точно. Только я тогда знать не знал, что это не она, а я провалился в канализацию. Ирине необыкновенно идет загар. Загорелая, она неотразима. Красивые длинные ноги, талия, загар, очень подходящий к светло-голубым глазам, длинные черные

волосы - настоящая красавица! И этот пронзительный взгляд - ко всему прочему она тогда страдала, муж ее бросил лет пять назад, а за пять лет одни подлецы попадались. Страдание придает женщине особый оттенок выразительности. Красивая и одинокая женщина источает из себя самые сокровенные ароматы.

- Ну хватит о ее красоте! Я видела фотографии, ничего особенного. Я гораздо красивее. Ты тогда тоже был одинокий и, поди, источал из своих сокровенных глубин те же ароматы. И что, все у вас произошло в ту же ночь?

- Разумеется, - пожал плечами Ревякин. - Под самое утро. Потом она уснула, а я пошел купаться, оставив дверь открытой. Думал, уйдет так уйдет, и очень хорошо.

- Не понравилось?

- Нет, не поэтому. Как раз очень понравилось, иначе бы и никакого продолжения не получилось. Я долго купался, загорал, нарочно ушел подальше от общего пляжа, потом еще забрался в горы, нарвал охапку сухих лиловых цветов, повидал пестрого каменного дрозда и чеглока, возвратился в санаторий в полдень. Захожу, а она как спала, так и спит себе. И меня, дурака, это почему-то умилило, вместо того чтобы отвратить.

- Да ладно тебе! Ты же был с ней счастлив хоть сколько-то?

- Да, и довольно долго. Больше всего я радовался тому, что способен полюбить еще кого-то после тебя. Мне нравилось баловать ее, многое ей прощать. Словно в насмешку, сразу после нашего с тобой развода у меня появились сносные заработки, и я мог позволить себе баловать Ирину. Когда мы вместе приехали в Москву, она некоторое время скрывала, что у нее есть сын.

- И сообщила об этом в день вашей свадьбы?

- Нет, это было бы совсем мило. Мы поженились не сразу. Зимой, через полгода после знакомства. Какое-то время ее сын жил у родителей Ирины. Потом он перебрался к нам, когда Ирина поняла, что я уже не брошу ее. Наверное, с того дня, как он поселился в моем доме, моя любовь к Ирине стала угасать, только я не сразу заметил это. Этот угрюмый выродок… Сначала я верил, что со временем он ко мне привыкнет, полюбит меня, ведь я хороший. Я был очень внимателен к нему, дарил подарки. Он смотрел на меня волком и воротил нос, будто от меня чем-то воняло. Когда мы с Ириной поженились, ему исполнилось тринадцать лет. Я думал: возраст трудный, если б ему было лет семь, было бы легче. Теперь я понимаю, что он просто подонок и не важно, когда б я с ним познакомился. Он искренне полагал, что если его мамаша осчастливила меня, выйдя за меня замуж, то я по гроб жизни обязан обеспечивать его всем, а он может ничего не делать, до двух часов дня спать, до двух часов ночи шляться,

приходить домой пьяноватым.

- С тринадцати лет?

- Нет, конечно. Но лет с шестнадцати он уже начал выпивать. А попробуй что-нибудь скажи! Ведь я не настоящий отец, а отчим. Отчим всегда не прав, а пасынок всегда несчастненький. Сиротка. И еще мне долгое время казалось, что Ирина за меня, я не видел, что она не любит меня, верил, что она заодно со мной. Но она была всегда заодно со своим сыном.

- А почему его зовут Иосиф? Что, папаша сталинист?

- Нет, - усмехнулся Владимир Георгиевич. - Бродскист.

- Троцкист?

- «Бро»! Броцкист. Обожатель Иосифа Бродского. А вообще-то - самодур и алкаш. Всю жизнь носится с Бродским. При советской власти мечтал пострадать за своего кумира. На волне перестройки все же немного выехал на этом коньке, но очень немного. Бродский хороший поэт, но до чего же омерзительны все его слюнявые обожатели! Теперь Осечка возвратился в лоно своего папаши, вместе с ним ведет клуб любителей поэзии Бродского, вместе закладывает за воротник, я рад за них. Ирину жалко. Она опять одна-одинешенька.

- В ней, должно быть, снова обнаружились, как ты говоришь, ароматы.

- Да, представь себе, она сильно похорошела с тех пор, как мы расстались.

- Осечка! - усмехнулась Катя. - Переставь ударение, и получится осйчка.

- Да, я давно это подметил. Он и есть осечка. Ошибка творения.

- Будь доволен, что Ирина не родила тебе вторую осечку.

- Я доволен, Катя, я всем доволен. Ты не думай, что я плачусь тебе в жилетку.

- Ты до сих пор злишься на меня за то, что я тебя бросила?

- Я никогда не злился на тебя за это. Я понимаю, что ты не создана для жизни с малообеспеченным гражданином, и очень радовался за тебя, что ты вышла замуж за богатого дельца.

- Он не просто делец.

- Прости, я не так выразился. К тому же о своем князе.

- Когда ты согласился с моим предложением принять от него деньги на княжество, я сразу поняла: ты меня окончательно разлюбил. Иначе бы ты ни за что не согласился. Ну, что молчишь? Не любишь меня больше нисколько? Ладно, можешь не отвечать. И кстати, напрасно ты жалеешь свою Ирочку. У нее свой бизнес, хороший дом, куча денег, живет себе припеваючи. Тут ее недавно по телевизору показывали, она нас жить учила. Красивая, я

согласна. Но я, однако, всех милее, всех румяней и белее. Ну хоть с этим-то согласись!

- Согласен.

- Ну а как ты расстался с нею? Как ты решился-то? Ведь ты никого не в состоянии сам бросить. Надо, чтоб тебя бросили.

- Ты права. Это произошло совершенно случайно. Однажды утром она особенно зло отвечала на мои попытки разбудить ее, отстаивая свое священное право «совы» спать до полудня. Она огрызнулась и уснула с таким озлобленным лицом, что я долго глядел на это страшное, злое лицо и ловил себя на мысли, что готов сейчас задушить собственную жену, которую когда-то так любил. Я спохватился и понял: это конец! Тихонечко собрался, взял самые необходимые вещи, деньги - благо они случились тогда - и сбежал. Просто сбежал. Шел и был уверен, что дойду до метро и возвращусь. Сел в метро и думал: доеду до Курского вокзала и помчусь назад. На Курском мне удалось взять билет на поезд в Крым, отправляющийся через десять минут. Я сел в купе и думал: сейчас встану и поеду домой. Потом поезд тронулся, и мне стало хорошо-хорошо. Боже мой, если б ты знала, Катенька, до чего же мне стало тогда хорошо! Я чуть с ума не сошел от счастья. Это был самый лучший день в моей жизни. И наверное, я тогда уже задумал создать колонию «жаворонков». А может быть, еще раньше, когда жил с Ириной и злился на нее за то, что она спит так подолгу. Мне, например, очень нравился анекдот про мужика, который думает о жене: «Эх, дурак я, дурак! Если б десять лет назад убил ее, сейчас бы уже из тюрьмы вышел».

- Да, это хороший анекдот, - улыбнулась Катя. - Хорошо, что он нравится тебе не в применении ко мне. А ты, я гляжу, так разволновался, рассказывая про свою жизнь с Ириной, что и спать передумал. Волнуешься, когда вспоминаешь о ней?

- Волнуюсь, - признался Владимир Георгиевич. - Многое, правда, уже перекипело, но не все. Ее вечная ревность, ее вечное недовольство мною так до сих пор и стоят комом в горле. Ее скандальный голос так и звучит порой в ушах, хотя я уже давно его не слышал.

- Соскучился?

- Ага. Жалею, что на магнитофон не записал.

- Ладно, хватит об этом. Мне надоело про нее. Расскажи лучше что-нибудь про птиц. Я так люблю слушать, когда ты рассказываешь про птиц. Когда мы с тобой жили, я часто сожалела, что я не птица. Давай про птиц, влагере!

Это было их заветное слово. - «Влагере» означало три первых буквы его имени и по две от отчества и фамилии.

- Про птиц? Пожалуйста. Тут я познакомился с одним

оригинальнейшим человеком, творцом разных новых теорий. Например, теория похудения. Человека, желающего похудеть, раздевают догола, связывают по рукам и ногам и так оставляют на месяц в квартире одного. Он вынужден ползать на брюхе или неуклюже скакать на связанных ногах. Через месяц он превращается в змею. В иных случаях откроют дверь, а там никого - змея уползла в пустыню и там счастливо зажила.

- А при чем же тут птицы? Это же о змеях!

- В том-то и дело, что фамилия изобретателя такого метода похудения - Воробьев.

Княгиня посмотрела на отца-основателя особенным взглядом и тихо сказала:

- Ах, Воробьев!.. Тогда понятно.

- Представляешь, он мне рассказывал, как одно время работал экстрасенсом. Дома у себя, бывало, соберет в одной комнате человек десять и говорит им: «Сейчас я уйду в другую комнату и оттуда буду делать пассы, и каждый из вас потихоньку, не все сразу, начнете ощущать, как из вас выходит все дурное. Многих начнет корежить, некоторые по полу станут ползать, на стенку полезут. У меня один раз даже был случай, что человек в этих корчах до потолка по стене добрался. Но предупреждаю: есть люди, неподвластные очищению, эти уже безнадежны, они засорены так, что для них нужен чистильщик с Тибета. Этим у меня нечего делать». Скажет так и уйдет в другую комнату, там сидит целый час, чаек попивает, книжечку почитывает, никаких пассов не делает. Через час придет в ту, другую комнату, а там - один по полу ползает, другой на стену лезет, и всех корчи одолевают - очищаются, значит. Он руками помашет, они корчиться перестают и начинают восхищаться: «Ах, это было что-то небывалое! Ах, это так прекрасно! Ах, я чувствую, как из меня столько дурного повылезло!» И беспрекословно отстегивают Воробьеву, сколько он скажет. Да еще потом на повторные сеансы очистки являются и верят, будто он их очищает.

Машина остановилась. Катя откинулась от руля и смотрела на Владимира Георгиевича тем особенным взглядом, который был ему так хорошо знаком.

- Смешно, правда? - промолвил Ревякин, понимая, что сейчас произойдет.

- Да, смешно, - тихо прошептала Катя. - Необычайно смешно. Просто обхохочешься. Поцелуй меня.

Это не было приказом. Она умоляюще простонала свою просьбу. Внутри у Владимира Георгиевича все переполнилось, он обхватил ладонями лицо Кати и жадно припал губами к ее горячему рту, одновременно нащупывая рычаг, с помощью

которого откидывались спинки кресел автомобиля…

Потом они проснулись почти одновременно оттого, что на сиденьях машины вдвоем и обнявшись спать было все-таки неудобно. Ревякин огляделся по сторонам и увидел, что еще ночь, они в машине, стоящей на обочине шоссе. Часы показывали пять.

- Пожалуй, не успеем до рассвета приехать, - проворчала Катя, но проворчала счастливо.

- Успеем, - возразил Владимир Георгиевич. - Теперь я за руль сяду. Статистика дорожных происшествий показывает, что женщина, только что изменившая мужу…

- Ладно, ладно, садись, птичник!

Он сразу бросил джипу большую скорость. Джип, казалось, весьма был доволен этим, ибо доселе недоумевал, зачем понадобилось так долго стоять на обочине. Теперь он весело рычал, набирая и набирая ход.

- Ты решил разбиться? - сладко зевнула княгиня Жаворонкова. - Прекрасно тебя понимаю.

- Либо разобьемся, либо поспеем к рассвету, - грозно ответил Ревякин.

- И то и другое - хорошо.

- Все же второе предпочтительнее. А то вдруг не погибнем, а только покалечимся.

- Нет уж, погибнем! Любишь гибнуть?

Когда миновали Дубну и Кимры, стало заметно светать. До рассвета оставалось полчаса, а до княжества - километров восемьдесят. Хуже всего теперь было и не успеть, и не разбиться насмерть. Поглядев на Катю, он заметил, что вид у нее довольно обреченный. Она смекнула, что он и впрямь готов сейчас врезаться куда-нибудь.

- Прибавь еще чуток скорости, а то не успеем, - смело сказала она, когда он уже ожидал, что она взмолится о пощаде.

И он прибавил еще. Никогда в жизни ему не доводилось гнать с такой скоростью. И вся его жизнь пролетала мимо него столь же стремительно. Вспомнив о том, что перед смертью перед человеком проносится все прожитое, Ревякин утвердился в мысли о гибели, которая должна вот-вот произойти.

- И все-таки ты зря так грубо о своей Ирине, - ни с того ни с сего заговорила о его второй жене его первая жена. - Я ходила на выставку ее вышивок. Это что-то волшебное. У нее огромное будущее, и в нем нет для тебя места. Может, потому ты и злишься?

- Да я не злюсь, не злюсь… - пробормотал Владимир Георгиевич, которому сейчас никак не хотелось говорить об Ирине. - Просто она такой тип женщины… Ей нужно сидеть ночью

за вышивкой и ждать либо мужа с войны, либо сына с попойки, либо жениха со сватовством, либо неведомо кого.

- Почему ты не скажешь: «Сына с войны, а мужа с попойки»? Разве она ждала тебя с войны, а не с попоек?

- Каждая моя попойка была как война… - смущенно пробормотал Ревякин. Княгиня уязвила отца-основателя. - Знаешь, Катя, в Южной Америке есть такая птичка, которая когда самец оплодотворит ее, гонится за ним и клюет, что называется, в хвост и в гриву, а иногда и до смерти заклевывает.

- Ты, влагере, еще никого не оплодотворил, потому до сих пор еще жив, не заклеван досмерти, - рассмеялась Катя довольно злобненько.

- Мы, кажется, ругаемся? - спросил Владимир Георгиевич.

- Вроде того. Прости, это я сдуру затеяла. Почему ты сбросил скорость? Боишься погибнуть, так никого и не оплодотворив?

- Нет, не хочется гибнуть, ругаясь с тобой. После того, что случилось на обочине, какая была бы радость разбиться всмятку, чтобы наши с тобой оторванные руки и ноги перемешались. А теперь ты еще, поди, укусишь меня при последнем издыхании.

- Как вы разговариваете с княгиней, отец-основатель!

- А вы, ваше высочество, полагаете, что князья стоят выше отцов-основателей? Ошибаетесь! Не было бы меня - не было бы и княжества, вы бы с его высочеством не были б никакими высочествами, оставаясь простыми «новыми русскими». Прелестно! И катались бы вы банально по Кипрам и Таиландам, профукивали денежки на смех аборигенам. тоска!

- Прости, влагере. Не сердитесь, отец-основатель, я больше не буду. Я люблю вас.

- То-то же! Прибавлю скорость.

И все-таки они и не разбились насмерть, и не успели к рассвету добраться до княжества. Когда свернули с шоссе на проселочную дорогу, гнать стало невозможно - и впрямь глупо перевернуться на проселочной и сломать руку или ногу.

Выехав из леса на широкое поле, лежащее к югу от княжества, увидели первые лучи солнца, выпрыгнувшие на востоке за холмами на правом берегу Волчицы. Под голубым куполом неба разворачивалась дивная панорама строящегося государства, а на Ярилиной горке собрались все его подданные, чтобы поклониться явлению солнца, и некоторые, уже воздав молитвы, спускались к реке - совершить священное утреннее омовение.

Глава четвертая
Кто убил президента Кеннеди?

- Она готовится стать матерью.
- А я готовлюсь стать отцом.

Он проснулся с первыми лучами рассвета и с удовольствием обнаружил себя в электричке в облике Василия Васильевича Чижова, ибо пять минут назад ему снилось, будто к нему пришел алкаш-сосед по лестничной площадке Андрюха со словами: «Я должен сделать вам весьма важное заявление. Это я убил президента Кеннеди». Там, во сне, Василий с ужасом осознавал, что он уже не Чижов, а Чарли Роуз, следователь по делам убийств города Далласа, штат Техас. И теперь какое же это было счастье видеть, что Даллас остался позади, во сне, и он опять Василий и едет в Радоницы, к батюшке протоиерею Василию встречать Пасху.

Он принялся гадать, почему могла присниться такая дрянь под утро Великой пятницы, после вчерашнего замечательного вечера, ночного разговора с Ладой и сегодняшнего упоительного утра. Должно быть, потому, что, встречая Андрюху в подъезде вдрызг пьяным, Василий всякий раз думал о нем отрицательно, как о безнадежно пропащем. Гордыня ты, гордыня! Вот этак накажет Господь за гордыню, и впрямь очнешься в одно прекрасное утро несчастным американкашкой в штате Техас.

Вспомнилось, как вчера Белокуров рассказывал про писателя Коняева, у которого были два соседа по лестничной площадке, один всю жизнь пил, другой

- богатства копил, у одного, кроме раскладушки, в доме ничего, хоть пустой бутылкой покати, у другого - ультрасовременная техника, мебель, все такое прочее; и вот однажды того, который копил, подчистую обворовали, все из квартиры вытащили, он стоит на лестничной площадке, нервно курит, а этот, который пил, поднимается по лестнице и говорит: «Вот видишь? А водочка-то - во мне!»

«Да, - усмехнулся Василий, глядя в окно электрички на скачущий справа по верхушкам деревьев рассвет, - а водочка-то - во мне!»

Он стал думать, какой в этом заключен глубочайший смысл. Накопление овеществленного и неовеществленного. Только вместо водки должно стоять нечто высшее. Вчера вот он водку не

пил, хотя до смерти хотелось выпить в честь такого редкого гостя. Бог ты мой, он вчера познакомился с самим Белокуровым! И все же хорошо, что не пил. Сейчас бы мучился от похмелья, которое по-турецки называется мухмурлук, как сообщил вчера Белокуров. «Господи! Благодарю Тебя, что не попустил мне нарушить пост!»

И почему это современные писатели если описывают электричку, то она у них всегда замусоренная, с непроглядными, тусклыми окнами, с загаженными сиденьями, вонючая? Вот сейчас едет Василий Чижов из Москвы в Тверь - электричка новенькая, сиденье к сиденьицу, деревянные, свежеотлаченные, пол чистый, пахнет уютно, стекла сияют, в них рассвет блестит. И все потому, что он вчера сдержался и не пил, не оскоромился, ночью так хорошо поговорил с Ладой, а утром прошелся пешочком по спящей Москве от дома до самого Ленинградского вокзала, который так почему-то до сих пор и не переименовали в Петербургский.

Василий Васильевич расплылся в улыбке, вспоминая вчерашние разговоры с Белокуровым. Неужели они теперь станут друзьями? Даже и не верится. Уходя, Белокуров сказал, что ему необычайно понравилось у них в гостях и он теперь будет часто приходить. Он ушел в половине первого ночи. Когда Лада, проводив гостя до такси, вернулась и навела порядок, они легли и стали говорить о своем самом сокровенном, мечтать. Надо же, им уже не по семнадцать лет, а они все еще мечтают. У них одна общая мечта, которая непременно когда-нибудь сбудется, нужно только не отчаиваться и молиться, верить и ждать великой милости.

Так они и промечтали до трех. В три Василий встал, собрался, поцеловал засыпающую жену и отправился в дорогу, желая попасть на первую электричку, отъезжающую в Тверь ровно в пять. Он обожал эти утренние часы, пустые московские улицы - единственное время, когда в любимом, но измученном городе можно дышать и чувствовать гордость за то, что ты - москвич. Ночь была холодная, и он шагал быстро, стараясь не продрогнуть. Возле Дмитровского моста вспомнил, как он однажды страдал здесь от плохой водки, выпитой в общежитии Литературного института, запомнившегося ему как нечто и богемное, и безобразное одновременно. Проходя мимо детского парка на Бутырской, согрелся воспоминанием о своей единственной в жизни дуэли. Это была прекрасная дуэль! И она происходила на следующий день после того, как он очутился у Лады.

Это были самые лучшие воспоминания в жизни Чижова. Пять лет назад она впервые появилась в Коломенском, ведя экскурсию - туристов из Франции, щебеча на своем птичьем галльском

наречии; он влюбился в нее и сразу забыл, но, когда она через какое-то время привела еще одну экскурсию, вспомнил и влюбился повторно. Он даже осмелился подойти, заговорить, привлечь внимание к своей необыкновенно образованной персоне и подарить исторический журнал, в котором только что вышла его первая статья - о соколиных охотах при царе Михаиле Федоровиче. В третий раз он пригласил ее в консерваторию слушать Пятую симфонию Малера, и она не отказалась, пришла, и он провожал ее до дома. Через неделю он повел Элладу Юрьевну в Дом ученых, где он делал короткое десятиминутное сообщение на конференции «Современное прочтение Карамзина», посвященной 225-летию со дня рождения великого историка. После конференции пили за Карамзина и против, дело происходило там же, в Доме ученых, в ресторане. Талантливый, но спивающийся медиевист Доброходов, до недавнего времени - пока не начал спиваться - слывший за донжуана, недвусмысленно заглядывался на девушку своего приятеля Чижова и даже тайком полюбопытствовал у Василия:

- У вас уже все схвачено или только на этапе накопления объективных условий и предпосылок?

- У нас с ней уже сложился общинный строй, - ответил Чижов. - А если ты не перестанешь мозолить ее взглядом, сложатся предпосылки дать тебе в челюсть.

Доброходов осознал сказанное Василием, и взгляды, бросаемые им в сторону Эллады, утратили соблазняющую окраску. Лада, почувствовав это, стала раскованнее и даже предложила тост за Бомарше, потому что, как оказалось, если перевести на французский язык фамилию Доброходов, то как раз и получится - Бомарше.

- Забавно! - восклицал Доброходов. - А я никогда об этом не задумывался.

Потом, опьянев, он склонился к Чижову и прошептал:

- Вон видишь за тем столиком умопомрачительную брюнетку? Не мог бы ты подойти к ней и сказать, что один весьма перспективный специалист по средневековью не прочь был бы с ней познакомиться?

- А ты что, сам не можешь?

- Должен же я как-то разнообразить способы знакомств!

- Ладно, черт с тобой!

И Василий отправился за один из соседних столиков, подсел к намеченной жертве новоявленного Бомарше и произнес:

- Вы так прекрасны, что мой друг, знающий многочисленные тайны мрачного средневековья, влюбился в вас, как последний трубадур. Он послал меня спросить у вас, может ли он

рассчитывать на вашу благосклонность.

- Все вопросы к моему мужу, - ответила брюнетка. - Вот он сидит, напротив вас.

- Да, муж это я, - заявил о себе приятного вида молодой человек. - Спросите у последнего трубадура, какой вид оружия он предпочитает и где мы можем завтра с ним драться.

Вернувшись к Доброходову, Чижов спросил:

- Какой вид оружия ты предпочитаешь, чтобы завтра драться на дуэли с ее мужем?

- На дуэли? - сверкнул глазами спец по средневековью. - Сколько угодно. На эспадронах!

- А где?

- Где угодно! Хоть на луне.

Вернувшись к брюнетке и мужу, Чижов передал слова Доброходова.

- У вас будут свои эспадроны или мне принести с собой? - невозмутимо спросил муж.

- Нет, эспадронов у моего друга, насколько мне известно, в данный момент не имеется, он одолжил их одному приятелю, а тот сбежал с ними в Израиль. Место дуэли он предоставил выбрать вам.

- Хорошо, я возьму свои. Завтра в восемь утра у входа в детский парк, что на Бутырской улице. устраивает?

- Вполне.

- Значит, условились.

Вернувшись к Доброходову, Чижов передал ему слова мужа.

- Какого черта в такую рань? Иди передоговорись на попозже, - молвил этот якобы Бомарше.

- Сначала ты сделал из меня сводника, потом посыльного. Катись-ка ты куда подальше! Иди и сам с ним обо всем договаривайся.

Доброходов продолжал сидеть пить и не собирался вести переговоры со своим соперником. Вскоре Василий увез Ладу из ресторана Дома ученых, где уже становилось угарно; они поехали к ней домой, в сторону Тимирязевки, и Чижов торжествовал победу - он остался у нее ночевать. Под утро, счастливый, он вспомнил о своем вчерашнем секундантстве, пробрался к телефону и набрал номер Доброходова. Прошло гудков десять, прежде чем дуэлянт подошел к телефону.

- Юрка! - стараясь говорить тихо, сказал Чижов. - Ты помнишь о том, что у тебя через полтора часа дуэль в детском парке?

- Какая дуэль? Ты что, офонарел?

- На эспадронах. За честь черноволосой красотки.

- Да иди ты к черту! Лучше приезжай ко мне с пивом.

- Послушай, Бомарше липовый! Ты должен хотя бы приехать и принести свои извинения.

- Этому эспадронщику? Да он сам никуда не поедет.

- Это его дело. А ты должен. Или я тебя перестану уважать.

- Ну и не уважай. Сказал - не поеду. Ты приедешь с пивом?

- Нет.

- Тогда не мешай спать.

В трубке зазвучали подлые гудки. Василий сразу же решил, что, коли так, он должен ехать драться вместо своего друга. Иначе он будет чувствовать себя тоже подлецом. От Тимирязевки до Бутырки было рукой подать; он тихонько оделся, вышел и прошелся пешком по осенней Москве, месяц назад сварливо пережившей августовские танки. Он был уверен, что, кроме него, никто не явится к месту дуэли, но ошибся и был страшно рад увидеть брюнеткиного мужа. Тот стоял у входа в парк с зачехленными эспадронами.

- Доброе утро, - пожал ему руку Чижов. - Счастлив встретить человека, готового с оружием в руках защищать честь своей жены! К сожалению, ваш соперник оказался более современен, он предпочел собственной чести утреннее пиво. Но я к вашим услугам и готов драться. Вместо него.

- А, так, значит, никакого последнего трубадура не существует. Ну что ж, пойдемте.

Они вошли в парк, где эспадронщик предложил перелезть за забор на какую-то стройку, потому что в парке было много собачников и оздоравливающихся бегом.

- Вы владеете эспадроном? - спросил доблестный муж, отвинчивая колпачки с остриев.

- Думаю, да, - туманно ответил Чижов, принимая оружие и удивляясь, какое оно тяжелое. Скорее не шпага, а тонкий меч.

Собственно, дуэли как таковой не получилось. Они сделали стойку, напали друг на друга, защитник чести выбил из рук Чижова эспадрон, приставил к его груди острие своего клинка и сказал:

- Все. Вы убиты. Если хотите, я дам вам десяток уроков, и тогда мы сразимся по-настоящему.

- Думаю, честь вашей супруги достаточно спасена, - ответил Василий. - А насчет уроков - давайте я запишу телефон и потом позвоню вам. С удовольствием изучу сей превосходный вид оружия.

Так в течение одного вечера и утра Чижов обрел и жену, и нового друга. С Ладой они поженились вскоре после Нового года, а с эспадронщиком Витей и его женой, брюнеткой Олей, подружились, и они были у них свидетелями на свадьбе. С

Доброходовым же, наоборот, с той поры Чижов знать не знался, ибо, кроме всего прочего, выяснилось, что он заранее знал, что Витя - фехтовальщик на эспадронах, историк холодного оружия. Увы, через два года после дуэли, осенью девяносто третьего, брюнетка Оля, чью честь он столь доблестно защищал, ушла от него к какому-то миллионеру.

Жалея Виктора, который всякий раз обещает поехать вместе к отцу Василию и всякий раз находит причины не ехать, Чижов дошел до Савеловского вокзала, где ему встретились пожилые алкаш и алкашка, которые целовались и объяснялись друг другу в любви, как десятиклассники. Или они не имели прав на любовь?

На углу Новослободской и Палихи попалась свежая авария - две иномарки. Василий справился у милиционеров, растаскивающих тела, нужна ли помощь. «Иди своей дорогой», - сурово ответили те, и дальше, до самого Ленинградского вокзала, никаких впечатлений у Чижова не было. Сев в электричку, он стал мысленно читать утренний чин и, едва поезд тронулся, уснул.

Теперь, проснувшись и глядя на встающее солнце, он чувствовал себя счастливейшим в мире человеком, уверенным, что все будет хорошо и главная их с Ладой мечта - о ребенке - сбудется. Он родится, их милый младенчик, такой же, как вот это солнышко, и они будут обожать его, кто бы он ни был, сын или дочь. Вот если бы только у Лады не было срочной работы в субботу и она смогла бы поехать тоже к отцу Василию. Вместе молиться в святом месте о даровании чада. Она спросила, можно ли ей будет пойти на пасхальную службу с Белокуровым, и только теперь Чижова легонько куснула ревность. Зря разрешил! Но он тотчас и пристыдил себя - недоверием рождается грех.

Он снова уснул и проспал до самой Твери. В Твери пересел на автобус до Левриков. Лада, когда приезжала сюда, чтобы креститься у отца Василия в Радоницах, тотчас определила, что, должно быть, в здешних краях изобилие зайцев и какой-нибудь помещик, галломан и шутник, произвел название местности от французского слова «заяц» - «lièvre». «Зайчики» - «леврики». Чижов потом нарочно узнавал и выяснил, что, по общепринятому мнению ученых-топонимистов, зайцы тут ни при чем, а жили в начале прошлого столетия тут три богатых брата, и все трое были левшами, вот и все. Однако Василию все равно нравилось думать о существовании особых местных зайцев - левриков, чем-то отличающихся от обыкновенных, имеющих свою особенную изюминку.

Да, названия тут отменные! Выйдя через часок в Левриках,

Василий отправился вправо, на восток, в сторону совхоза «Девчата». Где еще найдешь совхоз с таким наименованием? Говорят, что, когда там строилась большая молочная ферма, как раз вышел фильм «Девчата», а поскольку на ферме принято работать только женскому полу, то так и назвали. Конечно, это были лучшие времена советской эры. Можно ли было так назвать совхоз в двадцатые или тридцатые годы? Непременно было бы имени Коминтерна или Клары Цеткин. В лучшем случае «Красные зори».

- Красные девчата имени Коминцеткин, - пошутил Василий вслух.

Ему вдруг стало страшновато. Он шел один по дороге, по обе стороны - лес, вокруг ни души, проехали две машины, ни одна не остановилась, чтобы подбросить его до «Девчат», а в последнее время в округе развелось множество волков, причем каких-то невиданно крупных, на стада нападают. В прошлом году они с отцом Василием в лесу на обглоданный коровий остов наткнулись.

Вот те раз! Никогда не было страшно ходить, а тут вдруг затрусил Чижов. Стал заново утренний чин читать громко вслух, начиная с «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Молится, а сам думает: «И не услышу, как нападут, бестии!» Опять припомнился Белокуров с его газетой такого названия. До девяносто третьего года Белокуров издавал сначала «Курок», а потом «Белый курок», но после расстрела «Белого дома» название «Белый курок» кому-то показалось антипрезидентским, националистическим и даже расистским, к Борису Игоревичу явились люди и дали это понять. Тогда стала выходить «Бестия» - словосочетание, еще более фашиствующее, нежели «Белый курок», однако до сих пор даже антифашистский комитет почему-то не пошевелился по поводу издания такого толка.

Яркий человек Белокуров! Настоящая личность. И Чижова вновь охватил легкий озноб ревности, а он, между прочим, дошел в это время до «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей». Снова он прижег свою ревность угольком стыда и заново стал читать молитвы, с того места, на котором подумал о бестиях и Белокурове. Старался теперь не отвлекаться мыслью от Бога и так дошел до «Верую», когда вдруг справа раздался топот и хруст. Он остановился и замер. Из лесу на него что-то неслось. Огромное, страшное. Под лапами хрустели в лужах льдинки. Неужели волк?

Тут эта бестия выпрыгнула из лесу, и Чижов сначала подумал: баран, заблудившийся или сбежавший из волчьего плена. В следующую секунду он понял, что это заяц. Но какой огромный! И он скакал прямо на Чижова с таким видом, будто

хотел напасть и загрызть. Хоть и заяц, а страшно! Сердце так и колотится. Косой добежал до Василия Васильевича и лишь шагах в четырех увидел его, доселе не замечая по косоглазию своему. Как прянет в сторону! Прыгнул на дорогу, осатанело зыркнул на человека и поскакал на другую сторону, исчез в том лесу.

- Леврик несчастный! - погрозил ему вслед кулаком Василий.

Однако он был не на шутку удивлен размерами леврика - заяц и впрямь был величиной с барана. А откуда и почему так ошалело он несся? Что, если за ним волк гонится? Эх, сейчас бы эспадрон при себе не мешало иметь. Чижов ведь у Виктора не поленился взять несколько уроков и теперь довольно сносно владел холодным колющим и режущим оружием. Но ныне при нем не было даже ножичка. Он и продуктов никаких не взял с собой, намереваясь сегодня и завтра голодать.

Тут вспомнился Пушкин, который только потому не доехал до Петербурга и не попал на Сенатскую площадь, что ему дорогу перебежал заяц. Очень плохая примета, по народным поверьям, хуже черной кошки. Хотя сам Чижов недавно в разговоре с женой рассуждал так: Александр Сергеевич, хитрец, придумал этого злосчастного зайца. Любое другое объяснение, почему он не попал на Сенатскую, выглядело бы в глазах друзей неуклюжим, а заяц - очень поэтично, неожиданно и, главное, смешно. Вполне в духе Пушкина. Только зайца могли простить ему его друзья-демократы. А вот если бы в девяносто третьем году хотя бы один танкист повернул свой танк и сказал: «Не могу ехать «Белый дом» расстреливать, мне заяц дорогу перебежал», нынешние друзья-демократы этого бы не простили, потому что в девятнадцатом веке их расстреливали, а в двадцатом, начиная с семнадцатого года, они расстреливают.

Однако если Пушкин и выдумал своего леврика, то Чижов ничего не выдумывал, ему заяц в самом деле перебежал дорогу. Быть беде. Неужели Лада изменит ему с Белокуровым? Тьфу ты, Господи! Вот привязалась ревнишка мелкая! Ну, изменит, так изменит, приеду и отравлю ее, как Арбенин Нину. Или нет, лучше заколю эспадроном. Красиво! Зря, что ли, Виктор ему эспадроны подарил? Надо их как-то использовать.

Он стал размышлять о природе примет и о том, как все же сильно суеверие въелось в душу людей, никаким «кометом» и новым «фэри» не отчистишь. И в таких мыслях Василий Васильевич добрел до «Девчат», от которых следовало свернуть на проселочную дорогу и шагать еще пять километров до Радониц. Вообще-то храм отца Василия был Преображения Господня, а небольшая деревенька, лежащая подле него и кладбища, называлась Радоницами - по той простой причине, что

со всех окрестных сел и деревень приходили сюда люди навестить безмолвных обитателей погоста и подобные визиты именовали радоницами, по празднику поминовения всех усопших.

Идя теперь по проселочной дороге, Чижов опять стал вслух читать утренний чин, начиная от «Верую», но, когда он, пройдя километр, дошел до «Помяни, Господи, Иисусе Христе, Боже наш», за спиной его раздался грозный и не предвещающий ничего хорошего оклик:

- Эй, командир!

Он оглянулся и увидел здоровенного мужичину, приближающегося к нему невялым шагом. Вот те и леврик! Вот и не верь в приметы. У Василия Васильевича даже сигарет не было, потому что он никогда не брал в Радоницы сигареты, ибо отец Василий не одобрял курения. В одном кармане лежали деньги на обратный путь, в другом - пятьдесят долларов - в подарок отцу Василию к Пасхе, на починку храма.

- Куда путь держишь, путник? - спросил мужичина, приблизившись.

- В Радоницы.

- К попу, что ли?

- Да.

- Ну, значит, считай, что здесь конец твоего пути.

Ноги у Чижова едва не подкосились от такого важного заявления. Одно только промелькнуло: хорошо погибнуть в Страстную пятницу, да на пути к божьему храму, да при чтении молитв.

- В каком смысле? - все же робко пробормотал Василий.

- В таком, что дальше я тебя понесу, - ответил разбойник. - Залазь ко мне на завойки.

И он, встав к Чижову спиной, слегка присел, приглашая Василия Васильевича сесть к нему на спину.

- Ты чего, мужик? Зачем это? - удивленно спросил Чижов.

- А ну не спрашивай, а то плохо будет! - отвечал тот. - Садись, кому говорю!

Бог знает что! Разные мелкие и милые чудеса почти всегда случались с Чижовым, когда он являлся в Радоницы. Думая, что это - очередное, Василий забрался на спину к мужику, тот поднял его и понес, весело крякнув:

- Эх! Не чижолый! Мне бы чижолого!

Василий, наконец расставшись со страхами, развеселился. Это Лада любила повторять собственного изобретения присказку: «Чижело с тобой, Чижов!»

- А зачем тебе тяжелый? - спросил он своего нечаянного коня.

- Сиди помалкивай, не твоего ума дело, - отвечал «конь». - С

откудова ты сам-то?

- Из Москвы.

- Молоде-ец. Ну и как там, в Москве?

- Да все так же.

- Поня-атно.

Дальше разговора не было. Через два километра на холме слева показалось селение.

- Погорелки, - сказал Василий. - Может, передохнешь?

- Сиди ты, не гомозись, спиноза! - довольно злобно огрызнулся мужик.

Езда продолжалась.

- А спиноза - это что? - все-таки осмелился через некоторое время спросить Василий.

- А то ты сам не знаешь, - буркнул мужик. - Молчи, не спрашивай ни о чем!

Наконец вдалеке среди ветвей мигнули солнечные блики на церковных куполах. Впервые Чижов добирался досюда на таком транспорте. Пешком, на машине, на прицепе к трактору, в телеге - это бывало, а на загривке у человека… Расскажи кому - не поверят. Это нерассказуемое!

Вот уже они вышли из леса, и впереди перед ними, озаренный утренним сиянием, вырос величественный храм Преображения Господня в селе Радоницы, зрелище, от которого у Чижова всегда на глаза наворачивались слезы благоговения и нежности.

- Хоххх! - вздохнул мужик. - Вот тут малышой привал сделаем. Слазь-ка, москвич. Закурить-то имеешь?

- Не курю, - приврал Чижов.

- Правильно делаешь.

Они сели на бугорок у обочины, мужик достал свои и закурил.

- Я о тебе знаю, - сказал он. - Ты при попе в церкви служить приезжаешь. Ну-ка скажи теперь: если я тебя на хребтине своей донес, с меня грех снимется?

- А какой грех?

- Этого я тебе не скажу.

- Ну, хотя бы большой?

- Очень большой. И сказать-то страшно, какой большой.

- И не говори, я и так знаю, какой у тебя грех.

- Ну и какой же?

- Ты президента Кеннеди убил.

Мужик внимательно посмотрел на Василия, затянулся сигаретой и поперхнулся дымом от внезапного разряда хохота:

- Ох-хох! О-о-охо! Не могу! Кеннеди! Ну умори-и-ил! А в

Аме… а в Америке-то бьются, не могут найти. И не знают, козлы, что его Лешка Полупятов замочил.

Отсмеявшись, он закурил новую сигарету и сказал:

- Полупятов - это я.

- Чижов. Василий.

- Молодца, Чижов! За словом в карман не полезешь. Пойду к батюшке, споведуюсь, что я Кеннеди кокнул. Вообще-то я Клинтона бы с удовольствием. Морда мне его не нравится. А Кеннеди во мужик был, я б его не тронул. Проходи мимо меня Кеннеди, я не трону. А Клинтон - глаза белые… не люблю. Я за Агдам Хусейна.

- Правильно. Ну что, дальше-то можно мне на своих двоих?

- И не думай. Поп-то должен видеть мои добрые дела. Давай обратно полезай на хребет мне.

- Да ладно, я отцу Василию и так расскажу.

- Полезай, говорю!

Пришлось опять слушаться приказов Полупятова.

- Алексей, а ты почему Полупятов? В половине пятого, что ли, на свет появился?

- Не, это, сказывают, моего прапрадеда змея в пятку укусила, мясо срезали, полпятки только оставили. И прозвище - Полупят. А от него пошли мы, Полупятовы.

Тут Чижов увидел отца Василия, выходящего из церкви и направляющегося в сторону своего дома.

- А вон и батя, - сказал Полупятов. - Эй! Отец Василе-ей! Глянь-ка, кого я тебе несу!

Батюшка остановился, стал укоризненно качать головой. Потом встревожился, быстрым шагом направился навстречу.

- Да сбрасывай ты меня уже, пришли ведь! - возмутился Чижов.

- Нет, донесу! - упрямился «конь», как осел.

- Что? Нога? - спросил священник, приблизившись.

Тут только Чижов очутился на земле.

- Да нет, все в порядке, - поспешил он успокоить батюшку.

- Это я его сам, по собственному сердцу, за искупление моих грехов, - заморгал глазами Полупятов, вмиг превратившись в застенчивого мальчика лет сорока пяти.

- Тьфу ты! Я так и знал, что опять твое озорство, - разгневался отец Василий. - Ну, здравствуй, чадо, доехал, значит, на сивом мерине? Алексей, иди-ка печь погляди в гостеприимном доме. Иди, после поговорим с тобой!

Тот, почесывая затылок, неуверенно зашагал к построенному в прошлом году домику для приема батюшкиных гостей. Василий и отец Василий тем временем троекратно поцеловались, и

духовник благословил свое духовное чадо.

- Что за Алексей такой? - спросил Чижов.

- Да вот, видишь, послал мне Господь подарочек. Освободившийся. Ты в заговенье уехал, а назавтра, в первый же день Великого поста, явилось сие чудо. Говорит, его в тюрьме Богородица посещала, обратила на путь истинный.

- Уголовник?

- Говорит, не убийца, а только так, по баламутству башки своей пятнадцать лет по лагерям мыкался. Побеги там, что ли… Шут его разберет. Но намучился я с ним. То запьет, то затоскует, то грешит, то кается. То неделю толково все делает, пилит, чинит, стругает, навоз выносит, чистит, драит, а то неделю - как пролежень. Видать, провинился я перед Богом. Дьякона-то моего владыка забрал. Рукополагать его будут в священники и - в Торжок. А вместо дьякона - нового мирянина, вот этого Алексея… Наталья! Вася приехал.

Они уже вошли в дом. Матушка опять хворала, только немного приподнялась поцеловаться с гостем.

- Кудеяр-то наш чего учудил! Тащил его на хребте своем.

- Как тащил?

- Спроси у него.

- Я только свернул от «Девчат», он мне и попался. Силком заставил сесть на него. Говорит, ему грех какой-то загладить надо.

- Видала? - хмыкнул отец Василий. - Знаю я его грех. Бутылку запросит.

- Не давай, да и все, - вздохнула матушка.

- И не дам! - топнул ногой отец Василий. - Великая пятница, а его враг рода человеческа крутит. Наташ, чего на стол накрыть?

- Каша гороховая, суп грибной.

- Я… это… - пробормотал смущенно Чижов. - Батюшка, благословите меня и завтра наистрожайше поститься, ничего не вкушать.

- Не благословляю, - отрезал священник твердым голосом. - Работы много. Сейчас с тобой вынос плащаницы. Ладно, сейчас есть не будем, а после выноса пообедаем. Потом будем храм мыть-прибирать к празднику. Никаких «наистрожайше». Тут ко мне в понедельник приехал один из Твери. В Богоявленье крестился и сразу осознал себя наилучшим христианином. Весь Великий пост ничего вообще не ел, исхудал, отощал и стал животом маяться. Приехал ко мне, как говорит, за нравственным подкреплением. А я ему: «Поешь, да пойдем дрова перенесем из старого сарая в новый». Не занравилось ему у меня. Поехал куда-то дальше, новую обитель какую-то навещать. Где-то километрах

в шестидесяти от нас года два или три новая обитель появилась, но, как я слышал, экуменическая или даже и того похлеще.

- Какой-то Город Солнца, - вставила матушка.

- Понятно, - сказал Чижов, радуясь, что он добрался и опять здесь, при отце Василии. - А вы, Наталья Константиновна, все хвораете?

- Хочу встать к Пасхе, да вот даст ли Господь? Как там раба Божия Елизавета, Вася?

- Спасибо, хорошо, просила низко вам кланяться. Подарки… - Чижов было бросился к своей сумке, но отец Василий упредил:

- В воскресенье положено подарки дарить.

- Подойди ко мне, Вася, - попросила матушка.

Он подошел, наклонился, она зашептала:

- Не дал еще Господь зачатия вам?

- Нет еще, Наталья Константиновна, - покраснел Чижов. - Да… ведь и пост был!

- Ах, ну да! А я и забыла, что ты перед самым постом к нам приезжал. Вот дура! И чего, спрашивается, спрашиваю! Ну ничего, отец Василий намолит вам младенчика, готовьтесь. Это я точно знаю, у меня есть предвидение. Будет у вас чадо. Либо в конце того года, либо в начале следующего.

- Да в конце этого и не успеем, - улыбнулся Чижов. - До конца этого года меньше девяти месяцев осталось.

- Тоже верно. Ну, стало быть, к следующей Пасхе ты к нам с радостным известием приедешь. Готовься, говорю тебе!

- Спасибо, матушка, - растрогался Василий и поцеловал Наталью Константиновну в прохладную гладкую щеку.

Затем они с отцом Василием отправились в храм.

- Что, никого нет в Радоницах? - спросил Чижов по пути, вдыхая чистый воздух, с любовью оглядывая кладбище, на котором в свое время столько пришлось потрудиться, расчищая могилы, заросшие бурьяном.

- Две старушонки, - отвечал священник. - Прасковья да Марья. Хорошо, хоть эти имеются. Приходят помогают, готовят. А дачники ихние летом только приедут. Хотя, может, из Левриков кто и прибудет завтра.

- Да! Про зайца-то я и не рассказал, - вспомнил Василий и стал рассказывать про напавшего на него леврика. Пока дошли до храма, успел поведать эту страшную историю.

- Да, со зверем нынче что-то не то делается, - отвечал отец Василий. - Крупнеть стал зверь. Заводы в округе стоят, природа очищается. Природе - благодать, а людям - подыхать. Поневоле на село возвращаться станут. Может, в этом есть промысл Божий. Ну, Господи помилуй!

Они вошли в храм. Прасковья да Марья там подметали полы. Вскоре появился и Полупятов.

- Ну что там печка? - спросил отец Василий.

- В ажуре, - отвечал тот.

- Гляди! Чтоб мне Вася не замерз там. Он у меня и чтец, и певец. Давай, раб Божий Алексей, теперь тут печь налаживай, а то холодно что-то.

- Батя, сделаем!

Он занялся печью, а Василий и отец Василий начали совершать вечерню Великой субботы, которую вообще-то положено совершать во второй половине дня пятницы, но попускается и в первой. После «Ныне отпущаеши» под пение тропарей вынесли святую плащаницу и установили ее пред алтарем, украсили гирляндами искусственных цветов. К часу дня вечерню закончили, приложились к плащанице под пение стихиры «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного…». В храме стало теплее, печь, налаженная Полупятовым, весело горела, пощелкивая.

- Ну, Вася, исповедоваться завтра будешь?

- Завтра, батюшка. А к причастию, если допустите, то в святую ночь.

- Отец Василий, - обратился тут к священнику Полупятов. - А мне можно сейчас исповедоваться?

- Иди, исповедоваться никогда не воспрещено, - призвал его священник.

Чижов отступил подальше и издали наблюдал за исповедью «Кудеяра». Тот подошел вплотную к отцу Василию, и батюшка немного поморщился. Чижов вспомнил, что от Полупятова разило похмельным перегарчиком. Встав перед священником, крестом и Библией в немного приблатненную позу, раб Божий Алексей стал что-то говорить, прищелкивая пальцами опущенной долу правой руки. Отец Василий терпел, слушая его, потом что-то долго говорил сам. Наконец Полупятов нагнул свою могучую выю, но так, чуть-чуть только, и отец Василий с недовольным видом своей рукой пригнул эту выю побольше, накрыл епитрахилью и перекрестил голову кающегося грешника:

- И аз, недостойный иерей, отпускаю рабу Божию Алексею все прегрешения его, вольные и невольные, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Целуй крест и Священное Писание.

Чижов вдохнул полной грудью, словно это ему отпустили все грехи, подошел поближе, и тут Полупятов сказал:

- Батюшка, это… бутылочку бы мне в честь праздничка, а?

- Какого праздничка? - вскинул брови священник.

- Ну как какого! Пасха же…

- Пасха? Пасха еще только послезавтра. Ступай с Богом.

- Ну так в честь исповеди, батя! Не помирать же мне до послезавтра! Будь человеком!

- Ступай, не серди меня! - приложив руку к сердцу, так и задрожал от возмущения отец Василий.

- Ну ладно! - грозно рыкнул бывший уголовник. - Эх, батя, батя! Горю ведь!

- Это хорошо, - улыбнулся священник. - Печки веселей с тобой вместе гореть будут. А горишь - это в тебя уже грядущий огнь просится. Не перегоришь тут - на том свете гореть будешь.

- Это само собой, - скрипнул зубами Полупятов и направился к дверям храма, но около самых дверей оглянулся и громко произнес: - Батя! А я главный-то грех свой утаил от тебя.

Отец Василий, мигом напрягшись, молчал.

- Сказать, какой грех?

Священник продолжал сурово молчать. Все застыли в ожидании.

- Я президента Кеннеди убил, - громко объявил озорник и с глупым хохотом удалился прочь.

- Видал такого? - прискорбно спросил Василия отец Василий.

- Вида-ал, - кивнул Чижов. - Только это на мне грех. Я ему сдуру по пути ляпнул про Кеннеди.

Этому ничего сдуру не ляпай. Ему нельзя дуру прибавлять, из него дур сам собой через край и так переплескивается. А что мне с ним делать? Не выгонишь же! Ну, милый Вася, пойдем теперь пообедаем гороховой кашкой, поспим пару часиков и опять за работу. А про зайца не думай, суеверие все это.

Глава пятая
Мухмурлук

- Шорт побьери, шорт побьери! Крог эскус тоб эшлак мардюк!
- Крог эскус мардюк тоб эшлак!
Далее следует непереводимая игра слов с использованием местных идиоматических выражений.

В пятницу утром Борис Белокуров проснулся куда позже, чем историк Чижов, у которого он накануне побывал в гостях. Первым делом он увидел свою откинутую в сторону руку, а в руке - венгерский девятимиллиметровый парабеллум.

- Э, - сказал Белокуров весело, - да я, кажется, вчера застрелился.

Он приподнялся, огляделся по сторонам. Следов насилия в комнате не обнаружилось. Пиджак валялся на стуле, а на столе - окрошка денег. Брюки и рубашка были на нем, на Белокурове, и, стало быть, можно не одеваться.

- Хорошо, что я дома, - зевнул Борис Игоревич и направился на кухню, где в холодильнике у него было заготовлено.

Стоя на балконе с бутылкой чешского пива «Гамбринус», он хотел было обратиться с речью к «расиянам», но вдруг разом вспомнил вчерашнее: пьянство в нижнем буфете, Эллу, ее добродушного мужа, беседы у них в гостях… Батюшки! да ведь он вчера влюбился! И как это он сразу не припомнил? И ведь действительно ему вчера отчетливо мерещилось, что он испытывает начало большого и сильного чувства к этой Элладе.

- Нет уж, - вздохнул Белокуров, - несть ни Эллы, ни иудея.

К данному умозаключению не хватало только, чтобы муж Эллы был иудеем. Белокуров возвратился в свою комнату и обнаружил там собственного сына, который растерянно оглядывал его постель, а увидев отца, промолвил:

- О! Папа! Прррэт!

Неделю назад он научился говорить «р». Белокуров подошел к нему, нагнулся и поцеловал в голову, восхищаясь запахом и помышляя о том, что в рубрике «Полезные советы» надо посоветовать всем с похмелья нюхать детские головенки.

- Я у тебя тяжелый, - сказал сын. Это означало, что он хочет быть взятым на ручки. Прокофьич всегда кряхтит, поднимая его: «Ох, какой ты у меня стал тяжелый!»

Белокуров схватил Сережу, обнял и, кружась с ним по

комнате, запел любимую песню собственного сочинения на мотив «Летят перелетные птицы…»:

Я с детства детей ненавижу,
Я с детства детей не люблю
И, если увижу - унижу,
Обижу и оскорблю.

В дверях выросла фигура Прокофьича.

- Сегодня вечером прошу не задерживаться, - сказал отчим Бориса Игоревича строго. - У меня сердце что-то не фурычит.

- Слуш-сь, товарищ генерал! - виновато ответил Белокуров.

- Папа, пистолет, - приказал сын, тем самым вовсе не требуя у отца его доблестный трофей. Слово «пистолет» в устах Сережи означало «писать в туалет», сокращенно.

- Яволь! - подчинился Белокуров и своему младшему командному составу. В туалете, поставив Сережу на унитаз, он заодно допросил прыскающего отпрыска: - Как зовут?

- Серррожа.

- Как фамилия?

- Берррокурррров.

- Какого рода-племени?

- Труский.

- Это точно, что ты еще пока только труский. Готово? Пошли завтракать. «Путь к сердцу желудка лежит сквозь мужчину», - припомнил Борис Игоревич строчку из стихотворения Натальи Лясковской.

- Мучину, - согласился сын.

- Да, - вздохнул Белокуров, - мужчина это сплошная мучина.

Спустя час, насладившись обществом сына и отчима, Борис Игоревич отправился к Схеману посмотреть свежие оттиски последнего номера «Бестии». Мишка Схеман, потомственный русский еврей, отвечал за жизнь газеты после того, как ее макет выходил из чрева белокуровского компьютера. Он же выпускал «Курок» и «Белый курок», он занимался всем распространением и выполнял свои задачи безукоризненно.

Доругой в карман к издателю «Бестии» заскочила бутылка «Смирновской», и лишь звоня в дверь, Белокуров вспомнил, что, в отличие от него, Схеман соблюдал посты.

- Пррэт! - сказал он, пожимая мягкую и всегда немного влажную ладонь своего сотрудника. - Все в порядке?

- Все отличнейше, товарищ главный бестиарий.

- О! Точно! Со следующего номера будем печатать не «главный редактор», а «главный бестиарий». Гений, Миха! За это

надо по маленькой. Может, уважишь, а? Ведь несть ни эллина, ни иудея.

Он выставил на стол бутылку.

- Вот ты и есть и эллин, и иудей в одном лице, - проворчал Схеман. - Пей, конечно, но я не уважу. И закуска у меня только постная.

- Тащи хоть постную. И чего это мне все в последнее время сплошные святоши попадаются! Прямо дореволюция какая-то.

- Кстати, до революции много попущений было, - возразил Схеман. - Сейчас более все строго. Советская власть Церкви на пользу пошла. До революции только духовенство и постилось как положено. Почитай Бунина «Окаянные дни». На паперти курить разрешалось! А теперь попробуй хотя бы внутри церковной ограды закури… О! О! с похмелья, что ли? Дождешься, что возьму газету в свои руки, а тебя отдам жидомасонам на заклание. Закуси грибочком-то. Или вот, читал я в «Жизнеописании Булгакова» у Мариэтты Чудаковой, что, мол, семья Булгаковых была страшно религиозная и на Страстной неделе у них в доме совсем не ели мяса. Во как! Интересно, Мариэтта Крабовна и впрямь не знает, как положено соблюдать Великий пост?

- Кстати, отличная тема для статьи, - махнув подряд три рюмки и закусив солеными грибочками, заметил Белокуров. - «Церковная обрядовость до и после советской эры». Напишешь?

- Лучше ты, а я тебе матерьяльчиков подброшу.

- Вот видишь, а не было б бутылки, не родилась бы тема. Во всем есть польза.

Посидев у Схемана и душевно покалякав, «главный бестиарий» отправился сперва в Дом литераторов, где ему честно возвратили портфель, а потом - в Первый московский бизнес-колледж читать австралопитекам всемирную историю. Ему было весело и легко, в кармане плаща - а карманы были глубокие - приплясывала наполовину выпитая бутылка. От Дома литераторов он быстро добрался до Пресни и очутился в своей аудитории на третьем этаже, повесил плащ в шкаф, отхлебнул немного, и у него оставалось полчаса, чтобы освежить в памяти даты событий и некоторые имена. Опьянение воскресило в ней вчерашний вечер, Эллу… Захотелось снова увидеть ее, хотя бы один раз. Прикоснуться губами к ее губам. Он с тоской подумал, что если даже поедет на машине туда, к ней, на Тимирязевку, то едва ли найдет дом, вспомнит, какой подъезд и какая квартира.

- Сик транзит… - тяжело вздохнул он, подошел к окну, посмотрел на «Белый дом», подыскивая нужные очертания своей тоске. - Промелькнула и… промелькнула.

Впервые за много-много лет он чувствовал то особенное

щекотание, катающееся вниз-вверх, из-под сердца в живот и обратно, каковое бывало у него давно - в юности, когда он влюблялся. И мурашки, вдруг пробегающие по щекам… И томление, когда хочется только лечь, уткнуть лицо в ладони, лежать и постанывать.

Потом он читал лекцию о крестовых походах. Основательно, красиво, стройно, но - без огня. И видел, что многие не слушают. После перерыва должна была явиться другая группа, которой следовало оттарабанить то же самое. а как не хотелось!

В перерыве он еще раз приложился к бутылке, нисколько не раскаиваясь в том, что вчера пообещал Василию, мужу Эллы, сегодня - ни водчинки, ни ветчинки. Вспомнил о своем обещании без трепета.

На следующей неделе вернется Тамара, которая не захотела быть Белокурвой, и постепенно он забудет про Эллу, про то, как хотел всю ее оцеловать. В конце концов, у него крепкая семья, жена, сын, отчим. Что еще нужно человеку, чтобы счастливо встретить старость?

- Тоже мне Анн Каренин нашелся, - пробормотал он, отталкивая от себя мысли об Элле, как веслом - утопленника.

Аудитория вновь заполнялась слушателями. Глядя на них, Белокуров подумал, что не такие уж они и австралопитеки, вполне пещерные люди.

- Халявин, - обратился он к одному из студентов, делая ударение именно там, где требовал тот, на первом слоге, отчего получалось похоже на «хеллоуин», страшный американский праздник, - почему пропускаете занятия? Три раза подряд не были.

- Работы много было, Борис Игыч, - презрительно ответил студент, будто отцом Белокурова было некое иго, вероятно ордынское.

- Как говорит мой знакомый еврей Схеман, работа не жид, в Израиль не убежит. Садитесь. Ну хватит, посмеялись, и будет. Верункова! Прошу тишины. Спасибо, родные мои. Так, темой нашей сегодняшней лекции…

Тут сердце его оторвалось и упало на самое дно желудка, проделав свой путь через мужчину. В дверях стояла она!

- Здравствуйте, - сказала она. - Могу ли я прослушать вашу лекцию?

- Прошу вас, - разрешил Белокуров и, когда она уселась за одним из столов в первом ряду, всегда свободном, продекламировал из пушкинского «Mon portrait"*:

Onc il ne fut de babillard,

Ni docteur en Sorbonne -
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-mкme en personne**.

* «Мой портрет» - стихотворение А. С. Пушкина, написанное им по-французски.

** Никогда не было болтуна, ни доктора Сорбонны - надоедливее
и крикливее, чем собственная моя особа (фр.).

- Итак, родные мои, наша сегодняшняя лекция начинается в советских кинотеатрах времен застоя, когда там показывали среднего качества фильм Михалкова-Кончаловского «Ярославна - королева Франции». Возможно, кто-нибудь из вас и смотрел этот фильм. Так вот, действие фильма происходит в тысяча сорок восьмом году, когда французский король направил посольство к киевскому князю Ярославу Мудрому, а Киев тогда еще не был столицей независимой Украины и древние укры изнемогали под гнетом москалей. Послы забрали у Ярослава одну из его дочерей, красавицу Анну, и увезли в Париж. Король Франции женился на ней, подарил представительский «опель», брюлики, всякую голду и прочее, а она за это родила сыновей. Так вот, одного из сыновей звали Гуго, а поскольку во владение ему досталось графство Вермандуа, то и известен он в истории как граф Гуго Вермандуа. Сей Гуго, который по матери был русак, интересен нам постольку, поскольку он явился одним из полевых командиров огромного бандформирования, известного больше под наименованием «войско крестоносцев». Как видите, наши везде бывали. Но, правда, Гуго Вермандуа был не главным вождем Первого крестового похода, он подключился как один из главных. А начался поход в тысяча девяносто шестом году, когда огромные толпы народу, соблазненные пламенными речами некоего отшельника Пьера, дали клятву освободить Иерусалим от мусульман. Тогда Иерусалим не был поделен на два сектора, им, как и всеми территориями нынешнего государства Израиль, полностью владели арабы. Те самые, которых теперь именуют арабами-палестинцами.

Он решился посмотреть на нее и увидел глаза, полные смеха и лукавства. Должно быть, она слушала не лекцию, а его голос. Белокуров знал, что с похмелья голос его звучит как-то особенно - красиво и мужественно. Окрыленный взглядом Эллы, он продолжал вдохновенно читать лекцию, не то что предыдущую. Когда он рассказывал о том, как было найдено копье Лонгина, ему казалось, оно у него в руках; когда говорил о резне после

взятия Иерусалима, чувствовал, что стоит по щиколотку в крови. Но больше всего его поразило, когда «хеллоуин» захлопнул тетрадь, бросил ее в свой портфель и произнес:

- Борис Игыч! Уже давно перемена идет, нам на лекцию по маркетингу пора.

А Белокуров только до Второго крестового похода добрался. На прошлой лекции ему удалось окинуть взором и Первый, и Второй, и Третий, и даже немного Четвертый.

- Ну что ж, идите на маркетинг, на той неделе продолжим. Смотрите на Пасху не шибко напивайтесь.

- Так ведь Пасха уже прошла! - возмутилась студентка по фамилии Брыль. И это после того, как он объяснял им разницу между юлианским и григорианским календарями, после того, как описывал явление Святого Огня именно в православную субботу!

- Для вас, Брыль, Пасха еще не скоро наступит, - рассердился Борис Игоревич и проводил взглядом обиженную спину студентки.

И вот они остались в аудитории вдвоем. Он и она.

- Белокуров, вы были неотразимы!

- Я был зеркалом, в котором отражалась ваша неотразимость, мадам… Как, кстати, ваша фамилия?

- Моя фамилия - Веселкина.

- В таком случае - мадам Аркансьель.

- Почему Аркансьель?

- Потому что «веселка» по-украински, по-смоленски и по-воронежски - радуга.

- Какие познания!

- У вас, мадам, в роду были украинцы, смоляки или воронежцы?

- Нет. Мой дед, от которого фамилия, скобарь. Псковской, значит.

- Значит, скобари тоже радугу веселкой называют. Здравствуй, радуга!

Он подсел к ней, обнял правой рукой за талию, прижал к себе. В душе у него все ликовало. Ее дивные глаза были рядом, и теперь он вдруг обнаружил, что в них особенное: у Эллы были очень короткие ресницы, но именно это делало глаза выразительнее, для этих глаз длинные ресницы не подходили бы. Он поцеловал сначала левый глаз, потом правый, на веках почти не было наложено теней. А на губах почти отсутствовала помада.

- Ты с ума сошел. Нас увидят, - прошептала она.

В подтверждение ее слов в аудиторию вошла студентка из очередной группы, Ира Петрова. Ей можно было доверять.

- Ира! - сказал Белокуров заговорщически. - Сегодня занятие

отменяется. Я даю деру. Скажите всем, что я заболел.

- А что с вами, Борис Игрич? - Эта производила его отчество от какой-то «игры».

- Любовная горячка.

Он торопливо нырнул в свой плащ, а подлая бутылка, напротив того, неведомо как - вынырнула из его кармана, но не разбилась, а с грохотом уколесила под батарею.

- Вы этого не видели! - крикнул Белокуров студентке Петровой и, слегка приобнимая Эллу за спину, выскочил вон из аудитории.

«Мадам Аркансьель» весело хохотала.

- Где ты так научился шпарить по-французски? - спросила она, когда он вел ее вниз по лестнице, устланной красными коврами.

- А ты?

- Инъяз, а теперь - гидра-переводчица.

- А я - мимоза. Три года работал в Алжире. И вообще, я шпион и кагэбэшник.

- Ну, это-то ежу понятно! Мог бы и не сообщать. А теперь у меня на тебя компромат - сам раскололся. Боже, как я рада тебя снова видеть!

- И я, радуга.

У него было летучее чувство, будто он сейчас выйдет с ней из колледжа, а там у самого входа - вертолет, и их укружит вихрем далеко-далеко, к благодатным берегам Тигра и Евфрата, или к Геннисаретскому озеру, или хотя бы на Капри. Но у дверей колледжа имени Рокфеллера не видно было вертолетного пропеллера. И он растерялся, совершенно не зная, куда им теперь податься. Но в любом случае надо было взять мотор, и мотор был взят с ходу. Открыв дверцу, Белокуров спросил у водителя:

- До Багдада довезете?

- Платите бабки - и запросто, - охотно отозвался тот.

- У меня паспорт просрочен, - предупредила Элла.

- Тогда - в «Пекин». Но не в столицу КНР, а в ресторан «Пекин», - тотчас сменил маршрут Белокуров.

- И туда не поедем, - усаживаясь вместе с ним на заднее сиденье, возразила гидра-переводчица. - Около моего дома превосходный недавно открылся магазин деликатесов. К Тимирязевскому парку, пожалуйста.

- В пятикратном размере заплатите? - спросил отзывчивый на шутку водитель.

- Смотря какой однократный, - сказал Борис Игоревич.

- Десять тысяч.

- Заплатим в пятикратном, - махнул рукой «главный

бестиарий», и только сейчас до него стал доходить смысл их путешествия. Бог ты мой! он никак не ожидал, что все будет так просто. Значит, Василий уехал к своему духовнику, обитающему в промежутке между Тверью и Торжком. Уехал ли? Нет, теперь уж точно - уехал. Не стала бы она его второй раз привозить к мужу для бесед великопостных.

Снова, как вчера вечером, Белокуров держал в своей руке ее руку, и все в нем закипало от предвкушения. Надо же! Он ожидал, что потребуется какой-нибудь подвиг, какая-нибудь ловушка. Но его просто везут на квартиру, в которой отсутствует муж.

- Недавно, - заговорил он веселым тоном, - мне рассказали одну весьма забавную историю соблазнения.

- Ну-ка, ну-ка! - оживленно крякнул водитель.

- Женатого мужчины замужней женщиной? - спросила «гидра».

- Отнюдь. Незамужней женщины неженатым мужчиной. Дело было так. Они познакомились на свадьбе. Его друг женился на ее подруге. Молодожены во что бы то ни стало мечтали обженить его и ее. Его, допустим, звали Ваня, а ее Маня.

- Из анекдота? - спросила Элла.

- Допустим. Маня Ване сразу приглянулась, а вот Ваня Мане - нисколечко. Подруга слишком сильно нахваливала его ей перед знакомством: мол, и умница, и красавец, и образованный, и языки знает, и элегантный, и танцует хорошо, и все такое прочее. А когда Маня Ваню увидела, он показался ей не таким уж красивым, молол всякую чушь, и она решила о нем: развязный и избалованный нахал.

- Типа главного редактора газеты «Бестия», - засмеялась Элла, будто догадавшись или даже зная, что Белокуров рассказывает собственную историю соблазнения им Тамары.

- Ну да, типа него. Кстати, мой сотрудник Схеман придумал сегодня для меня другой титул - главный бестиарий.

- Схеман! Ну и фамильичка! А «главный бестиарий» - хорошо. Ну-ну, и что там дальше про Ваню и Маню?

- Дальше интересно. Хватило бы на отличнейшую повесть. Ваня стал за Маней ухлестывать, а она от него воротит нос, да и все. Год целый проходит

- сближение минимальное. Он ей к праздникам и на день рождения драгоценные подарки дарит, водит ее в Большой театр и всякие иные театры, даже к Пете Раскину.

- Это что еще за Раскин?

- Ну, театр Виктюка так называют - театр Пети Раскина.

- Наконец я поняла! - усмехнулась «гидра».

- А я нет, - сказал водитель. - Педераскина, что ли?

- Оно самое, - кивнул Белокуров и продолжил свой рассказ, жалея, что начал. Нелепо было описывать историю его соблазнения Тамары, направляясь в логово измены. Но, раз начал, следовало заканчивать. - Из театров он неизменно провожал ее домой, и она приглашала к себе, а ее родители угощали Ваню чаем с вареньем, недоумевая, почему Маня не хочет замуж за такого хорошего человека. К тому же у него квартира, а они вчетвером в двухкомнатной ютятся: в одной комнате Маня, а в другой - ее папа, мама и брат-первоклассник. Брату бы комнату освободить очень желанно. А ситуация застряла на грани между миром и войной, между свадьбой и женитьбой. И вот наступает роковой день - четвертое октября девяносто третьего года.

- Это когда по «Белому дому» палили? - спросил водитель.

- В точности в тот день, - кивнул главный бестиарий. - Ваня по «Белому дому» не палил. Не был он замечен и среди защитников конституции и Верховного Совета. Он весь день вертелся там вокруг да около, а однажды его даже ранило - пуля попала в угол дома, и осколок стены повредил Ване щеку. И именно в тот миг его, подлеца, осенило, как добиться любви Мани. Вернувшись вечером домой, он надел камуфляжку, вышел в полночь из дому, взял такси, доехал почти до самого «Белого дома», чтобы посмотреть, в каком он состоянии в полночь, а оттуда отправился к Мане в Фили. Приехал уже около часу ночи, в подъезде еще раз расковырял раненую щеку, чтобы кровушка потекла, и в таком виде позвонил в дверь. На его счастье, Маня открыла сама. Увидев его, побледнела. «Спрячешь?» - спросил он сурово. «Что?» - спросила она. «Меня», - сказал он. Тут она ему: «Бо-о… хм… Ва-а-анечка!» Догадалась, откуда он. Вернее, откуда он якобы. Тихо провела в свою комнату, стала ухаживать за кровавой раной, принесла бутылку коньяку, и та-акая у них ночь любви состоялась… В общем, Ваня говорит, что ночь любви была необыкновенно бурная. Утром он ее уже тащил в загс. И, что самое забавное, в ту же ночь Маня почувствовала в себе, как пишут в романах, новую жизнь. И родила ребеночка ровно девять месяцев спустя, четвертого июля следующего года.

- Молодец мужик! - восхитился водитель. - Это ж надо, как смекнул охмурить. Ну а потом-то Маня узнала о его хитрости?

- Узнала, - вздохнул Белокуров. - Он же сам ей по глупости и рассказал. И хотя брак у них к тому времени уже был крепок, и малышок народился, а все же героический облик Вани после этого несколько поблек.

- А я б на месте Мани еще больше Бо… то есть Ваню полюбила, - сказала мадам Арканьель лукаво. - За его хищное

коварство при достижении желанной женщины.

- И не дурак, - похвалил водитель. - Сообразительный. А главное - не подставлял свою башку в «Белом доме».

- Все, приехали, - оповестила «гидра». - Вот он, обещанный деликатесный рай. Заплатите шестерную цену, товарищ главный бестиарий, за то, что вас так живо слушали. Ваши студенты были менее внимательны.

- Охотно, - сказал Белокуров, отстегивая водителю шестьдесят тысяч вместо пятидесяти. - Спасибо за внимание.

- И вам спасибо, - подмигнул водитель. - Совет да любовь!

- Мы хорошо смотримся вместе? - спросила его Элла.

- Отлично смотритесь! Так держать!

Из автомобиля они отправились отлично смотреться в магазинчик деликатесов. Там Белокуров покупал все, что под руку попадалось: икру, семгу, маринованные щупальца осьминогов, готовый салат из креветок и раков под майонезом, сыр рокфор, свежую клубнику в коробочке, ананас, киви, свежие грибы, ветчину, сырокопченую колбасу…

- Кончики слонового хобота есть? - спросил он.

- Вроде нет, - недоуменно оглядевшись по сторонам, сказала продавщица.

- А бывают?

- Пока не завозили.

- Если завезут, позвоните мне по этому телефону. - он протянул свою визитную карточку. - Дайте еще бутылку «Смирновской можжевеловой», шампанское, сок из гриб-фрукта.

- Из грейпфрута?

- Да, из гриб-фрукта. Правильнее - гриб-фрукт. А то тут одна меня стала учить, что надо не бубль-гум, а бабл-гам.

- Все, уходим, и так почти весь магазин скупили, - потащила Белокурова «гидра».

- Подожди, мы достаточно для Василия купили постной еды?

- Достаточно, достаточно, облопается твой Василий грибами с клубникой.

- Сколько с меня?

Расплатившись, вышли из магазина. На улице Белокуров спросил:

- Так что, он не уехал?

- Кто?

- Василий.

- Человеколюбивый Василий над людьми не творил насилий, но люди об этом не знали и насилье над ним совершали, - вместо ответа опоэтизировала ситуацию «гидра».

- Это Олега Григорьева стихи? - спросил «бестиарий».

- Это мои стихи! Хотя, конечно, подражание Григорьеву, признаю-сдаюсь. Ах, какая весна! Как я люблю запах весны!

- Потому что вы с ней пахнете одинаково, - сказал Белокуров.

Они вошли в подъезд ее дома, стали подниматься по лестнице, как вчера. Она придержала его, встала на ступеньку выше, обвила руками его шею, сказала:

- Как бы я хотела, чтоб ты пришел тогда, четвертого октября, ко мне, а не к ней. и сказал мне, а не ей: «Спрячешь?»

- Ты бы спрятала?

- Глубоко-глубоко.

Наконец настало время для поцелуя. Все опять повторялось, как вчера. Может быть, Василий и впрямь передумал ехать к своему священнику? Проспал? Заболел? Приревновал?

- Пойдем, - прошептала Элла, беря Белокурова за руку и ведя за собой.

Ключ вонзился в замочную скважину, дверь распахнулась.

- Василий! - крикнул Белокуров, входя следом за Эллой. - Смотри, кого я тебе привел! Твою любимую Веселкину.

- Что ты кричишь? - закрывая дверь, проворчала Веселкина.

Белокуров заглянул в комнату, в кухню. Василия нигде не было.

- Остались туалет, ванная и кладовка, - сказала жена Василия. - Может быть, вы снимете плащ и поставите сумки на пол? Идемте, мой дорогой, в комнату, я хочу кое-что подарить вам.

- Подарить? - переспросил он пересохшим вдруг ртом: он еще ни разу не изменял Тамаре.

В комнате Элла вскочила на стул, порыскала взглядом по полке, выудила одну книжку в мягком переплете, спрыгнула и протянула подарок Белокурову. Он взял, рассмотрел обложку. Это был Монтерлан - «Бестиарии».

- Спасибо, милая радуга, - прошептал Белокуров, кладя книгу на стол.

- За что? - прошептала Элла, подходя к нему вплотную.

- За все, что уже было между нами. За то, что у меня поселилось вот здесь со вчерашнего вечера. - Он постучал себя пальцем по груди.

- А у меня все вот здесь, внизу живота. - Она приложила ладонь к животу. - Я всю ночь и все утро не могла места себе найти. Думала, неужто нам не суждено больше встретиться? А потом вспомнила про колледж имени Ро…

Он схватил ее, и проклятый Рокфеллер утоп в горячем поцелуе. Голова закружилась, понесла его куда-то далеко-далеко, к благословенным рекам и теплым озерам. Еще минута, и Белокуров бы упал. Он поднял Эллу на руки и понес к кровати, в

которой не было никакого Василия.

Глава шестая
Сволочь

Не жди меня, мама, хорошего сына,
Твой сын не такой, как был вчера,
Меня засосала опасная трясина,
И жизнь моя - вечная игра.

Грех - явление заразное. Если, допустим, на просторах европейской территории России согрешит один человек, то невольно еще десяток-другой, которые, может быть, грешить и не собирались, непременно поддадутся грехопадению. Тем более удивительно, что Сергей Михайлович и Евдокия, проведя вместе весь вечер четверга, всю ночь и все утро пятницы, так и не переступили ту грань, за которой добрые и нежные друзья становятся любовниками. В полдень он покидал ее превосходную квартиру в знаменитом доме на набережной, в котором расположен кинотеатр «Ударник», и все его существо было переполнено законным недоумением. Огромная квартира, в которой двое, мужчина и женщина, провели наедине друг с другом часов десять, так и не стала свидетельницей победы мужчины над женщиной!

В дверях Евдокия наградила Сергея Михайловича прощальным поцелуем, долгим и страстным, от которого в Тетерине вновь вспыхнуло все, включая надежду, и он попытался было вплыть обратно в разочарованное жилье, но Евдокия стойко осадила его:

- Все, Сереженька, все! Тебе ведь надо спешить. Не обижайся, ведь я пообещала тебе. Встретимся через семь часов. Время промелькнет незаметно.

Спускаясь в лифте, Тетерин пытался припомнить, где это у Бунина есть рассказ, в котором любовница тоже вот так же измучивала своего любовника, позволяя ему все, кроме последнего.

- Вот сволочь! - промолвил с усмешкой Сергей Михайлович, вовсе не вкладывая в это злостное ругательство особой ненависти ни в адрес Евдокии, ни в адрес бунинской героини. Просто он устал от бесплодных попыток и был несколько раздражен. Ну хорошо, допустим, тут была простая женская причина. Тогда зачем надо было затаскивать его к себе после встречи полуночи среди Ч-поклонников и так долго мучить?

Теперь он был невыспавшийся, сонный и уже ничего не хотел от жизни. Садясь в машину, Сергей Михайлович с ужасом думал о том, что сегодня вечером и ночью все опять повторится. Правда, Евдокия клялась ему, что в эту ночь - да, в эту великую ночь - непременно, ибо в эту священную ночь откроется великая чакра.

Миновав мост, Тетерин поехал по Полянке, вспоминая все вчерашнее. После вводной лекции и вступительных взносов все, кто слушал Вернолюбова в зале с портретами, были разведены по разным комнатам, где ближайшие сподвижники великого теоретика продолжили увлекательные беседы по поводу всемирного и всеобъемлющего Ч. На сей раз все сопровождалось музыкой и раздачей легких спиртных напитков и закусок. Там Сергею Михайловичу стало хорошо. Теперь, переезжая Садовое кольцо, он тихонько простонал от воспоминания о том, как Евдокия впервые незаметно поцеловала его в мочку уха, как увлажнилась и потеплела жизнь от ее сладостного дыхания, которое он ощущал на своей щеке и шее, как она сообщила ему о том, что родители уехали в Швецию и вся роскошная квартира свободна. До чего ж ему хотелось схватить ее и тотчас же везти на Москворецкий остров, в дом, воспетый Трифоновым! Но нет, введение в Ч продолжалось, предстояла еще встреча полуночи, о которой Тетерин впервые узнал, что это не просто окончание одних суток и наступление других, это в первую очередь - полное Ч, полно-Чь.

- Чепуха! Чушь! Черт знает что! - чертыхался Сергей Михайлович, спускаясь вниз по Люсиновской улице и ловя себя на том, что всюду ему мерещится проклятое Ч. Вот ключи болтаются, а ключ - это клюв Ч. Вот на заднем стекле у едущего впереди «жигуленка» приляпана картинка с надписью: «Желаю удачи!» А что такое удача? Это когда выудишь Ч. Пока он свое Ч не выудил. Но сегодня откроется священная и великая чакра…

Это было не просто наваждение, и Ч мерещилось ему не только в словах и фразах, но везде, в самих понятиях, в самих предметах, в самой сущности бытия. Он чувствовал, как мириады Ч пронизывают его, словно рентгеновские лучи, которые, как уверял вчера Вернолюбов, должны по-правильному называться Ч-лучи. Ве-Ч-ность, то-Ч-ность, в-Че-ра… Во всем движении мира он чувствовал сейчас непреодолимое влияние Ч. Это его и пугало, и забавляло, и наполняло новизной ощущения. Где-то глубоко в душе он начинал гордиться, что так остро и неподдельно чувствует Ч. Об этом ему вчера говорил Святослав Зиновьевич, подсев с бокалом крымского вина «Черный доктор»:

- Вы занимаетесь краниологией, то есть, по-русски, черепословием. Ведь вы же не случайно выбрали именно эту

профессию. Что такое «череп»? В нем слышится и Ч, и репа, скажете вы? Нет, дорогой мой, слово это означает - Ч хребта, только со временем сначала выпала Х, получилось «черебт», а уж потом, естественным образом, «череп». Вот оно как. Все это постижимо. Вы, я знаю, очень быстро войдете в Ч со всеми трудностями и радостями подобного миропонимания. В вас очень сильное чувствование Ч, только его надо открыть и расширить. Черепословы всех времен необыкновенно близко подходили к сознанию Ч, а многие из них, я уверен, получали это сознание, только им его приходилось скрывать. Россия сейчас самая свободная страна в мире, и только здесь можно будет создать религию Ч, культ Ч, чудесную церковь, в чертогах которой воссоединятся все религии мира, а все люди мира наконец-то обнимутся, став братьями в Ч. Я вижу по вашим глазам, как вы стремительно просыпаетесь. Вы самый способный из всех новичков, пришедших сегодня ко мне. Ваша фамилия на самом деле Чечерин, а не Тетерин. В ней целый выводок Ч. Очень скоро вы станете моей правой рукой. А со временем, быть может, и левой. Я - левша. Хочу выпить за ваше здоровье. Ч-окнемся!

- А ваша фамилия, стало быть, не Вернолюбов, а Чернолюбов, - заметил Тетерин, чокаясь с этим опасным чудаком.

- Возможно, - улыбнулся тот. - Но со временем я открою вам свою истинную фамилию. И вы будете жутко ошарашены, мой дорогой.

- Зовите меня в таком случае Чергей Чихайлович, - надерзил Тетерин, на что Вернолюбов нисколько не рассердился, а, напротив того, весело расхохотался:

- А вы замечательный хохмач! А я, стало быть, Чвятослав Чиновьевич? Ха-ха-ха! А кстати, вы заметили слово «хохмач»? Знаете, что такое по-еврейски «хохма»?

- Что же?

- Мудрость. А хохма-Ч, как вы догадываетесь, мудрец.

И сколько ни сопротивлялся Сергей Михайлович, сколько ни дерзил и ни издевался над религией Ч, а все равно чувствовал, как его затягивает, затягивает, затягивает…

Вот и сейчас он едва не свернул туда, в район между Донским и Даниловским кладбищами, где обитала первая в Москве и России церковь Ч. Опомнившись, свернул на Автозаводский мост, поехал домой, домой, к маме.

Потом разговаривали о живописи с некой дамой, у нее усики под носом, а Евдокия тайком шепнула Сергею Михайловичу, что она есть нынешняя левая рука Святослава Зиновьевича Мара Петровна, и Тетерин мигом перевел в систему Ч - Чара Чертовна. Левая рука великого ч-носца утверждала, что главными

художниками всех времен и народов являются Чонтвари и Чюрленис.

- А почему не Чикассо, не Чуриков, не Марк Чагал? - дерзил Тетерин, досадуя, что его дерзости остаются без внимания.

- Ваше остроумие свидетельствует о том, что ваш разум чрезвычайно наполнен энергией Ч, - отвечала Мара Петровна.

Потом даже были танцы, как ни странно, под простую «Аббу», а не под Чайковского или Чостоковича. Сергей Михайлович малость захмелел от крымских черных вин, ему было хорошо, и он готов был сколько угодно терпеть всю эту че-пуху во имя с-частья Евдокии. Затем было таинство встречи полно-Чи, в темноте, с миганием каких-то блуждающих огоньков, в которых мелькали тени, раздавались таинственные голоса, а Сергей Михайлович и Евдокия принялись бешено целоваться, и за это Тетерин был в те минуты неизъяснимо благодарен опасному чудаку Вернолюбову, у которого еще вдобавок имеется некая тайная истинная фамилия.

Во втором часу ночи Сергей Михайлович наконец-то уговорил ее ехать в пустующую квартиру дома на набережной, и они поехали. Там до утра продолжались танцы, обниманцы, поцелуи, разговоры, Евдокия вдруг принималась читать свои стихи, которые даже казались недурными, хотя Тетерину все равно хотелось схватить их и изорвать на мелкие клочки.

Он снова застонал, вспоминая все свои ночные и утренние мучения, коим подвергла его бунинская героиня Евдокия Николаевна Уханова, правнучка одного весьма пламенного революционера. И воспоминания об этих муках не отпускали его до самого дома.

- Интересно, - пробормотал он, останавливаясь в родном дворе, - что получится, если вместо Ч взять другую букву?

Эта мысль увлекла его. Например, Х. Можно было бы создать религию Х, враждебную религии Ч. Хотя, это, конечно, для хохлов - рух, Хмельницкий, хвылынка, Харьков, Херсон. Он вылез из «мыльницы», закрыл ее, пошел в свой подъезд. Мысль работала. Смешно было переводить слова из системы Ч в систему Х. Чернобыль, Чуйков, Чуев, черепаха, череп…

И тут, в темноте подъезда, едва он ступил на лестницу, ему сильно врезали по этому самому черепу. Сергей Михайлович упал, ударившись плечом о стенку и испытывая грозный гул в правом ухе.

- Эхма! - раздался ушлый голос. - Извиняюсь! Недоразумение.

И - бегство шагов…

Вот оно какое, завершение этого утра! Удивительно, как Сергей Михайлович не потерял сознание от столь сильной

оплеухи. Он сел на ступеньке, потрогал свой ушибленный кранион. Ухо горело, но крови не ощущалось. Хорошо, что его по недоразумению не изрешетили с контрольным выстрелом в голову. Плечо тоже болело.

- Прекрасно! - прокряхтел Тетерин и, поднимаясь на свой этаж, уже не переводил ничего из Ч в Х.

Дома в прихожей он первым делом обратил внимание на стопку так называемых оппозиционных газет.

- О! Опять тебя Вера Иванна просвещает, - сказал он матери, вышедшей навстречу из кухни.

Взяв в руки газеты, просмотрел: «Завтра», «Советская Россия», «Русский вестник», «Империя», «Бестия»… С последней страницы «Бестии» глянуло жуткое лицо Чикатилло, над которым зиял заголовок: «Герой нашего времени».

- Дай почитать, - попросил он Людмилу Петровну.

- Не дам, ты до них не дорос, - сердито выхватила из рук сына газетное сокровище мать.

- Что ж, по-твоему, я тоже питекантроп?

- Нет. Ты - римский мир периода упадка.

- Который встречает варваров рои? Понятно.

- Где был? Голодный?

- Я ж тебе звонил от Евдокии.

- Звонил. Я не верила. Правда, что у нее был?

- У нее.

- Женишься?

- Если сегодня чакра откроется.

- Как дам сейчас! «Чакра»! Грубиян!

Она легонько шлепнула его по черепу всею оппозиционной печатью.

- В подъезде бьют, дома бьют - что за жизнь!

- А в подъезде-то что?

- Какой мудак на букву Ч… Ой, прости! Короче, какая-то сволочь чесанула меня кулачищем по уху, а потом говорит: «Ошибочка вышла!»

- Это из «Швейка» эпизод.

- Вот со мной и случился эпизод из «Швейка».

- Серьезно, что ли? Ой, а и вправду ухо красное какое! Сейчас я тебе примочку сделаю.

- Не надо, мамуленька. Я спать хочу. Буду спать жестоко и неустанно. Если кто будет звонить, всем говори, что меня, как Листьева, замочили в подъезде. Питекантропы, мол, расправились с палеоантропологом. Если только из комиссии.

В своей комнате он быстро разделся и забуровился в постель. Глаза сомкнулись так, будто навеки, и Сергей Михайлович стал с

наслаждением проваливаться в засасывающее Ч сна. Но не успел он проспать и двадцати минут, как мама побеспокоила его:

- Серый! Прости Христа ради, но тут как раз из комиссии звонят. Ты просил разбудить.

- Да, спасибо! Спасибо, мама! - Он выскочил в прихожую к телефону. - Алле!

Предчувствия не обманули его. Бестрепетным голосом ему сообщили, что все его предложения тщательно рассмотрены, но комиссия пришла к твердому убеждению: в услугах господина Тетерина Сергея Михайловича она в данное время не нуждается.

- Благодарю вас, желаю удачи, - сухо сказал Тетерин и повесил трубку.

- Ну что там, Сережа? - спросила мать.

- Они во мне не нуждаются.

- И это понятно. Сволочи! Нет, вы поглядите! Комиссия, занимающаяся останками, а главное - черепами царской семьи, не нуждается в лучшем специалисте по ископаемым черепам!

- Они мне сразу в шутку заметили, что царь с царицей не были питекантропами, - уныло пожал плечами Сергей Михайлович. Главное, из-за чего он был теперь расстроен, состояло даже не в том, что эти гады пренебрегли им, а в том, что ему теперь уж точно не удастся заснуть.

- Конечно, ты им не нужен, - продолжала негодовать Людмила Петровна. - Потому что ты можешь помешать им в их мухляже. У них глаз наметанный, кто честный человек, а кто нечестный, кого можно и подкупить при необходимости.

- Просто им не нужны специалисты, вот и все. У них вся комиссия состоит не из ученых, а из чиновников. Господи, сколько же на свете сволочи! - воскликнул Сергей Михайлович, имея в виду на сей раз всех оптом

- и Вернолюбова-Чернолюбова, и бунинскую героиню, и Чару Чертовну, и членов комиссии, и даже Чикатилло. Наградивший его в подъезде оплеухой был к тому времени милостиво забыт.

Сергей Михайлович возвратился в свое лоно, укутался одеялом, но заснуть, как и предполагалось, не мог. Он думал о том, что во всем виноват сам. Не надо ему зарабатывать черепословской халтурой, развлекая «новых гнусных», не надо встречаться с Евдокией, не надо больше ходить в тайное общество Ч - одного раза достаточно, чтобы понять, какой это бред и жульничество. В итоге он будет зарабатывать на халтуре, а ч-носец Святослав Зиновьевич будет вытягивать эти деньжонки из него. Хороший замкнутый круг получается. Этакий круг Ч…

Но неужели бросить все, когда вот-вот должна раскрыться великая чакра?

Сергей Михайлович засмеялся. Все глупость. Но разве мир устроен умно? Разве, если Тетерин прекратит свою черепословскую практику, забудет про Евдокию и загасит, как окурок, воспоминание об обществе Ч, мир станет умнее? Нисколечко! Миром по-прежнему будут править дураки и сволочи. Сплошная сволочная сплошночь. Россия! Мать верит в ее возрождение, которое сулят газеты типа «Завтра» и «Бестии». Так верили в возрождение Рима, Византии, Арабского халифата. Но римляне стали итальяшками - шутами, макаронниками, колготками «леванте», в лучшем случае - «скуадра адзурой», византийцы - греками, турками, торгашами, арабы - известно кем, один только Саддам еще держится… Эх, мама, мама! Мир глуп, и с каждым годом все глупее и глупее. И незачем Сергею Тетерину участвовать в комиссии по царским останкам. Лучше он все же добьется любви Евдокии, хотя что дальше - одному Ч известно.

И все же Сергей Михайлович давно подметил одну особенность русских черепов, которая почему-то вселяет, вселяет какую-то безумную надежду. Эта одна маленькая особенность, которую пока еще никто не заметил, имеется только у истинно русских людей и у тех иностранцев, которые или становились русскими, или по духу всю жизнь были подобны русским.

- Сволочи! - снова заворочался с боку на бок Тетерин, поминая сим словом теперь уже только членов комиссии.

Да, любой Проханов, любой главный редактор «Бестии» или «Русского порядка» немало бы отдал за статейку об этой особенности русских черепов. Не случайно большевики с таким упоением в свое время дырявили эти черепа из револьверов.

Сергей Михайлович вскочил с кровати. В глазах его стояли слезы.

- Сволочи! - погрозил он в окно кулаком. Это уже - большевикам.

Ему было за все обидно. За то, что он не разворошил, не подпалил, не сжег осиное гнездо Святослава Зиновьевича, за то, что Евдокия не отдалась ему хотя бы под утро, за то, что в подъезде ошибочка вышла в точности по «Швейку», за этот оскорбительный тон, которым ему сообщили, что не нуждаются в его услугах.

Сна - как не бывало.

А главное - за державу обидно! Как ты ни крути хвостом и ни пытайся приспособиться к новой жизни, поминая Рим, Византию и прочие погасшие империи, а обидно - до слез.

И Сергей Михайлович от всей души расплакался…

Глава седьмая
Призрак замка

- Жить, как говорится, хорошо.
- А хорошо жить - еще лучше.
- Точно!

Отец-основатель был очень доволен тем, как прошел день. Он нисколько не раскаивался в том, что случилось в дороге между ним и его бывшей женой, а ныне - княгиней Екатериной Петровной. Едва ли это рогоносное событие дойдет до сведения самого рогоносца, князя Жаворонкова, а как ни крути - приятно наставить рога тому, кто, можно сказать, увел твою супругу, потому что был богат и преуспевающ.

И после свершившегося, и после бешеной гонки с риском погибнуть, и после того, как они все же остались целы, приятно было, черт возьми, вылезти из автомобиля, довершить вместе со всеми поклонение рассвету, разоблачиться и в чем мать родила броситься в молодую воду Волчицы. Именно молодую, а не ледяную, как сказал бы новичок, совершающий купание в столь раннюю пору. Для всех «жаворонков», уже привыкших купаться круглый год, вода реки в конце апреля считалась молодой, в мае - теплой, в июне - парной, в июле - кипятком, в августе - горячей, в сентябре - ангельской, в октябре - доброй, в ноябре - свежей, в декабре - прохладной, в январе - холодной, в феврале - наилучшей, а в марте - ожившей. Жителям княжества, основанного Ревякиным, предписывалась любовь к жизни. Проявление этой любви начиналось с поклонения рассвету, а продолжалось омовением в водах Волчицы. Полной наготы при купании ни от кого не требовали, но лишь некоторые новички, да и то только первое время купались в трусах и плавках, а женщины в купальниках, и очень скоро становились как все - бестрепетны к собственным обнаженным достоинствам или недостаткам.

Как все были рады приезду отца-основателя и княгини! В реке их взяли в круг и, нахваливая, обрызгивали водой. Владимир Георгиевич смотрел на Катю и веселился вместе со всеми. А она с важным видом кружилась, запрокинув голову и потряхивая мокрыми красивыми волосами. Потом затеяли наперегонки к другому берегу, и отец-основатель приплыл одним из первых, оставив позади многих молоденьких «жаворонков». Только столяр Жигин, один из поваров да отец Кирилл обогнали его, а на

обратной дистанции Ревякин обставил отца Кирилла и пришел третьим.

Отцу Кириллу было немногим за тридцать. Он возглавлял в княжестве православную епархию, впрочем, столь же немногочисленную, как мусульманская община. Третьим особенным вероисповеданием было протестантство, и протестантов даже больше, чем православных. Но в основном «жаворонки» исповедовали поклонение богу жизни и света, ограничиваясь уставом и заповедями княжества, выработанными отцом-основателем. Разумеется, и у отца Кирилла, и у муллы Ибрагима связи с церковью и мечетью оборвались, хотя они считали себя не выпавшими из лона своих религий. А вот протестантов, в отличие от них, опекали русские протестантские общины. Жили в княжестве и евреи, но вне религии своих предков.

Радостной была и встреча с Мариной, невестой Владимира Георгиевича, с которой он намеревался совершить обряд бракосочетания в это воскресенье. По уже сложившемуся обычаю, свадьбы в княжестве совершались на Пасху, на первое мая, в летнее солнцестояние, на Ивана Купалу, на Илью Пророка, в Покров, перед Новым годом, а после Нового года - в день всех домовых и, конечно же, двадцать второго марта, когда пекут жаворонков на Руси в честь праздника сорока мучеников.

Владимир Георгиевич не испытывал угрызений совести в связи с тем, что, спеша к Марине, в дороге изменил ей. С возрастом он пришел к твердому убеждению, что мужчина имеет право, и коль уж сие право не принято обществом, то достаточно все держать в тайне. Но правом надо пользоваться. Вот почему он без тени смущения обнялся и расцеловался со своей невестой, глаза которой сверкали от счастья при виде жениха. Марина очень гордилась, что сам отец-основатель, чье имя воссияет в веках, выбрал ее в невесты себе.

- Как вы доехали? - спросила она. - Без приключений?

- С, - ответил он игривым тоном. - И с приключениями, и с похождениями, и с проделками. Хорошо доехали, Мариша.

- Слава Богу. Я пойду одеваться.

Из реки мужчины и женщины выходили порознь, и на берегу их ждали одежды в разных местах: на берегу возвращался стыд.

Конечно, Марина ревнует. Ведь всем известно, что княгиня Екатерина Петровна некогда была женой отца-настоятеля. А тут они всю ночь ехали вдвоем в машине. Быстро одевшись, Марина поспешила под ручку к своему жениху и весь день старалась ни на шаг не отступать от него. После легкого завтрака отец-основатель и его невеста пошли показывать княгине

Жаворонковой, как идет строительство замка. Катя не была здесь с Нового года, и за четыре месяца работы здорово продвинулись. Закладка оснований, можно сказать, была завершена. Они стояли втроем на балконе самого верхнего, четвертого этажа княжеского дворца, откуда хорошо наблюдались все очертания поприща будущего сооружения.

- На кастет похоже, - заметила княгиня, оглядывая огромные кольца - фундаменты башен, соединенные между собой фундаментами межбашенных стен.

- Да, действительно, - весело согласилась Марина.

- Даже в самих словах есть, кажется, родство, - заметил Владимир Георгиевич. - «Кастет», «кастеллум».

- «Кастеллум» это, по-моему, замок? - спросила невеста Ревякина.

- Не по-твоему, а по-латыни, - приобняв ее за плечи, ответил отец- основатель. Он заметил, что это обнятие не укрылось от взора княгини, и поспешил продолжить рассказ о наблюдаемых фундаментах. - Итак, самая крайняя справа - это будет Угловая, или Южная, башня, предназначенная для гостей замка. Закладка ее фундамента уже окончена. От Угловой две стены ведут к Кухонной башне, что подальше от нас, и вот сюда, на холм, где заканчивается закладка основания башни Ублиетт. Фундаменты донжона и трех северных башен вы, ваше высочество, уже видели. Они были заложены еще осенью.

- А что вот там? - обратила Катя внимание на новые постройки, затеянные на склоне перед обрывом, возле реки.

- Это будет барбакан, - отвечал отец-настоятель.

- Бар… что?

- Барбакан. Площадка перед замком, окруженная невысокой стеной. Эта стена со стороны Волчицы будет создавать нижний ряд зубцов, над которыми встанет вся основная зубчатость замка. Очень красиво. В самом барбакане мы разобьем сад.

- Превосходно! - Княгиня Жаворонкова глубоко вдохнула в себя упоительный весенний воздух. Щеки ее горели.

Владимир Георгиевич и ее обнял за плечи другой рукою. Он стоял среди двух прекрасных женщин, одна из которых была его бывшей женой, а сегодня ночью стала тайной любовницей, вторая - невестой. Обе были красавицы, причем Марина хороша еще тем, что на десять лет моложе Кати. Владимир Георгиевич мог гордиться как мужчина.

- А теперь представьте, - сказал он, - как вырастут башни и стены, как вознесется выше всех величественный донжон, как будет вырыт ров, в который вольются воды Волчицы и по этим водам станут плавать лебеди, как от дворца к Надвратной башне

через ров перекинется изящный мост.

- Да-а… - мечтательно промолвила Марина.

- Даже не верится, что здесь, в средней полосе России, когда-нибудь вырастет средневековый замок, - сказала Катя.

- И вы будете его владелицей, - сказала Марина, подчеркивая свое дружелюбие по отношению к бывшей жене своего жениха.

- Мы, - возразила княгиня столь же дружелюбно.

«Кто богат, тот и рогат», - сверкнул в голове у отца-настоятеля каламбур, и он весело рассмеялся.

И вот теперь, за час до заката, они снова сидели на этом балконе, но только теперь вдвоем - он и Катя. Марину все-таки увели от жениха по делам предстоящей свадьбы: какие-то там очередные примерки. Владимир Георгиевич пришел сообщить княгине о пополнении.

- Поздравляю вас, ваше высочество, - сказал он. - В то время как население России стремительно сокращается, наше население растет. К нам приехали трое новичков - двое мужчин и одна девушка, а у Карповых родился сын. Это уже двенадцатый ребенок, родившийся в пределах княжества.

- Это радует, - отвечала княгиня. - Не желаешь посидеть со мной на балконе и попить чаю с ликером?

Слуга Виталик поставил для них на балконе столик, плетеные кресла, накрыл столик приборами, принес кофе, ликер, яичное печенье и зефир, вечно любимый Катей. А ликером угодил отцу-настоятелю - Владимир Георгиевич очень ценил бехеровский, еще с тех времен «застоя», когда он свободно продавался в Москве. А теперь его днем с огнем не сыщешь.

- Итак, - сказала княгиня, - сколько же у нас отныне всего жителей?

- На тридцать первое декабря прошлого года, - стал рапортовать Ревякин, - население княжества насчитывало триста семьдесят девять человек. На сегодня, двадцать пятое апреля тысяча девятьсот девяносто седьмого года, оно составляет триста девяносто семь человек, из которых двести шестьдесят женщин и только сто тридцать семь мужчин. Неслыханное процентное соотношение: шестьдесят пять на тридцать пять. Мужчин почти вдвое меньше, чем женщин. Такого нет ни в одном государстве мира. Зато рождаемость у нас в шесть раз превосходит смертность: при родившихся двенадцати только двое скончавшихся. Это лучший показатель в мире. Кроме того, я подсчитал, мы держим первенство во всем мире по количеству жителей, имеющих высшее образование, знающих иностранные языки, умеющих играть на музыкальных инструментах.

- А по количеству моржей нас никто никогда не догонит, -

добавила Катя.

- Это так, - вздохнул Владимир Георгиевич. - Но что делать с соотношением мужчин и женщин? Придется в скором времени разрешать многоженство, гаремы.

- Не думаю, - возразила Катя. - Лучше завезти мужчин откуда-нибудь. Хороших мужчин из неблагополучного региона планеты. Сербов, к примеру. Приднестровцев. Моряков из Севастополя.

- Тогда уж и Черноморский флот перевести по Волге в Волчицу и разместить под Ярилиной горкой, - сказал отец-основатель.

- Это блестящая мысль! - улыбнулась княгиня. - Все, что стало не нужно России, все забрать сюда, в наше княжество. И отсюда начать великое возрождение.

- Не мешало бы и иракскую нефть, - добавил Ревякин.

- И Саддама! - мечтательно закатила глаза княгиня. - Красивый мужик!

- Ну уж нет, - возразил Ревякин. - Как отец-настоятель, я решительно против такого риска.

- Боишься?

- Глазом не успеем моргнуть, как тут будет флот США и всего мирового сообщества. Разбомбят за милую душу.

- Ладно, без Саддама, - вздохнула Екатерина Петровна.

Под ними расстилалось зрелище строительства - огромные кольца башенных фундаментов, соединенные друг с другом основаниями стен, и впрямь напоминали издалека громадный кастет. За поприщем замка лежало поле, потом чернел лес. Закат играл в черных ветвях деревьев медными нитями, точно так же, как в волосах Кати.

- Красиво у нас тут, - сказала Катя. - Этот закат, этот огромный фундамент, как призрак будущего замка.

- Надо предложить князю назвать замок Моррисвиль, - отозвался Владимир Георгиевич, любуясь лицом Кати, ее точеным профилем. - Для туризма - прекрасно.

- Нет, Лешка отменно придумал - замок Алуэтт, - возразила княгиня. - И красиво, и соответствует.

- А мне не нравится.

- Во всяком случае, лучше, чем Моррисвиль.

- Самое первое название - Теткин - было и просто, и хорошо, без выпендрежа. Нет, в его высочестве взыграла галломания, вспомнились времена, прожитые в Парижике.

- Во сколько сегодня закат?

- В двадцать пятьдесят три.

- Пойдем. - Катя встала со своего кресла, взяла Владимира Георгиевича за руку.

- Куда? - спросил он.

- Не в Парижик. Пойдем, я хочу еще раз взглянуть на ублиеттку.

- Надеешься на то, что она стала глубже? - усмехнулся, поднимаясь и чувствуя действие бехеровского ликера, Ревякин.

- Я - нет, а вот Лешка просил меня сегодня вечером заглянуть туда. Будешь смеяться, но он предполагает, что именно сегодня вечером ублиеттка должна раскрыться.

- Ну, пойдем заглянем, раз такова княжеска воля.

- С балкона убирать все? - спросил Виталик.

- Да, можешь, - кинула княгиня, и в который раз Ревякин подивился ее барским замашкам, повелительному тону, обретенному в общении со слугами за время второго замужества.

- Сашок! - позвала она служанку. - Подай мне, дружечка, теплую куртку, я под землю отправляюсь. Во ад.

- Во ад-то и голой можно, - пошутила Сашок. - Там же пекло.

- Много ты разбираешься в адах, - возразила княгиня, одеваясь в черную кожаную куртку на толстом собольем меху. - Почитай Данте.

- Что ж там, холодно разве?

- Поверху прохладно, потом все горячее и горячее, потом пекло наступает, а если еще глубже, то опять холодает. Сам Люцифер по пояс во льду закован. Вот как. Ну-с, идемте, отец-настоятель.

Когда спустились на лифте вниз и вышли из дворца, у подъезда встретились с Мариной.

- Куда вы? - спросила она, хлопая обиженно глазами.

- Пойдем подвал посмотрим, - сказал отец-основатель. - К закату вернемся.

- А я с вами можно?

- Нет, холодно там, а ты легко одета. Нельзя, - вместо отца-настоятеля отказала ей в просьбе княгиня. - Мы скоро. Только туда и обратно. Да не бойся, не съем я его.

Опять этот властный тон подивил Владимира Георгиевича. Прямо-таки в Вассу Железнову превратилась его Катя за три года жизни со своим хозяином земли русской. И, как ни странно, он находил, что ей это даже идет.

Они отправились пешком. Туда, к призраку замка. Телохранитель Дима, от которого Катя сбежала накануне ночью и который приехал в княжество через пару часов после их приезда, держался чуть поодаль, но не отставал.

- Димон! - оглянулась на него Катя. - Шел бы ты отдыхать.

- Ну ва-а-аше высочество! - прогудел он в ответ.

- Ладно, только будь незрим!

Держа путь чуть влево от заката, они приближались к тому холму, в котором находилась пещера и где уже лежало основание башни Забвения, или, по-французски, башни Ублиетт. Катин муж, большой оригинал, начитался какой-то псевдонаучной литературы, доказывающей существование во всем мире бездонных колодцев, по которым можно спуститься аж до самого ада. Этакие поры Земли. Якобы города, основанные там, где есть такие поры, непременно становились великими или малыми, но столицами. Якобы тайну этих бездонных скважин в свое время открыли тамплиеры, хотя в древности якобы чуть ли не каждый знал о них. И якобы им поклонялись, приносили им жертвы и все такое прочее. И вот он стал рыскать по белу свету в поисках подобной скважины, ибо горел идеей основать свою собственную столицу. Он нашел одну глубоченную и вроде бы даже бездонную карстовую полость на вершине Эчкидага

- одной из гор возле Карадага, в Крыму. Но кто б ему там дал построить замок! Наконец его поиски увенчались открытием пещеры на одном из холмов на берегу реки Волчицы, правого притока Волги. В этой пещере имелась весьма глубокая скважина неизвестного происхождения. Правда, не бездонная и даже не такая глубокая, как карстовая полость в Крыму. И тем не менее, покуда не найдется что-нибудь побездоннее, господин хороший решил застолбиться временно здесь.

- Ты знаешь, - говорила Катя, - он вычитал где-то, что эти ублиеттки не всегда не имеют дна, что каждая из них в особый свой день открывается и дает дорогу к самым недрам Земли. Как ты думаешь, это чушь собачья или тут что-то есть?

- Не знаю, - пожал плечами Владимир Георгиевич. - Самые безумные идеи часто оказывались истинными и совершали перевороты. Можно установить постоянное наблюдение за нашей ублиетткой и проверить, наступит ли тот самый день в году, когда она раскрывается.

- А если этот день наступает не раз в году, а раз в десятилетие? Раз в столетие? Тогда что?

- Ничего. Если его высочеству хочется, пусть следит за ублиетткой сотню лет.

- Ты все-таки презираешь его, и это нехорошо, - вздохнула Катя с укором, уловив ироничную интонацию в произнесении им слов «его высочество».

Дело в том, что князь Жаворонков был невысок ростом, и, может быть, потому ему нравилось, когда его всерьез величают «его высочество». Владимира Георгиевича это неизменно забавляло. Как и вся ситуация: в первый раз Катя вышла замуж по любви, во второй - по расчету и потом своего первого мужа

сделала управляющим всеми делами в государстве своего второго.

- Ты не права, - возразил отец-основатель. - Я чрезвычайно уважаю нашего князя. Прости, если тебе послышалось в моих словах презрение.

- Ладно, высочайше прощаю.

Они взошли на холм, ступили на каменные плиты фундамента.

- Фу ты! - воскликнула княгиня. - ключи-то я дома оставила!

- В Москве? - рассмеялся Ревякин.

- Да нет. Димон, голубчик, сбегай обратно во дворец, принеси ключи. Они у меня в комнате, в ларце над камином.

- Над камином? В ларце? - переспросил телохранитель, немного еще поразмыслил и все же решил сбегать.

- Вот умница, - с облегчением вздохнула Катя. - А мы пока поцелуемся, чтобы согреться. К вечеру, смотри, как холодно стало.

Она подошла к Владимиру Георгиевичу, и они стали целоваться. Этот поцелуй радости отцу-основателю не доставил, поскольку он все время думал о том, что на них сейчас может издалека откуда-нибудь смотреть Марина. Зачем это надо?

- Не любя поцеловал, - оторвавшись от его губ, сказала Катя. - Ну ладно. Может, там лучше поцелуешь. Пошли.

Она стала спускаться вниз по ступеням, ведущим к двери в пещеру. Там, внизу, по углам еще лежали снежные корки. Катя извлекла из-за пазухи кошелек, из кошелька - ключ, вставила его в замочную скважину.

- Обманула бедного Димона, - покачал головой отец-основатель.

- Пусть побегает, погреется, - прокряхтела Катя. - Помоги.

Он взял у нее ключ и сам открыл замок. Дверь пришлось стукнуть ногой, чтобы открылась. Владимир Георгиевич достал из кармана маленький, но мощный японский фонарик, включил его. Они вошли в пещеру, закрыли дверь, и Ревякин повернул ключ в замке с этой стороны.

- Бедный Димон, - снова посочувствовал телохранителю отец-основатель.

- Мало того, что ключа не найдет; прибежит обратно, а тут его кондратий хватит, решит, что нас с тобой похитили.

- Ничего. Этот Димон такая сволочь. Я про него такое тут узнала. Потом расскажу. Здесь не место. Кстати, Лешка прослышал еще, будто в этой пещере то ли при Анне Иоанновне, то ли при другой царице жил отшельник. И якобы когда он помер, то его нигде не могли сыскать. Не исключено, что он, умирая,

туда и нырнул.

Длина пещеры составляла не больше десяти метров, и вот они уже стояли над огромной деревянной крышкой, под которой скрывался зев так называемой ублиеттки - дыры забвения. Средневековые замки непременно имели в своих подземельях подобные отверстия, в которые сбрасывались самые заклятые преступники. Их туда сбрасывали и там забывали. Оттого и название - «ублиеттка», то есть «забвение».

- Сдвигаю? - спросил Владимир Георгиевич.

- Стра-а-ашно, - прошептала Катя. - Сдвигай.

Он сдвинул деревянную крышку, имеющую два метра в диаметре, и гул провалился в таинственное отверстие. В отличие от широкой крышки, отверстие было узкое, всего двадцать девять сантиметров в диаметре, и только очень худой человек мог бы в него провалиться. Но если отшельник вел настоящий отшельнический образ жизни и питался одними кореньями, то вполне.

- А! - крикнул Владимир Георгиевич в черный зев ублиеттки, и голос его канул туда, прокатился эхом. А коли есть эхо, есть и дно. Ничегошеньки она не раскрылась и в этот вечер.

- Махмуд, поджигай, - приказала Катя, и Владимир Георгиевич услышал, что она дрожит.

Он извлек из кармана факелок и зажигалку. Эти французские факелки для подводных целей на воздухе горели ослепительным пламенем и способны были не гаснуть в течение трех минут. Под водой - в течение двадцати. А длиной - всего с карандаш. Отец-настоятель поставил в угол фонарь светом вверх и зажег один факелок. Тотчас, не медля ни секунды, чтобы не обжечься брызгами горящей селитры, швырнул факелок в отверстие. Вместе с Катей, щека к щеке, прильнул к дыре. Яркое пламя на секунду озарило трубу, стало уменьшаться, ударилось о дно, рассыпая брызги, и засияло там, глубоко, на уже измеренной глубине тридцать семь метров.

- Дно, - со вздохом подытожила Катя. - Не раскрылась.

Они сидели на корточках, прижавшись щека к щеке, и словно завороженные глазели туда, вниз, на горящее бело-лиловым светом пламя. Было что-то жуткое и величественное в этой немыслимой глубине. И Владимир Георгиевич промолвил:

- Глубизна! Все же потрясающая глубизна.

- А он не доволен, - печально отозвалась Катя.

- Кто?

- Лешка. Представляешь, в последнее время у него появилась идея фикс, будто в жизни ему достается все, чего ни пожелает. Но не без дна, как эта ублиеттка. Ты знаешь, мне кажется, он и во

мне стал подмечать изъяны. Должно быть, думает: красавица, но могла быть и получше. Умница, но могла быть и поумнее. Жена, но могла быть и понежнее.

- Так вот почему… - начал Владимир Георгиевич, но не нашел слов для определения того, что произошло у них минувшей ночью по пути в княжество.

- Что «так вот почему»? Ах, это… Не знаю. Ты что, обижен? Не надо. Милый мой в лагере. Обними меня. Послушай! Мы ее сейчас откроем.

- Кого?

- Ублиеттку эту глупую. Вот так, смотри.

Катя стала расстегивать пуговицы своей теплой куртки. Он догадался о ее намерениях, сам быстро расстегнул пальто и накрыл им глотку глубокой скважины. Катя легла на пальто, продолжая вся расстегиваться.

- Ты застудишься, - пробормотал Владимир Георгиевич.

- Мы быстро, - трепетным голосом прошептала она в ответ. - Я чувствую, сейчас все быстро получится.

Зазвучали удары в дверь пещеры, глухо донесся голос бедного Димона:

- Ваше сиятель… то есть ваше высочество! Вы там?

- Да там! Там! - крикнула в страшной ярости Катя. - Жди!

Удары в дверь умолкли.

- Иди ко мне, любимый мой! Скорее! - ухнул в уши Владимира Георгиевича страстный голос его бывшей жены. - Представь, что я - ублиеттка.

Все и впрямь на сей раз произошло стремительно. И так, как еще никогда в жизни. Будто факелок вспыхнул и стремглав провалился в бездонную глубизну.

Некоторое время они лежали, вцепившись друг в друга так, будто ничто уже не сможет их расцепить. Потом она робко прошептала:

- Прости, мне дует в поясницу.

Он встал, торопливо застегнулся. Она тоже. Зубы у нее стучали не то от холода, не то от возбуждения. Пальто малость подпровалилось в дыру, словно ублиеттка принялась его всасывать в себя. Отец-основатель спас его, отряхнул, надел.

- Поджигай, - сказала Катя.

Он достал новый факелок, поджег его и, на сей раз чуть-чуть помедлив, бросил. Они снова прильнули щека к щеке над отверстием. Факелок пролетел положенное расстояние, но теперь не ударился о дно, рассыпаясь брызгами, а словно канул во что-то черное, исчез.

- Свершилось, - голосом, полным ужаса, промолвила Катя.

- Что за черт! - пробормотал Владимир Георгиевич в недоумении. - Ну-ка, еще разок!

Он взял еще один горючий карандаш, поджег его и бросил в скважину. Повторилось то, что бывало обычно: факелок ударился о дно, брызнул искрами и остался лежать там и ярко гореть.

- Опять закрылась, - сказала Катя. - Теперь мы знаем, что нужно делать, чтобы ее открывать. Мы нашли ключ к ублиеттке, ты хоть понимаешь это?

- Нет. Надо повторить опыт, - отвечал Владимир Георгиевич, стараясь взять себя в руки.

- Завтра, - улыбнулась Катя, продолжая дрожать.

Владимир Георгиевич встал, распрямился, упершись теменем в потолок пещеры. Расправил плечи, приятно хрустнув лопатками. Катя тем временем ниже склонила лицо к ублиеттке.

- Мы разгадали тебя, ты теперь - наша, - произнесла она.

В следующую секунду откуда-то оттуда, из черной глубизны, поднялся жуткий, утробный, рыдающий стон:

- О-о-о-о-о-о-о-о-о!..

Это не было эхо. Это был чей-то чужой стон. Сама бездна стонала, отвечая на дерзкие слова Кати.

Княгиня Жаворонкова мгновенно вскочила на ноги, впилась ногтями в локоть Владимира Георгиевича.

- Что это было?

- Не знаю… - пробормотал отец-основатель. - Пойдем отсюда, пожалуй…

Он торопливо схватил край деревянной крышки и накрыл стонущую, раздразненную ублиеттку. В спешке чуть не забыл фонарик. Когда подошли к двери, почувствовал, как дрожат пальцы. Еле попал ключом в скважину.

- Ну, слава Богу, - сказал телохранитель Дима, увидев выходящих из пещеры.

- У меня коленки подкашиваются, - прошептала Катя, всем существом своим наваливаясь на локоть отца-основателя. - У нас получилось, влагере! У нас получилось, ты понимаешь это? Мы открыли ее. Она есть. Она наша.

- Да… да… - отвечал Владимир Георгиевич, не зная, что и говорить ей. Теперь он прекрасно осознавал, что факелок был бракованный и, прогорев сколько-то, попросту потух. Но этот стон… Ему он пока не мог подыскать объяснения.

- Милый! - продолжала Катя, и он поневоле оглядывался, не слышит ли телохранитель. Но нет, он шел на достаточном удалении. - Милый! Теперь ты понимаешь, как я люблю тебя? Между нами нерушимые узы. Ты понимаешь? Мы с тобой единое существо, как бы ни бросала нас жизнь. И вот тебе теперь мое

слово. Ты сейчас скажешь Марине, что передумал на ней жениться.

- Да ты что! Опомнись, что ты говоришь!

- Да ведь ты не любишь ее.

- Нет, люблю. И ее, и тебя. Я не могу отказать ей. Ведь ты же не собираешься разводиться со своим Лешкой.

- На Лешке все держится. А что держится на Марине? Я хочу, чтобы ты был только мой. Слышишь? Только мой!

- До чего же ты похожа на своего Лешку.

- В смысле?..

- Тебе всего мало. Надо, чтобы все было без дна. Вот ваш смысл. Тебе мало, что я при тебе и я твой тайный любовник. Надо, чтобы я целиком принадлежал тебе. Вот ваш общий смысл.

- Я сегодня же уеду отсюда ко всем чертям, если ты не скажешь ей, что не женишься.

- Да что за ненасытность такая! Хорошо же, я скажу.

- Скажешь, правда?

- Если ты так просишь об этом…

- Прошу! Умоляю. Не надо тебе на ней жениться.

- Вон, кстати, она стоит и ждет нас. Пора идти на Ярилину горку, вот-вот закат.

- Прямо сейчас и скажи, объяви ей. Прямо сейчас!

- Прямо сейчас?

- Да! Умоляю тебя! Заклинаю тебя!

- Ну что ж…

Владимир Георгиевич набрал полную грудь воздуха и пошел к Марине. Катя осталась стоять и наблюдать за тем, как он сделает свое страшное объявление. Все внутри у Ревякина переворачивалось, корежилось, сгорало. Марина стояла и смотрела на него в напряженном ожидании, словно знала, с какими словами он идет к ней. Он подошел, остановился, глянул в ее милое лицо.

- Марина… Хорошая, добрая моя Марина…

- Отец-основатель! - крикнула Катя.

Он оглянулся.

- Извините, можно вас еще на одну минуточку?

Он тяжко вздохнул, понимая, что она сейчас скажет ему.

- Прости, Марина…

Медленно возвратился к Кате.

- Ну? Что?

- Не надо. Я передумала, - жалобно улыбнулась княгиня Жаворонкова. - Нам ведь и так будет с тобой хорошо. Правда?

Глава восьмая
Черный Дионисий

- Послушай, у вас несчастные случаи на стройке были?
- Нет, пока еще ни одного не было.
- Будут. Пошли.

На закате Василий и отец Василий пили чай у окна, глядели, как садится солнце, и Чижов рассказывал духовному наставнику про житье-бытье, стараясь напирать на такие ударения своей жизни, в коих чувствовал за собой какой-нибудь грех. В этом был уже сложившийся обычай в их общении. Накануне исповеди Василий Васильевич выкладывал священнику все свои грехи в частной беседе, а на исповеди каялся в том, что мало почитает Бога, мало молится и ходит в церковь, после чего отец Василий начинал спрашивать: а каешься ли в том-то и том-то? - помня все, о чем Чижов поведал ему накануне за чаем или за работой.

- Злюсь на нее, бедную, и очень часто, - говорил сейчас Василий Васильевич про свою жену. - А о том, чтобы на себя самого оглянуться, каков, редко поминаю. Вот вы, батюшка, крестили ее православным именем, а я так до сих пор не могу приноровиться звать ее Лизой, по-старому зову - Ладой. И вообще, как бы сказать, робею тянуть ее к православному образу жизни. Постов она не соблюдает, в храм ходит редко, можно сказать, и вовсе не ходит. У нее твердое убеждение, что всему свое время, и коль уж ей хочется быть покуда Элладой, а не Елизаветой, значит, нельзя творить насилие над природой. То, что она мне не изменяет, в этом я убежден, у меня на это чутье. Но развлечениям она отдает должное больше, чем божественному. И при этом на Бога обижается: мол, я крестилась, а Бог мне так и не дает ребеночка. И до сих пор, батюшка, я не могу найти способов, как ей объяснить все. Лень моя дурацкая мешает. Все боюсь еще больше спугнуть ее от Бога, думаю: сама придет к понятиям. И вот стоит мне не ее начать винить, а самого себя, как, вы знаете, отец Василий, она лучше становится. Начинает разговоры правильные вести. И мне стыдно. Понимаю: сам во всем виноват. Женщина ведь существо слабое.

- Все верно, - вздохнул отец Василий и улыбнулся, оглядываясь, не слышит ли матушка. - У меня тот же грех. Ведь в Наталье моей тоже бес с ангелом вечно борются. Помнится, я однажды, лет десять назад, в сердцах сочинил про нее такие

стихи:

У меня Наталия
злая, как ракалия,
вечно недовольная,
хоть и богомольная.

И только во мне сии стишата промелькнули, как она сделалась добрая, ласковая, заботливая, все по дому взялась делать, всему радуется, словно издеваясь над моей поэзией. Я тогда сказал: «Прости, Господи!» - и спешно сочинил другое:

Нет, моя Наталия -
как весной Италия.
Вечно всем довольная,
жена краеугольная.

Так что твои чувства, Вася, всем известны в семейной жизни. Жена - это точильный камень. Ею душа мужчины заостряется. Если точильный камень слишком мягкий - плохо заточится, если слишком твердый - тоже плохо. Нужна некая средняя твердокаменность в жене. Тогда мужчина хороший, как ты, как я. Все же, меж нами говоря, мы с тобой не худшие. Как ты полагаешь?

- Вам, батюшка, виднее, - застенчиво улыбнулся Василий.

- Конечно, особо гордиться нам тоже нечем, - тотчас слегка нахмурился священник, - но и чрезмерное битие себя в грудь бывает губительно для русского человека. Я старый, много повидал таких самопобивателей. Такой что делает? Начнет очертя голову каяться, бичевать себя: я разбойник, я вор, я пьяница, я женолюб, я то, я сё. Кается день, кается другой, а на третий, глядишь, осмотрится по сторонам да рявкнет: «Ах, я и такой и сякой, говорите? Ну так и буду и таким и сяким, коли так!» И пойдет хуже прежнего разбойничать. Вот и Кудеяра мне Господь послал такого. Президента Кеннеди он, видите ли, убил! И вроде бы каялся сегодня не в шутку, а в задней комнате все же бутылка была припрятана. И где он теперь?

- Исчез, - вздохнул Чижов, сокрушаясь о своем сегодняшнем двуногом транспорте.

После признания в причастности к убийству американского президента Полупятов покинул церковь и, по сведению старушки Прасковьи, отправился семимильными шагами либо в Погорелки, либо в «Девчата».

- Ну и что он теперь, по-твоему, делает?

- Пьет, должно быть. Что ж еще?

- Конечно, пьет, - кивнул батюшка. - И пьет, и греховодит как-нибудь. Мне деревенские из Погорелок грозились уже, что башку ему проломят. Да еще наверняка оправдывает себя: «Ах, я плохой? Ну так буду еще хуже!» Завтра в полдень явится весь посиневший. На похмелку клянчить будет. Нет, не видать мне света с этим Кудеяром. А если и видать, то не скоро. И не мне.

- Я, батюшка, тоже в промежутке между Рождеством и заговеньем пил много, - вздохнул Чижов.

- Ну, в этом ты мне уж в прошлый раз каялся, - осадил его отец Василий. - Да и тебе за всю жизнь не видать такого пьянства, какого он за одну только сегодняшнюю ночь напьет.

- Где ж он денег возьмет? - удивился Чижов.

- Да наобещает чего-нибудь, возьмет авансом и надерется. Его побаиваются, не отказывают в авансах: уголовник. Правда, не стану грешить на него, все, что наобещает, потом, по трезвой, сделает. На это не жалуются. Душа-то у него есть.

- Иначе б он и не приехал к вам жить, - пожал плечами Чижов.

- Сердцем чую, он хороший парень, - вздохнул священник. - И его действительно привело некое Божье наущение. Но бес не хочет с ним расставаться. Вот и мука бедному. Жаль его. Надо бороться за бедолагу. Я в него верю.

- Вы ж только что говорили, батюшка, что не видать вам с ним света, - улыбнулся Василий Васильевич.

- Ой… - еще тяжелее вздохнул отец Василий и вместо ответа заговорил о другом: - А вот в Москве есть один священник. Он сейчас большой популярностью пользуется, особенно среди молодежи. Вот это пятно так пятно! Происхождением он из «золотой» молодежи, папаша его высокие чины имел при советской власти, а сын с юности бражничать взялся. И однажды в пьяном мареве сбросил с балкона свою любовницу - за то, что она ему изменила. Та - насмерть. Суд, его - в тюрьму. Папаша и так, и сяк - не получается его из неволи выцарапать. Тут пришел Ельцин, новая власть, мутная водица. Этот молодчик вдруг стал твердить, что ему является Богородица, что он раскаивается и после тюрьмы пойдет по христианскому пути. А до этого все пытался доказать, что не вполне в своем уме. Теперь его выпускают, радуются на него, в пример преступникам ставят, и вот гляньте-ка: уже второй год, как сей субъект хиротонисан и служит священником в храме на Новозаветной улице. Маленькая там церковка. И вот он уже властитель умов. До чего доходит! Придет, скажем, к нему девица, вся расфуфыренная, на голове помпон, и - на колени перед ним, ручки вот так, по-католически, сложит: «Хочу креститься у вас, отец Виталий!» Он посмотрит на

нее этак и говорит: «Встань, дочь моя, ты уже крещена Господом, ибо много пострадала!» И велит выписать ей удостоверение, что такая-то и такая-то приняла таинство святого крещения.

- Ничего себе! - возмутился Василий Васильевич. - Первый раз про такое слышу.

- Да, - кивнул священник. - А старушка подойдет к нему с вопросом: когда, мол, батюшка, будете воду освящать? А он ей: «Как только, так сразу». Старух очень не любит, клеймит их беспощадно. Старухи, конечно, не подарок нам, священникам. Бестолковые они в основном. Но нельзя ж им предпочитать тех, с помпонами. Старуха, может быть, греха порой за собой не чует и на исповеди талдычит: «Безгрешная я, батюшка, никому зла не желала и не делала». Ругаешь их, бывает. Но все же пользу они стараются приносить, помогают - помыть, постирать, то, сё, другое, третье. А кто храмы моет? Они, старухи, прихожанки. С помпонами храмы не моют.

- Неужто терпят такого Виталия отцы Церкви?

- Поговаривают, что хотят его лишить сана. А что толку? Вон бесоподобного Глеба Якунина лишили сана, а он пуще прежнего не унимается. Так и этот. Ему только в радость будет, чтоб его выгнали из нашей Православной Церкви. Он тогда с чистой совестью, точнее, с грязной, свою собственную церковь обоснует. Да, говорят, обосновал уже какое-то братство Сердца Христова. И сколько еще таких объявится на Руси в обозримом будущем? Легион. Не хорошо и поминать про них в канун такого праздника, да еще в Страстную пятницу, когда лукавый так и шастает поблизости. Давай, Вася, еще чайку взогреем. Погас закат, и чай остыл. Можно стишок такими словами начать.

- Пишете стихи, батюшка? Признайтесь. Ну, кроме тех, что про матушку Наталью.

- Нет, кроме тех, не пишу. Шуточно только, понарошку. А если всерьез, то это пусть иеромонах Роман. Его хватает на всех нас. Пойдем-ка, Вася, пока чай закипает, коз поглядим, не балует ли там Робинзоша.

Робинзошей отец Василий называл своего нового козлика, подаренного ему зимой в пятницу. Он сперва и назвал его Пятницей, а потом разглядел, что это не коза, а козел, и переименовал в Робинзона. Красивый был козлик, серебристо-серенький, с ярко-белой звездочкой во лбу.

Приведя Василия в хлев, отец Василий тотчас кинулся ласкать своего любимца, чесать ему лобовую звездочку. Но тот в ответ на ласку пытался как-нибудь боднуть руку священника.

- Робинзо-он! Робинзоша! - укорял его батюшка. - Непочтительный ты козел! Непочтительный! Вся ваша козлиная

порода непочтительная. Роза-мороза! - окликнул он самую пожилую козу. - Ишь, как дерзко смотрит! Сколько я от нее бед пережил, сколько побегов она мне в свой провиант истребила! Я так думаю, Вася: если Бог создал всех земных тварей, то коз и козлищ дьявол сотворил. Шучу, Робинзон, шучу! И вы, и вы Божьи твари, хоть и все до единого - революционеры.

Все обитающее в батюшкином хлеву козье стадо принялось не на шутку, революционно, блеять. Чижов в очередной раз подумал о том, до чего же ему здесь хорошо. Но тотчас вспомнил еще несколько своих грехов, про которые не успел рассказать отцу Василию.

- Я все мечтаю в Италию съездить, - почему-то сказал священник. - В Бари, к мощам святителя Николая Мирликийского. Однажды побывал там, и теперь снова тянет туда. И в Иерусалим, конечно. Ну, пойдем, Вася, чайник наш, должно быть, уже вскипел.

Возвратившись в дом, застали там ожившую Наталью Константиновну. Она уже сняла вскипевший чайник, сидела за столом, прихлебывала из огромной чашки.

- Кажется, получше мне, - сказала, улыбаясь. - Садитесь, попейте еще разок, да и спать пора бы. Перед завтрашней всенощной много спать надо.

- Наговориться никогда не успеваем, матушка, вот что, - возразил отец Василий. - Ты-то, когда сестра приезжает, днями с ней не можешь набеседоваться.

- А мужчины должны быть молчаливые, - в свою очередь возразила матушка Наталья. - Отец Василий! Рясу-то опять чем-то угваздал. Как маленький ребенок, ей-Богу! Я, Вася, только вам и могу на отца Василия пожаловаться, потому что вы нам как бы свой. Сыновьям на него нельзя жаловаться, сыновья должны его почитать, а больше некому. Хоть вы послушайте, какой отец Василий плохой. Нисколько не бережет одеяния, вечно испачкается в чем-то. Оно, конечно, не городские условия, но, говорят, в Германии везде, даже в самой захудалой деревеньке, чистота соблюдается.

- Ну что ж мы, Наташ, о Германии сейчас говорить будем? - жалобно взмолился отец. - Иной раз ты себя проявляешь как умная женщина, а иной раз

- прямо как перпендикулярное кино!

- Только оскорбления и услышишь от тебя, - тихо проскулила Наталья Константиновна.

- Ух! - уже ласковым гневом пыхнул отец Василий и топнул под столом ногою. - А что, Василий Васильевич, не надумали ли вы еще совершить обряд венчания? Ведь сколько лет испытуете

терпение божие!

- Надо было с женой приехать да после Пасхи и обвенчаться у нас, - проворчала разобиженная матушка.

- Занята раба Божия Елизавета, работает завтра, - вздохнул Василий Васильевич.

- В воскресенье бы приехала.

- Боится одна ехать. Времена неспокойные.

- Времена плохие, - согласился священник. - Но вот сколько я здесь живу и сколько народу ко мне переездило, а ни с кем ничего плохого в дороге не случилось.

- Не хвастайся, отче, - осадила мужа Наталья Константиновна. - Такой хвастун стал, не приведи Бог. Нахвастаешь беды! В Библии - может быть, вы, Вася, не читали про это - сказано, что была такая Ниобея, которая все хвасталась, что у нее десять сыновей, а у Бога Отца только один Сын. И Бог Отец покарал ее за хвастовство. Огненным огнем всех ее сыновей спалил до смерти.

- Наталия! - прорыдал отец Василий, заливаясь багряной краской. - Ну какая Ниобея в Библии! Где ты такую Библию видела?

- А разве не в Библии? - искренне удивилась матушка.

- Да нет же! Ты свои рассказы мне рассказывай, когда никого нет в гостях. А то я когда-нибудь помру от стыда.

- Что он меня корит, Васенька? - воззвала к Чижову пристыженная Наталья Константиновна. - Скажи, разве нет в Библии про Ниобею?

- Нету, матушка, - улыбнулся Чижов как можно ласковее. - Это из древнегреческой мифологии сюжет.

- А как же Гамлет сказал: «Шла в слезах, как Ниобея»? - задала совсем уж сложный вопрос матушка.

Во дворе громко залаяли Остап Бендер и Муха. Кобелек отца Василия носил такую кличку за свою жуликоватость, а псица звалась Мухой за свою смоляную черноту.

- Приехал, кажись, кто-то, - пробормотал отец Василий, уходя от гамлетовского вопроса своей супруги.

- Хорошо бы! - встрепенулась Наталья Константиновна. - До чего ж тоскливо в меньшинстве встречать Пасху!

- Сыновья - никто не обещался? - спросил Чижов.

- Если только Федор, да и то вряд ли, - пожал плечами батюшка. Из трех его сыновей Петр и Павел стали священниками и Пасху, конечно же, будут встречать в своих приходах, а Федор был, что называется, не в династию, электросварщик, и он-то чаще других сыновей наведывался в Радоницы.

- Так что же Гамлет? - снова спросила матушка, но веселый

стук в дверь и на сей раз отвлек Василия и отца Василия от ответа.

- Обязательно спроси кто, - бросил вслед Василию священник.

- Кто там? - спросил Чижов, подойдя к двери.

- К наступающему праздничку отцу Василию бак меда привезли, - прозвучал хороший голос из-за двери.

Чижов отодвинул засов и радостно вышел навстречу гостям. Словно во сне, перед ним вырос в темноте Ельцин. В следующий миг громко пшикнуло, и Чижов вскрикнул от резкой боли, гвоздями проткнувшей оба глаза, схватился за лицо, но его тотчас уловили под локти, заломили руки за спину, втолкнули в избу, и сквозь слезоточивую боль духовный сын отца Василия не сразу ощутил на горле лезвие ножа.

- Сидеть и не двигаться! - кричал кто-то. - Не то перережу! Кто еще есть в доме?

- Никого, - послышался ответ отца Василия.

Чижов все никак не мог пересилить нестерпимую боль в глазах, слезы полноводно струились по щекам. Вот и довелось ему испытать действие газового баллончика, дожил. Пользуясь его беспомощностью, враги скрутили у него за спиной руки толстой податливой проволокой, бросили на диван ничком, схватили за ноги и ноги тоже опутали проволокой. Отпущенный после этого Чижов перевернулся на бок и попробовал сморгнуть боль с глаз. Кажется, уже не так нестерпимо жгло, но слезы продолжали течь в три ручья, а заодно и из носа, что особенно неприятно. По избе звучали торопливые шаги.

- Да кого вы ищете-то? - прозвучал голос батюшки.

- Так, святой отец, - раздался ответ, - давай по-хорошему. Ты отдаешь нам черного Дионисия, и мы сразу отваливаем.

- Какого черного Дионисия?

- Понятно. Ваньку будешь валять.

Чижов услышал костяной удар, затем возмущенные голоса отца Василия и Натальи Константиновны:

- Да за что же вы бьете-то меня?

- Ой! Да что ж вы бьете-то его, объясните яснее!

- Так, ты, бабка, ложись на кровать.

- Зачем?

- Да не бойся, не будем насиловать. Свяжем только по рукам и ногам, да и все, чтоб не рыпалась. Свяжи ее, Билли.

Наконец сквозь струи слез Чижову удалось начать что-то видеть. Но пока еще очень неявно, расплывчато. Тот, которого назвали Билли, спутывал проволокой руки и ноги Натальи Константиновны. Другой продолжал допрос:

- Ты, бабуля, знаешь про черного Дионисия?

- Да и я не знаю, миленькие! - слезливо отвечала та. - Что хоть это такое?

- Да икона, икона! Черный Дионисий называется. Где она у вас?

- Батюшки, не знаю никакого черного Дионисия.

- А ты, поп?

- И я не знаю такого, черного, - пробормотал отец Василий, стараясь припомнить.

- А сейчас? - спросил верзила с лицом Ельцина и ударил отца Василия рукояткой пистолета по лысоватой голове.

- Да хоть убейте! - отвечал священник, прокряхтев от боли.

Чижов еще раз усиленно сморгнул слезы и, выпучивая глаза, постарался оглядеть картину творящегося беззакония. Теперь только ему стало ясно, почему Ельцин и почему Билли. Один из негодяев имел на лице резиновую маску, отражающую образ всенародно избранного президента России, другой - такую же маску Клинтона. Вот какие высокопоставленные гости заявились в столь поздний час к отцу Василию Перепелкину, митрофорному протоиерею, настоятелю храма Преображения Господня в селе Радоницы: сам Борис Николаевич со своим другом, президентом США. Правда, если Ельцин соответствовал своему высокому росту, Клинтон был помельче, нежели как его показывают по телевизору. Оба были в перчатках. У Ельцина в руке пистолет, у Клинтона - нож.

Отец Василий смиренно сидел за столом. Со лба его из двух ранок стекали две тонкие струйки крови.

Слезы снова заслонили картину происходящего.

- Вы хоть поточнее объясните, какого черного Дионисия просите, - произнес Чижов и сам не узнал своего голоса. К величайшему его огорчению, голос звучал трусовато.

- Просят в райсобесе, понятно? - отозвался «Клинтон», являя удивительные познания бытовой русской жизни.

- Это что за фрайер? - кивнул «Ельцин» на Василия Васильевича.

- Сын мой, - отвечал отец Василий.

- А, ну коли сын, то не должен от папки отставать. - «Ельцин» приблизился к Чижову и дважды подряд ударил его рукояткой пистолета по голове.

В сравнении с тем, что Василий Васильевич испытал от слезоточивого газа, эта боль была вполне терпимой и даже лестной - он пострадал наравне с отцом Василием.

- Ну его-то за что, кудеяры вы эдакие? - простонал священник.

- А чтоб не чтокал, - отвечал остроумный «Клинтон».

Тем временем «Ельцин» вновь воздвигся над отцом Василием,

занес над ним руку с пистолетом:

- В третий раз спрашиваю: где черный Дионисий?

- Бог ты мой… - почесал бороду батюшка. - Уж не ту ли вы маленькую иконку имеете в виду, что мне привез… В общем, один благодетель. Ее? Как раз маленькая и черненькая такая.

- Молодец, поп, вспомнил, - похвалил «Ельцин», опуская руку. - Которую тебе Лоханов подарил.

- Точно, Лоханов! - обрадовался отец Василий. - Так вам она нужна?

- Давай ее сюда, - приказал «Клинтон».

- Дак сейчас подам, Господи! А я-то, дурак, думаю: какой такой черный Дионисий? Божья Матерь с Младенцем… Да написаны как-то необычно… Глаза какие-то у них… Я ее, грешным делом, в шкаф припрятал. Господи, где же она?

Он рылся в шкафу, спешил, боясь, что разбойники опять станут бить его или Чижова.

- Дионисий… Он говорил, что не Дионисий, а из круга Дионисия. Вот теперь я вспомнил. Какой-то ученик Дионисия, Никифор Конец. Вот кто автор-то иконы. А вы спрашиваете черного Дионисия, мне и непонятно. Зря только башки нам расшибли с сыном.

- Считайте, что за веру пострадали, - сказал «Ельцин».

- Можно сказать, в борьбе с иконоборцами, - засмеялся отец Василий, будто негодяи вдруг по волшебной палочке превратились в добрых прихожан.

- Молодец, попяра, бодрости духа не теряешь, - похвалил «Ельцин». - Может, когда и приду к тебе каяться. Нравишься.

- Вот он, ваш псевдо-Дионисий, - с удовлетворением обнаружил икону отец Василий, вытащил ее из шкафа, распеленал - она была завернута в полотенце.

Еще раз сморгнув слезы, которые все еще текли, Чижов увидел в руках батюшки небольшую и действительно черную иконку.

- Что это - «псевдо»? Ненастоящая, что ли? - грозно прогудел из-под своей резиновой личины «Клинтон».

- Опять же поясняю, что это не сам Дионисий писал, а один из его многочисленных учеников, - терпеливо отвечал отец Василий. - Видите, какое особенное письмо. Сразу видно - не Дионисий. Берите, коли пришли за ней. Видать, ценная. А так-то я стремлюсь у себя ценных икон не держать, чтобы не вводить в соблазн слабых мира сего, таких, как вы.

- Кончай агитацию, опиум, - усмехнулся из-под своей маски «Ельцин». Он взял из рук священника икону, разглядел ее как следует и засунул во внутренний карман куртки. - Ну все, теперь

спасибочки. Давай, друг Билл, вяжи попа. К стулу его. Руки к подлокотникам, ноги к ножкам. К вам еще кто-нибудь должен приехать?

- Завтра должны, - наконец-то подала голос Наталья Константиновна. - Что ж вы, так нас и оставите связанными?

- так и оставим, - отвечал «Ельцин». - Раз завтра кто-то приедет, спасут вас. Удобно, святой отец?

- Удобно, сынок, не волнуйся, иди с Богом, - отвечал отец Василий.

- Погоди, надо еще твою бабу и сына к кроватям привязать, а не то они так, спутанные, выбраться могут.

«Клинтон» привязал к кроватям сначала Чижова, потом Наталью Константиновну.

- А если мне с сердцем плохо станет или отцу Василию? - спросила простодушная матушка.

- Ну, тогда исповедуйтесь друг другу и - в рай, - засмеялся «Ельцин».

- Нам же надо подальше отъехать отсюда, а то ж вы сейчас своего молодого в ближайший пункт, где есть телефон, отправите.

- Логично, - сказал Василий Васильевич. Глядя на спокойствие отца Василия, он тоже стал чувствовать, что ничего на свете не боится. Никаких издевательств, зверств, пыток.

- Какие-нибудь еще пожелания есть? - спросил «Ельцин».

- Воды дайте напиться, а то ж до утра теперь не пить, - сказал отец Василий.

- Билл, дай им попить, - повелел «Ельцин». Давно уж было ясно, что он в этой банде из двух человек главный, а не так, как у настоящих Клинтона и Ельцина.

Резиновый президент Америки обошел всех троих связанных с матушкиной огромной чашкой, напоил.

- Вот еще, - сказал отец Василий, напившись. - Скучно нам будет. Не в службу, а в дружбу: включите магнитофон. Вон он там, на подоконнике.

- Магнитофон! - фыркнул «Клинтон». - Магнитофон мы и сами прихватить с собой можем.

Чижов давно заметил, что тот шарит взглядом по избе, явно не желая ограничиваться одним лишь так называемым «черным Дионисием».

- Я те прихвачу, американская морда! - осадил его наш всенародный.

- Да ладно тебе! - возмутился неудовлетворенный Билл. - Тут еще столько барахла натырить можно. Что мы, одну только эту копченую деревяшку?

- Дурень ты, Билли! Одна эта копченая деревяшка стоит в сто раз дороже, чем мы с тобой оба, вместе взятые. Иди включи людям магнитофон. Там с реверсом, батя?

- С реверсом, с реверсом, не беспокойтесь, всю ночь играть будет, только не громко сделайте, - сказал отец Василий.

Клинтон включил магнитофон, из которого тихо потекла музыка «Мечты» из «Детского альбома» Шумана.

- Похоронное что-то, - сказал «Клинтон».

- Шуман, - сказал «Ельцин». - Не знал, что попы классической музыкой увлекаются. А джаз есть?

- Нету, - ответил отец Василий. - Идите с Богом, кудеяры, а не то еще кто-нибудь заявится. Зачем вам и нам лишние переживания? Свет только включите маленький, а большой выключите.

«Ельцин» сам исполнил просьбу, погасил люстру, зажег настольную лампу. Еще свеча на столе горела в маленьком подсвечнике.

- А мне валидолину под язык подложите, если можно, - попросила Наталья Константиновна.

Они и это выполнили. Наконец собрались уходить.

- Там подсвечники еще золотые есть, - прогудел «Клинтон».

- Да не золотые они, родимец! - воскликнул батюшка.

- Понял? - цокнул языком «Ельцин». - Пошли, Билли.

- И последнее, - окликнул их отец Василий.

- Чего еще? - спросил недовольный «Клинтон».

- Как молиться-то за вас? Имена назовите свои, - попросил священник, и у Чижова мурашки по спине пробежали.

- Его - Билл, меня - Боря, - гоготнул «Ельцин».

- А под масками? - серьезно спросил отец Василий.

- Апостол Петр и апостол Павел, - поставил окончательную точку в душеспасительной беседе «Ельцин».

- Эх, дураки, дураки, - вздохнул отец Василий, когда за окнами послышалось хлопанье автомобильных дверец, зажужжал мотор. - Как не боятся душу свою этак губить! Безмозглые! Жалко их.

- Себя пожалей, - тихо, посасывая валидол, заметила матушка.

- Нет, их жалко, кудеяров, - продолжал батюшка. - Может быть, не безнадежные еще. Вот ведь просьбы мои исполняли… А постепенно один страшный грех за другим засосут их.

- Жалей, жалей их, - продолжала тихо ворчать Наталья Константиновна. - Лоб тебе вона как раскровянили. И вот я еще что замечаю: собаки поначалу очень лаяли, а потом умолкли, и теперь не слыхать. Не иначе как они потравили их, изверги.

Некоторое время в избе слышались только «Мечты» Шумана. Когда Чижов в прошлом году точно так же приезжал на Пасху, он привез отцу Василию в подарок магнитофон и множество записей. Батюшке нравилась красивая классическая музыка. И марши он тоже уважал. На играющей теперь кассете было разнотравье из самых известных и любимых мелодий. Шумана сменила «Павана по усопшей инфанте» Равеля, и отец Василий мрачно пошутил:

- И впрямь молчат собачки. Видать, усопли инфанты наши. Остапа Бендера мне особенно жаль будет, умный был пес.

- А мне Муху, - вздохнула Наталья Константиновна и заплакала.

- О чем? - повернул к ней голову батюшка. - О собаках? Эй!

- Да не о собаках, а как они вас били, окаянные! - плакала матушка. Сейчас ей можно было все простить, все выходки ее строптивого и вздорного нрава.

- Не убили же! Не плачь, Наташенька, не плачь, любезная, - стал утешать ее священник. - Собачек жалко. Новых заведем. Башки наши заживут, лучше прежнего засияют. Себя-то не накручивай, а то и впрямь плохо с сердцем сделается.

- И… икону тоже жал… жалко, - всхлипывала матушка.

- О-о-о! Икону тоже не жалей, - отвечал отец Василий. - Мне она не по душе была, эта икона. И впрямь черное что-то в ней, не светлое. Я ее поначалу в храме пристроил, из уважения к Андрею Андреевичу, все-таки подарок ценный, так она, слышишь, Вася?..

- Слышу, батюшка.

- Она упала, да еще две иконки свалила и свечку сбила. Я тогда в избе ее пристроил. Она и в избе упала ни с того ни с сего. Читал я, что Дионисий одно время поддался речам еретиков и что-то там не то стал делать. А вместе с ним и ученики его. Покуда их Иосиф Волоцкий уму-разуму не научил, не возвратил к канонам. Видать, ученик Дионисия, тот Никифор Конец, в период еретических заблуждений и написал сию иконку. Из нее что-то нехорошее проистекает. Прости, Господи, ежели я не прав!

- Должно быть, правы, батюшка, - отозвался Чижов. - По всему судя, именно этого еретического периода иконы особенную ценность у торговцев представляют. Да и вообще, пятнадцатый-шестнадцатый век! За такую икону и впрямь Клинтон и Ельцин наши большой куш отхватят, если смогут сбыть. А то ведь, не ровен час, их убьют за черного Дионисия.

- И убьют, дураков, - согласился отец Василий. - Я и говорю, жалко кудеяров глупых.

- Вася, большое тебе спасибо за музыку, - вдруг весело сказала Наталья Константиновна. - Мне вот эта особенно

нравится. - «Павану» сменил «Лунный свет» Дебюсси. - Я под нее всегда хорошо засыпаю. А еще под «Лунную сонату» Бетховена.

- Я потому и попросил включить магнитофон, - сказал отец Василий, - что нам теперь, в нашем положении, лучше всего заснуть.

- Послушай, отец Василий, - спустя какое-то время, когда Дебюсси сменил «Лебедь» Сен-Санса, сказала Наталья Константиновна голосом человека, совершившего важное открытие. - А ведь это он их навел.

- Кто, Наташа? - спросил отец Василий, тоном показывая, что он уже начинал засыпать.

- Да кто еще! Наш кудеяр, как ты выражаешься, Полупятов.

- Да ну, что ты! Какие у тебя основания?

- А такие. Он нарочно сбежал под вечер. Это раз. Он знал, что, кроме Васи, сейчас у нас никого народу нет. Это два. И потом, помнишь, как этот, в маске Ельцина, сказал тебе: «батя»? Точно так же и уголовник наш выражается. Это три. Да и вообще, я всегда подозревала, что он неспроста к нам приехал. Гада на груди пригрели. Попомните мои слова.

- Окстись, Наташенька, а если он ни в чем не виноват? Нельзя заранее возводить напраслину.

- Вот если не виноват, я при всех покаюсь, и перед тобой, и перед ним.

- Утро вечера мудренее. Лучше постарайся сейчас уснуть.

- Да уж я стала засыпать, а меня осенило. Я аж подпрыгнула.

- Плохо, знать, они тебя привязали, коли ты еще и прыгать способна, - засмеялся отец Василий. - А я бы сейчас рюмку водки или коньяку с наслаждением выпил. Никак ты там не в силах отвязаться, Натальюшка?

- Вместо коньяка ты бы лучше помолился Анастасии-узорешительнице. Может быть, она отвяжет кого-нибудь из нас.

Молча слушали «Лебедя», потом «Лунную сонату», потом «Мечты о любви» Листа, арию из третьей оркестровой сонаты Баха. Вроде бы после того, как все переживания отхлынули, и хотелось спать, а не спалось. Часы показывали всего лишь без десяти десять. После ухода «Клинтона» и «Ельцина» прошло каких-нибудь полчаса. Впереди была целая долгая ночь.

- А мне кажется, что убийца Кеннеди тут все же ни при чем, - сказал Чижов.

- Нет, на такое гадство он не способен, - кивнул отец Василий. - Шалопай он отъявленный, но не мерзавец. О, мне вот эта мелодия больше всего нравится. Это Григ, да, Вася?

- «Утро» из сюиты «Пер Гюнт», - сказал Чижов.

- Пробуждается, пробуждается все, - улыбался, слушая

музыку, отец Василий. Теперь, когда глаза Чижова перестали слезоточить, потекла жидкость из глаз его духовника.

- Каково мы в нынешнем году Пасху встречаем, а, батюшка! - как можно веселее произнес Василий Васильевич.

- Да-а-а! - шмыгнул носом священник. - Ничто не случайно в этом мире. Ведь в самую Страстную пятницу…

- А вот я недавно обнаружил такое, - продолжал Чижов. - В какой день полетел Гагарин? Двенадцатого апреля. В день Иоанна Лествичника, который написал «Лествицу», а лествица - в небо.

- Совпадение, но не случайное, - промолвила матушка.

- Таких совпадений много, - сказал отец Василий. - И все же какие хорошие оказались Клинтон и Ельцин. Ну побили, ну черного Дионисия забрали, ну связали, ну даже если собачек потравили. А ведь могли бы и дом поджечь, чтобы совсем без свидетелей. Ан нет, пожалели нас. Я на них, пожалуй, даже в милицию заявлять не стану.

- Еще чего! Не станет он! Нет уж, если икона ценная, ее надо вернуть!

- сменив доброе свое начало на вздорное, проскрипела Наталья Константиновна. - И икону вернуть, и гадов этих в тюрьму упечь.

- Ну вот, опять ты, Наташа, - проворчал отец Василий. - Вот лишь бы поспорить со мною! Вот натура хохляцкая!

- А вы, Наталья Константиновна, разве хохлушка? - с улыбкой спросил Чижов.

- Родители мои украинцы, - ответила матушка. - Но я сама себя считаю русской, потому что у меня муж русский. А икону все равно надо вернуть. Мы ее лучше продадим, а деньги… Ой, что это? Гляньте-ка на свечу!

Свеча на столе и впрямь вдруг повела себя очень неприлично. Ни с того ни с сего она стала клониться, гнуться, неся огонек свой прямо в сторону лежащей поверх конфетницы газеты.

- Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас! - зашептал отец Василий, пытаясь подскакать на стуле к пожароопасному концу стола, но он только шатнул стол, свеча дрогнула, коснулась огоньком угла газеты, и газета занялась, будто только того и ждала.

- Вот вам и не подожгли! - плаксиво промолвила матушка. - Зубами скатерть сорви, отец Василий!

Этот совет оказался губительным. Так бы, глядишь, газета сгорела бы и ничего больше не подожгла. Но когда отец Василий, изогнувшись, достал зубами до края стола и сдернул скатерть, конфетница рухнула на пол, а газета, совершив совсем уж какой-то дерзкий прыжок, ринулась прямо под тюлевую занавеску.

Пыхнули искры, огонь весело и резво побежал вверх по легкому старому тюлю.

- Ну, теперь уж точно пропали, - молвил отец Василий. - Можно начинать друг пред другом исповедоваться. Рано радовались, что все так хорошо кончилось!

Глава девятая
Белокуров погулял

- А это? Элементы сладкой жизни? И вы знаете, я не удивлюсь, если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает любовницу.

- Что-о-о?!!

- Вот тут у нас героический шрамик, мы о нем уже наслышаны, он нас так украшает, такой ровненький, мужественный, - говорила Элла, легонько прикасаясь кончиками пальцев к его щеке, где пролегал изящный шрам - след от осколка стены во время расстрела «Белого дома».

Белокуров только что проснулся и не знал, который час и сколько он проспал в объятиях «гидры». Сознание тотчас высветило подробности провалившегося дня: утренний мухмурлук, «я у тебя тяжелый…», «сегодня вечером прошу не задерживаться…», главный бестиарий, балаганная лекция о крестовых походах, радуга-гидра, магазинчик деликатесов, бесплодные поиски Василия, любовное грехопадение, любовный переплет…

- О-о-о!

- Вот мы уже стонем, нам, наверное, плоховато после столько выпитого.

- Квасу хочу, ледяного.

- Понятное дело, квасной патриотизм клокочет. Сейчас принесу.

- Неужели есть?

- А как же!

- Ты - лучшая в мире гидра.

- Только потому, что у меня есть ледяной квас?

- Довольно рассуждений. Квасу!

- И зрелищ? Иду.

Он полюбовался ею, как она выбралась из постели, надела халат, схватила со стола пару грязных тарелок и устремилась на кухню. Он, оставшись один, устремился к будильнику. Часы показывали без пяти десять. Поздно, конечно, но не очень. Можно успеть спасти Прокофьича.

- О Боже! - простонал опять Борис Игоревич, сидя в чужой супружеской постели, зябко кутаясь в одеяло. Его слегка колотило.

…любовный переплет, потом какое-то сумасшедше

счастливое сидение за столом, поедание деликатесов, питие шампанского и можжевеловой, щупальца осьминогов оказались невкусными, зато все остальное - отменное, и шампанское не ахти, а можжевеловая превосходная, а потом - опять вихрь, крушение, провал в небытие, тьму, сон без видений, подобный смерти, но вот теперь - опять надо было жить.

В комнате царил полумрак. Лампа, чтобы меньше светила, была поставлена на пол под стол.

Неужели все это и впрямь произошло? Белокуров затосковал. Он хотел бы долго, очень долго ухаживать за Эллой, встречаться с ней, чувствовать себя влюбленным, но не падать с нею в бездну. Со временем влюбленность прошла бы. Наверное, прошла бы. Но теперь поздно было рассуждать, прошла б или не прошла. Все уже свершилось, плотина рухнула, наводнение затопило город. Что же теперь будет?

- Пост коитус бестиа тристит, - пробормотал главный бестиарий, глядя на черную ночь в просвете между шторами.

- Слышу-слышу про бестию, которая тоскует, - зазвучал смеющийся голос «гидры».

- Не тоскует, а тристит, - сказал Белокуров, делая на сей раз ударение на последнем слоге, превращая латинское слово в русское. - О, квас! Славу пою я тому, кто тебя изготовил. Пенный напиток волшебный, волшебной рукой сотворенный.

Квас и впрямь был дивный, ледяной, колючий, кисло-сладкий. Белокуров нарочно пил так, чтобы несколько ледяных капель упало ему на грудь. Тоска немного затихла. Элла включила магнитофон, из которого потекли «Мечты о любви» Листа, с точно такой же кассеты, какую Чижов подарил отцу Василию. Элла подошла к Белокурову, села перед ним на корточки, положила голову к нему на колени.

- Мне так хорошо с тобой.

Он даже не понял, кто это сказал - он или она.

Некоторое время они молча слушали музыку. Он не знал, что творится у нее в душе. В своей душе он чувствовал чудовищное смешение всего и помногу

- тоски, счастья, любви, страдания, страха, наслаждения, боли, ужаса, восторга, стыда, бесстыдства, раскаяния, нежности, радости, радуги…

Он гладил ее волосы и что-то шептал о любви. Она медленно поднимала на него глаза, полные неги и любовного обморока, и он понимал, что останется у нее до самого утра. Но понимал также, что этого нельзя допустить.

- Ты останешься? - спросила она тихо, робко.

- Ты не сможешь завтра работать со своими иностранками.

- Я все наврала про них, у меня завтра - полностью свободный день, и мы можем весь день быть вместе.

- Лучше я приеду к тебе завтра днем, - сказал он, чувствуя себя предателем здесь, но хоть немного не предателем там - дома.

Она сразу отпрянула.

- Так ты не останешься?

- Нет, радужка, не сердись! Моему отчиму трудно вдвоем с сыном, он просил сегодня не задерживаться, у него сердце шалит.

- Зачем ты так сказал?

- Как?

- Зачем назвал меня радужкой? Лучше бы гидрой. Или Эллой, мне было бы легче не думать о тебе. Теперь буду думать. Да еще таким нежным голосом. Скажи мне что-нибудь грубое.

- Квас был превосходный.

- Еще грубее.

- Мне пора. Какое-то предчувствие гложет. Мерещится, что Прокофьич умер, а Сережка тормошит его, недоумевает, плачет.

- Позвони своему Прокофьичу. В двадцатом веке принято пользоваться телефоном. Если хочешь, я могу уйти на кухню и не слушать, что ты будешь ему врать.

- Нет, лучше я поеду.

- Поцелуй меня.

- Нет. Мне труднее будет уехать. Пойми же! Я сам не хочу расставаться с тобой. О, если бы я был один, совсем один на белом свете! Мне бы не помешало, что твой Василий такой хороший человек, я бы отбил тебя у него.

- Что ты говоришь, опомнись! Разве хорошие люди бывали когда-нибудь препятствиями для любви?

- Но их вокруг нас слишком много - Василий, мой сын, Прокофьич… И моя жена, хоть она и не захотела оставаться Белокуровой. Она все-таки хорошая. Мы не можем топтать стольких людей даже ради любви.

- О-о-ох! - Она рухнула в кровать, уползла под одеяло, скрылась, как жук в песке.

Он воспользовался мгновением своей решимости, встал, принялся быстро одеваться. Трусы, носки, брюки, рубашка… Уже хорошо! Она высунула жалобную голову.

- Уходит! Посмотрите на него! Он уходит.

- Я вернусь завтра утром, - пробормотал он, очень не уверенный в том, что действительно вернется.

- Во сколько?

- Утром, часов в десять.

- Тогда скорее отключи магнитофон. Сейчас начнется «Утро» Грига, и ты включишь его, когда вернешься. Но не в десять,

раньше! В семь. Ну хотя бы в восемь. Умоляю тебя. Подари мне хотя бы эти дни, до понедельника. Обещаешь?

- Обещаю, - сказал он, страшась обещать. Он выключил магнитофон, подошел, сел на край кровати, притянул ладонями ее лицо. - Но только при одном условии.

- При каком, милый?

- Что ты сейчас заберешься опять под одеяло и не будешь провожать меня. Чем меньше мы сейчас будем прощаться, тем лучше и легче. И не будем целоваться, чтобы не распаляться вновь. Давай представим себе, что нам не хватило можжевеловой, и я попросту побежал в магазинчик деликатесов. Сейчас вернусь. А ты уснешь, ожидая меня. А утром я вернусь. У тебя дверь защелкивается?

- Да, - грустно сказала она. - Но почему не целоваться?

- Нет. Все.

Он резко встал, вышел в прихожую, быстро обулся, накинул плащ, открыл дверь, захлопнул ее за своей спиной, отдышался. Дело сделано! Он чувствовал себя уголовником, совершившим побег. Только бы не вернуться. Нет, он уже спускался вниз по лестнице, он уже вышел на улицу, он уже ловил машину и садился в нее, он уже ехал домой, а в голове у него пело под музыку «Мечты о любви» Листа: «То мое, мое сердечко стонет, сердечко мое грустит». Грустит, хрустит, тристит… Он все еще весь находился в ее оболочке, окутан ею, и не было ни водителя рядом, ни езды по вечерней Москве, ни мелькания фонарей, а был лишь особый ритм и волны тепла ее тела, ее поцелуи на его губах, и все изгибы и тайны, и долгий полет, который не должен был никогда кончиться, но, увы, уже кончился.

Автомобиль неумолимо приближал его к дому. Если бы Сережа еще не спал, то можно было бы сейчас, приехав, прижаться к нему, забыться в его маленьких объятиях, закружить его по комнате, распевая: «Я с детства детей ненавижу…» Но уже поздно, и пунктуальный Прокофьич его уже давно уложил, прочитав перед сном всю книжную программу от «Тараканища» до «Дяди Степы».

Вновь перед глазами встала страшная картина: мертвый отчим и плачущий около него Сережа. «Ох, какой же я гад!» - хотелось прокричать Белокурову.

- Что стонешь? - спросил водитель.

Оказывается, он все-таки стонал, купаясь в своих думах.

- Сердце пошаливает.

- С перепою?

- А что? Запах?

- Еще какой. Хотя бывает и гораздо хуже.

Тут Белокурова ударило еще более скверное предчувствие. Что, если он сейчас приедет, а там - Тамара? Она вполне могла уже возвратиться. О нет, только бы не сегодня, ну хотя бы не сейчас! Ему надо отдышаться, унять сердце, выболеть все из души. Впервые в жизни он больше всего боялся встречи с собственной женой, с которой прожил четыре года.

Сердце и впрямь шалило. Не хватало еще, чтоб вместо Прокофьича он сейчас окочурился.

Приехали. Может быть, вернуться? Ошалеть, вырвать из сердца заботы и снова броситься в блаженные объятия! Но рука его сама доставала из кармана деньги и протягивала, сколько договорились, водителю, потом сама же открывала дверцу машины и тело Белокурова само вылезало прочь из соблазнительного возврата.

- К разврату - нет возврату, - молвил главный бестиарий, провожая взглядом машину и делая первый шаг к дому. Спасительно было думать обо всем происшедшем как о разврате, а не как о сильном любовном переживании. - Развратник, развратник, - шептал Белокуров, поднимаясь по лестнице. Но это слово падало в него, долетало до глубины и возвращалось оттуда: любовь! любовь! любовь!

И вот он уже стоит перед своей дверью. Что там? Господи, пусть все будет в порядке! Я замолю грехи, я столько сделаю во имя Твое, чтобы загладить грехи! Господи, пусть я войду, а там Прокофьич и Сережа мирно спят!

Но тот Белокуров, который обзывал себя развратником и не признавал любви, спросил: «И что будет тогда? А я скажу тебе: если сейчас все будет в порядке, то завтра утром ты сдержишь свое гнусное обещание и помчишься включать магнитофон, чтобы слушать «Утро» Грига в любезных объятиях гидры».

- Будь что будет! - тихонько прорыдал Борис Игоревич и стал открывать дверь своей квартиры.

На какой-то миг ему дико представилось, будто он открывает другую дверь, будто он вбегает в комнату, срывает с себя одежды, распахивает одеяло и падает, в поцелуе ударяясь зубами о зубы, как это было сегодня днем.

Он чувствовал себя так, будто в нем поселился чужой.

В квартире стояла зловещая тишина, хотя он и сам не смог бы объяснить, что в ней такого зловещего.

- Спят, - попытался он сам себя ободрить.

Тихо-тихо разделся, но не успел снять второй ботинок, как дверь комнаты Прокофьича распахнулась, и отчим, слава Богу, живой и здоровый, предстал перед главным бестиарием. Только очень злой, алый от гнева.

- Что ж ты делаешь, сволочь! - начал Прокофьич уж чересчур резко. Видать, ему плохо было.

- Прости, отче, миленький, - прошептал Белокуров.

- Можешь не шептать, - мрачно произнес Прокофьич.

- Что, не спит?

Оставив последний вопрос без ответа, Прокофьич возвратился в свою и Сережину комнату. Белокуров пожал плечами, вздохнул. Так тебе и надо, да еще и мало! Все-таки прежде чем пойти и пасть перед Прокофьичем на колени, он юркнул в ванную, быстро разделся, принял душ, одновременно чистя зубы. Все это заняло не более десяти минут. Освеженный, хотя и одетый в старое, главный бестиарий, выйдя из ванной, посмотрел на часы. Они показывали двадцать пять минут двенадцатого. В общем-то не так уж и поздно, не должен Прокофьич слишком долго злиться.

Осторожно открыв дверь комнаты отчима, Белокуров обомлел. Отчим сидел на кровати, низко склонив голову, и плакал. Сережина кроватка была пуста. Самого сына нигде не было.

Молнией пронеслось: «В больнице!»

- А где Сережа? - спросил пустынею рта.

Прокофьич молчал.

- Что случилось, Прокофьич? Где мой сын?

Отчим медленно поднял голову и с ненавистью, от которой все внутри у Белокурова содрогнулось, посмотрел на своего пасынка.

- У тебя больше нет сына.

Тут главный бестиарий должен был лишиться чувств, и мы увиделись бы с ним только через сколько-то глав, но он, как ни странно, выдержал удар, нанесенный ему ненавидящим Прокофьичем, и промолвил:

- Хорошо, я сволочь, но ты все равно не мучай меня, Прокофьич, дорогой! Что значит «нет сына»?

- То и значит.

- Прокофьич!

- Не ори на меня, гад! Если я говорю, что у тебя нет больше сына, значит, у тебя его больше нет. Тамара забрала его.

Белокуров сел на пол. Отдышался. Сережа жив. Правда, сообщение о том, что его забрала Тамара, тоже хоть и не матовое, но - шаховое.

- Как это она его забрала? Куда?

- Не хочу с тобой разговаривать. Иди протрезвей сначала. Разит, как от пьяной кобылы.

Глава десятая
Чудодейственный мальчик

- Поднимайся! Поднимайся!
- Где я?
- Давай-давай, быстрее к машине! Поднимайся!

До открытия великой чакры оставалось всего ничего - каких-нибудь полчаса. Голова у Сергея Михайловича была восковая, слова звенели на ее поверхности, как на тугом, готовом лопнуть арбузе. И все его существо, как пчелами улей, было переполнено бесчисленным Ч, которое роилось, вставало к горлу, опускалось к паху, томилось в сердце, жужжало в мозгах. И конечно, он нисколько теперь не сомневался в истинности религии Ч, в том, что он не Тетерин, а Чечерин, и в том, что он - один из счастливейших в мире ч-избранников. Как Чаплин, Чапаев, Чейз…

Он сидел с бокалом густой черной жидкости, обладающей неизъяснимо прекрасным вкусом. Никогда доселе ему не доводилось пить столь изысканного вина, которое называлось «черри-Ч». От него не пьянелось, от него все внутри распускалось и расцветало. Рядом сидела Ева и тоже попивала «черри-Ч», в ожидании, когда начнется самое интересное. Они встретились на том же месте, что и вчера, без десяти десять и вскоре оказались в обществе Ч, где вновь слушали завораживающую лекцию Чернолюбова. Промаявшись до вечера, так и не уснув, Сергей Михайлович к тому моменту, когда следовало ехать встречаться с Евдокией, почувствовал непреодолимый прилив какой-то ч-душной тяги, его сильно повлекло, захотелось вновь увидеть и услышать Святослава Зиновьевича, и эта тяга была даже сильнее влечения к Евдокии. И когда они очутились тут, он с радостью пожал руку чернявенького ч-носца.

- Вот вы говорите Ч и Х, да? - первым делом огорошил его Святослав Зиновьевич.

- Я говорю? - восхитился Сергей Михайлович. - Я только думал об этом сегодня, но никому не говорил.

- В том-то и дело, что между нами, мой дорогой, уже создана связь, - улыбнулся Чернолюбов. - Не удивляйтесь. И не пугайтесь, я вовсе не контролирую ваши мысли и поступки. Просто все интересное, что связано с Ч и появляется в вас, тотчас передается мне. Так вот, уберите все гласные из фамилии Чехов. Что получится?

- Ч-х-в.

- А что такое ХВ? Это «Христос воскрес». Вместе - «Ч Христос воскрес». Вот какая фамилия была у Антона Павловича! Ну, усаживайтесь, я уже скоро буду выступать.

Потом, прочитав на сей раз короткую лекцию, поскольку новичков сегодня не было, ч-носец показал несколько своих чфокусов. Одного из присутствующих он заставил читать наизусть стихи Чаадаева. Тот сначала сказал, что вообще первый раз в жизни слышит о Чаадаеве как о поэте, но потом вдруг схватился за голову и прочел довольно длинное и скучное стихотворение о тайных судорогах земли. Разводя руками, он заявил по прочтении, что сам впервые слышал эти стихи, хоть и прочел их наизусть. Потом Святослав Зиновьевич поднял с места вчерашнего американца, который вдруг принялся бойко говорить по-русски, хотя его спутница и переводчица тотчас стала в восторге уверять, что мистер Браун не любил русского языка и доселе даже не собирался учить его. Сегодня при мистере Брауне и его подруге был мальчик, совсем маленький, годиков трех или даже двух с половиной, молчаливо и испуганно смотрящий во все стороны, словно его украли. После мистера Брауна неожиданно настала очередь Сергея Михайловича.

- К вашим услугам черепослов Чечерин, - объявил Святослав Зиновьевич.

- Сейчас он прочтет вам одно очень красивое стихотворение по-исландски.

- Кроме исландской селедки, я ничего не знаю исландского, - улыбнулся Сергей Михайлович, но в следующий миг из уст его потекло само собою очень звучное, чеканное стихотворение на доселе неведомом ему, но явно исландском языке. Благо, оно оказалось коротким, потому что во время декламации испуганного Сергея Михайловича стало мутить.

После него каждый из присутствующих поднимался со своего места и вытворял что-нибудь этакое. Один сыграл виртуозно на гитаре испанское фламенко, хотя доселе в жизни не брал в руки гитару, другой выдал формулу Гаусса для исчисления пасхалий и так далее. Каждый проделывал то, чему не был обучен и чему у него и в мыслях не было обучаться. На кой Ч тому же палеоантропологу знать назубок исландские вирши, даже если он не Тетерин, а Чечерин? Удивительно!

После чфокусовой разминки начались собеседования с учениками Святослава Зиновьевича, но тоже недолгие. Затем всех собрали в самом нижнем подвальном помещении, представлявшем собою совершенно круглый зал, в центре которого лежал круглый ковер, испещренный разными

загадочными символами. Средоточием, естественно, было пылающее Ч. По окружности ковра амфитеатром поднимались три уступа, на которых стояли удобные мягкие кресла. В каждом кресле могло уместиться по два человека. Во всяком случае, не толстые Сергей Михайлович и Евдокия уместились. По странному совпадению американец и его подружка с малышом вновь оказались по соседству. Слышно было, как мистер Браун до сих пор не может в себя прийти от отменного, хотя и кратковременного знания русского языка. Если бы Сергей Михайлович сам не блеснул исландскими стихами, он бы сейчас считал мистера Брауна жуликом, подлым обманщиком.

Только теперь Сергея Михайловича вдруг осенило, что это был за малыш при них. Тот самый чудодейственный мальчик, о котором вчера говорил Чернолюбов. Мальчик, родившийся четвертого июля 1994 года и зачатый в ночь с четвертого на пятое октября девяносто третьего. Других мальчиков в круглом зале не наблюдалось, а по возрасту малыш как раз подходил.

- Ну? - раздался голос Святослава Зиновьевича. - Как вам нравится черри-Ч?

Вопрос был адресован Сергею Михайловичу.

- Необыкновеннейший напиток! - похвалил черепослов.

- А вы заметили, что спрятано в его наименовании? Черри-Ч. Поставьте Ч впереди, и получится Ч-черри. А? Каково! Ну, расслабляйтесь, червоннозолотые мои, а мне уже пора готовиться к кульминации.

Он дружественно пожал Сергею Михайловичу плечо, картинно поцеловал руку красавицы Евдокии и перешел к соседнему креслу.

- Ну-с, - весело и жизнерадостно сказал он там, - готов наш маленький божок спасти человечество?

- Боюсь только, что он закапризничает и не захочет пойти с вами, - выразила свои опасения переводчица при мистере Брауне.

- На сей счет даже не беспокойтесь, меня детишки обожают, - махнул рукой Святослав Зиновьевич. - Что, чудо мое, пойдешь со мной гулять?

Гулять малыш, как видно, очень любил, потому что сонную квелость с него тотчас как рукой сняло. Глазки его заблестели, он заерзал у переводчицы на коленях и сказал:

- Пистолет.

- Это значит «писать в туалет», - пояснила мамаша мальчика.

- Ах, вот что! - засмеялся добрый ч-носец. - Ну, пошли.

- Пошли, - доверчиво согласился ребенок и, взяв Чернолюбова за руку, отправился туда, куда вел его чужой дядя.

- Знаешь, что мне про них Мара Петровна рассказала? -

зашептала в самое ухо Тетерину Евдокия. - Муж у нее - главный редактор «Бестии». Есть такая псевдопатриотическая газетенка, чуть ли не фашистского толка. А она нашла себе этого богатого американца. Молодец баба! Уезжает вместе с ним в Америку. А сына выкрала сегодня у мужа и привезла сюда, потому что это особенный мальчик. Ты слушаешь меня? Что ты мурлычешь?

- Шепчи-шепчи, - отвечал Сергей Михайлович, млея. - Твой милый шепот в моем ухе. Меня это так возбуждает!

- Дурачок! - хихикнула Евдокия. - Так вот, великий чемпион считает, что на этом мальчике особенная благодать Ч, поскольку…

- Кто это - великий чемпион?

- Один из главных титулов Святослава Зиновьевича.

- Красиво. Ну и?

- Да ты все равно не слушаешь.

- Слушаю, Евушка, слушаю. Шепчи, пожалуйста, дальше.

- Так вот, поскольку этот малыш был зачат четвертого октября девяносто третьего, в него вселились души нескольких убитых в тот вечер. Особое сочетание душ - и холерик, и меланхолик, и сангвиник, и флегматик одновременно. Такой коктейль темпераментов сходится в одном человеке раз в одно столетие.

- Бедный мальчик!

- Нисколько он не бедный. Это будет великий человек и очень богатый, а не бедный. Святослав Зиновьевич рассчитывает, что с помощью этого мальчика ему удастся открыть одну из важнейших чакр земли, находящуюся здесь, вон под тем ковром.

- Зачем?

- Чтобы получить великую энергетику этой чакры.

- Здурово! И нам достанется что-нибудь от этой энергетики?

- Само собой, глупый, нам тоже перепадет.

- Вот прямо сейчас, в полночь? - Сергей Михайлович глянул на часы. - Через двадцать минут?

- Будем надеяться, - со вздохом, означающим многое, отвечала Евдокия.

- Главное, это нам всем сейчас как следует сосредоточить свое внимание на центр ковра, где ярко-красное Ч. И молиться великому Ч, чтобы открылась его чакра.

Поскольку после этих слов Евдокия отодвинулась от Сергея Михайловича и принялась сосредоточиваться, Тетерин решил, что ему тоже хочется «пистолет», поскольку потребность назревала, а наполняться энергетикой великой чакры с переполненным мо-Ч-евым пузырем не хотелось. Он допил свой бокал, шепнул Евдокии, что сейчас возвратится, и отправился на поиски туалета.

Он оказался в темном и безлюдном коридоре, в конце которого тосковала унылая фигура охранника. Сунулся в одну дверь - закрыто. Сунулся в другую - тоже закрыто. Спросил у охранника.

- Вон в ту дверь, - сказал он. - Там лестница, спуститесь немного вниз и увидите.

- Спасибо, - сказал Тетерин и последовал указаниям любезного питекантропа.

Спустившись по лестнице в некий закуток, он и впрямь услышал журчание, свидетельствующее о наличии удобства цивилизации. Надо было только подождать: туалет был занят. Кто-то там довольно немолодо кряхтел. От скуки Сергей Михайлович сунулся еще в одну дверь - вдруг там тоже? Но там он увидел тех, кого менее всего ожидал здесь увидеть.

- Ой, простите, - извинился он и тотчас захлопнул дверь.

Увиденное каким-то щемящим жалом запало вдруг в душу палеоантрополога Тетерина. Что-то жалобное и тревожное было в малыше, самостоятельно снимающем с себя штанишки, будто он торопился, в опаске, что его ударят. При этом он с благоговейным ужасом взирал на великого чемпиона, который, по-видимому, не собирался совершать над мальчиком никакого насилия, ибо терпеливо ждал, держа в руках какой-то красивый шелковый балахончик, украшенный серебряными пятиконечными и шестиконечными звездами. И все же смутная тревога за судьбу этого трогательного малыша вселилась в душу Сергея Михайловича.

Щелкнул замок, дверь туалета распахнулась, оттуда вышел высокий пожилой мужчина с весьма неприятным лицом, которое показалось Сергею Михайловичу на удивление знакомым. Даже, как бы сказать, отвратительно знакомым. Где же он мог его видеть?

- Да ну, пустое, - улыбнулся Тетерин, входя в туалет и изготавливаясь.

И тут-то его передернуло! Это был Чикатилло. Тот самый, фотографию которого Сергей Михайлович видел сегодня в газете «Бестия». Под заголовком «Герой нашего времени». Сергей Михайлович, чувствуя, как от ужаса его прошибает ледяным потом, прислонился плечом к стене. К горлу подступала тошнота. Некий из глубины сознания воззвал: «Очнись! Ты так до сих пор и не понял, где оказался? Восстань!» Проклятая струя наконец-то иссякла. Сергей Михайлович застегнул брюки, достал сигареты и зажигалку, закурил, приблизился к зеркалу, откуда на него глянуло знакомое лицо, ухоженное, человеческое, хотя и покрытое модной нынче щетиной. Мохнорылое, как сказала бы мама Сергея Михайловича.

- Бред собачий! - ответил Тетерин восставшему из глубин его души себе бывшему.

Ну действительно, чего только не примерещится! Какой такой Чикатилло? Его ведь давным-давно расстреляли. Откуда ему здесь взяться?

А если не расстреляли? Смотрел фильм «Ее звали Никита»? То-то же! Если и Чикатилло так же? Объявлено, мол, расстрелян, а он под другим именем живет себе и творит дела, только уже не по собственному разумению, а подконтрольно.

Бред! Бред! Просто Сергей Михайлович невыспавшийся, голова как налитой арбуз, вот-вот лопнет, мерещится Ч знает что. Фотография из газеты совместилась в полумраке со стариком из туалета, вот и получился Чикатилло…

Стоп! Ч! Чикатилло! Который Ч катит. На нас Ч катят, а мы даже не встрепенемся. Проснись же хоть ты, черепослов несчастный! При каких таких ты чакрах очутился? Показать бы этого проповедника религии Ч твоей маме, хотя бы на минутку. Она бы в ужас пришла, с ума бы сошла, что ее сын спокойно все выносит и не шарахнет Святослава Зиновьевича чем-нибудь по черепу. А если бы покойник генерал-майор воздушно-десантных войск Тетерин увидел своего сына Сережу в обществе сознания Ч? Да он бы, не мешкая, схватил его за шкирку, приволок домой и выстегал бы генеральским ремнем так, что талантливый палеоантрополог месяц не смог бы сидеть.

А что, если и впрямь взять да шарахнуть Чернолюбова по черепу? Вот был бы поступок! Генерал-майор Тетерин в могиле бы возвеселился. А хотя бы вот этой фаянсовой полочкой, которая висит под зеркалом. В ней нет никакого Ч? Кажется, нет. Хотя - поло-Ч-ка. Да нет, это не полочка, а увесистая полка.

Сергей Михайлович попробовал ее снять, и она довольно легко снялась с шурупов, ввинченных в стену. Хорошая полка. Тетерин сбросил с нее мыло и взвесил в руках - килограмма два, не меньше. Шарахнуть, малыша под мышку и

- деру! Будет вам тогда чакра.

Он посмотрел на часы. Без десяти. Десять минут до полуночи, до открытия великой чакры. «Восстань!» - взывал озорно прежний Тетерин, совок, русопят, противник прогрессивного Ч-еловечества.

Сергей Михайлович усмехнулся, намереваясь повесить полку на место. Ну даже если и Чикатилло? Неужто мать самолично отдаст на съедение свою крошку? Своего малышонка, мальчонка. Чтоб ненасытное чучело бедную крошку замучило? Мучикатилло… Конечно, ничего страшного не намечается. Конечно, ничего опасного для малыша. Да это и не Чикатилло

никакой.

Сергей Михайлович еще раз глянул на себя в зеркало и сказал самому себе:

- Мохнорылый!

Больше он себе возможностей на раздумья не предоставлял. Выйдя из туалета с фаянсовой полкой в руках, толкнулся в ту дверь, боясь уже не застать там ни Чернолюбова, ни мальчика.

- Не надо хихикать, тебе не так уж и щекотно, - бормотал великий чемпион, потно пыхтя. Он стоял на корточках перед мальчиком и завязывал у него под подбородком шнурки колпачка.

Малыш извивался и хихикал от щекотки, ему было весело. Он уже был облачен в лиловый шелковый балахончик, спускающийся до пят. Островерхий колпачок тоже был из лилового шелка, с серебряной Ч во лбу.

- Не отвлекайте меня сейчас! - сердито бросил Святослав Зиновьевич через плечо, услышав вошедшего Тетерина. - Да стой же ты, чумовой! - еще более сердито молвил он мальчику.

Тут Сергей Михайлович размахнулся и шарахнул Чернолюбова по черепу. Фаянсовая полка взорвалась и рассыпалась крупными осколками. Святослав Зиновьевич мешком повалился на пол и затих. Мальчик в восторге воскликнул:

- О-о-о! Бу-у-ух!

Он нисколько не испугался, видимо, уверенный, что дяди весело забавляются. Не теряя времени, Сергей Михайлович подхватил его, цапнул со стула его одежки, поверх которых лежал нательный крестик на широкой ленте, и выскочил по лесенке в коридор.

- Велено его на улицу вынести, - сказал он равнодушному охраннику, который, кажется, был уверен, что ничего экстренного не должно произойти. - Где выход на улицу?

- Вон в ту дверь, наверх, направо, потом налево.

Чудодейственный мальчик очухался только на улице. Захныкал:

- Ма-а-ама!

Но дерзкий похититель уже открывал свою «мыльницу» и бросал его на переднее сиденье, захлопывал дверцу, спешил за руль, заводил мотор, выруливал из темного двора, выскакивал на проезжую улицу и мчался прочь от церкви великого Ч. Выскочив на Серпуховской вал, Сергей Михайлович быстро промчался до поворота на Тульскую, свернул, помчался к Автозаводскому мосту, мельком глянул на большие часы, светящиеся возле станции метро. Ровно полно-Чь.

- Черта вам лысого, а не чакру! - захохотал Тетерин, пуще

прежнего напугав мальчика этим жутковатым хохотом.

- Ма-а-а-а-а… ма-а-а-а-а! - ревел бедный.

- Ничего, маленький, ничего, они нас не догонят, не поймают, - постарался успокоить его ласковым голосом Сергей Михайлович. - Ему почему-то вспомнился тот Слава, который вчера доблестно ушел, бросив своей девушке: «Эх ты! Дурочка!» Жалко стало Евдокию. Но, как ни жалей ее, она непроходимая дура. Ему никогда не удалось бы убедить ее в том, что от таких, как Святослав Зиновьевич, надо бежать сломя голову. - Зато, Слава, ты просто ушел, а я - подвиг совершил! - воскликнул Сергей Михайлович весело. - Малышонок, не реви, прошу тебя. Тезка! Ты же тезка мой! Сережа? Как тебя зовут?

Мальчик перестал плакать, всхлипнул, глядя на своего похитителя с вопросом во взгляде.

- Ну? Глазастик! Как тебя зовут?

- Серрожа, - сказал малыш.

- А фамилия твоя как?

- Беррокурров, - послушно отвечал мальчуган.

- А где ты живешь?

- Макве.

- А как твоего папу зовут?

- Боррис.

- А фамилия папы?

- Беррокурров.

- Доставлю я тебя к твоему папе! - весело подмигнул ему Сергей Михайлович, лишний раз убеждая себя в том, что совершил правильный подвиг.

Отец мальчика был главным редактором той самой газеты «Бестия», в которой он сегодня видел фотографию Чикатилло. Это что, случайность? А может - нет?

- Случайность, я спрашиваю?

- Чучайнось, - вздохнул Сережа.

- Эх ты, «чучайнось»! Я гляжу, на тебя тоже Ч подействовало. Ну ничего, отмоемся от него. Скоро увидишь папу.

- Папу, - снова вздохнул малыш, успокаиваясь.

Приехав домой, Сергей Михайлович разбудил Людмилу Петровну и сразу стал вводить ее в курс дела:

- Мама, не пугайся! Этот малыш - сынок главного редактора газеты «Бестия». Его похитили, понимаешь ты? Я не шучу.

- Я вижу. А как он у тебя оказался?

- Я похитил его у похитителей, все очень серьезно, мне пришлось одному из этих ублюдков раскроить череп.

- Насмерть? - вскрикнула Людмила Петровна.

- Едва ли, - усмехнулся сын. - Все-таки я знаю, в какое место

черепа бить, чтобы оглоушить, но не насмерть.

- Тут твое черепословие пригодилось, - вздохнула мама одобрительно. - А это правда малыш главного редактора?

- Если не веришь, возьми газету, посмотри, как фамилия этого, который издает «Бестию», спроси у мальчика, как его фамилия. Как твоя фамилия, Сережа?

- Беррокурров, - послушно ответил мальчик.

- Вот видишь! - торжествовал Сергей Михайлович. - Времени нет, мамочка! Переодень его, пожалуйста, из этой чертовой хламиды в его нормальную одежонку. А я - звонить.

Едва он подошел к телефону, как раздался звонок.

- Алло?

- Тетерин! - взвился в трубке голос Евдокии. - Да ты с ума сошел! Козел! ты хоть понимаешь, что ты теперь - покойник? Татарин ты, а не Тетерин! Идиот! Кретин! Подонок! Я так в тебя верила! Твое счастье, что Святослав Зиновьевич жив остался. Лучше тебе добровольно вернуться и привезти мальчика. Подожди, сейчас ты будешь разговаривать с его мамой…

Но Сергей Михайлович не захотел разговаривать с этой лахудрой, он нажал телефонный рычаг и крикнул:

- Мама! Там в газете «Бестия» есть телефон главного редактора?

- Есть, - отозвалась Людмила Петровна, неся газету. - Но какой теперь главный редактор? Полночь ведь! Половина первого.

- А вдруг? - понимая, что звонить без толку, сказал Тетерин и, взяв из рук Людмилы Петровны газету, на всякий случай все же набрал указанный телефон.

Гудок, второй, третий…

- Алло! - раздался встревоженный голос.

- Здравствуйте, - сказал Тетерин. - Я бы хотел связаться с Борисом Игоревичем Белокуровым по весьма срочному, безотлагательному делу, касающемуся его сына.

- Я Белокуров, я! Что вы знаете о моем сыне? Где он?

- Он у меня.

- А вы кто?

- Меня зовут Сергей Тетерин. Я похитил вашего сына. Сережа сейчас в моих руках.

- О Господи! Час от часу не легче! Сколько вы за него требуете?

- Нисколько. Вы думаете, это киднэп? Да нет же! Разве бы я стал называть свои имя и фамилию, если бы требовал с вас выкуп!

- Да, действительно… Так вы что, украли его у Тамары? Как? Где? Зачем?

- Я вам все объясню, но будет лучше, если я прямо сейчас к вам прибуду. Называйте свой точный адрес. Объяснять, как ехать, не нужно. Лучше я посмотрю по атласу. У меня атлас Москвы с указанием каждого дома.

- Хорошо-хорошо…

Главный редактор «Бестии» взволнованно назвал адрес.

- Минут через сорок я буду у вас, - оповестил его Тетерин и повесил трубку.

Телефон тотчас снова стал трезвонить.

- Алло, - снял трубку Сергей Михайлович.

- Послушайте, вы! - раздался голос, по-видимому, принадлежащий Сережиной маме, жене Белокурова. - Если вы что-то там себе возомнили, то ни о чем таком не думайте. Отец издевался над ребенком, это законченный алкаш и сволочь, к тому же по нему тюрьма плачет за антиправительственные статьи и злостный антисемитизм. Не достаточно вам такого портрета? Единственное наше спасение - сбежать в Америку, потому что здесь, в этой стране, у негодяя большие связи, только поэтому он до сих пор не за решеткой. Поняли вы или нет, герой в тапочках? немедленно хватайте моего сына и возвращайтесь сюда. Гарантируем, что с вами ничего не сделают, а если вы окажете благоразумие и раскаетесь, то и вовсе простят.

- Сереж! - снова зазвучал в трубке голос Евдокии. - Не дури, дурачок мой. Прости, что я так грубо с тобой разговаривала. Сделай так, как тебе сказала Тамара, мать мальчика. Опомнись, очнись! Бери малыша и возвращайся. Только будь осторожен, не попадись милиции, ведь ты выпивши. Это тебе вино в голову ударило. Святослав Зиновьевич не рассчитал, что ты можешь так окосеть.

- Ева! - перебил ее Сергей Михайлович. - Слушай меня внимательно. Ты попала в страшное место, в которое хотела втянуть и меня. Я нисколько не пьян. Я сейчас трезвее самого трезвого. Во всей России сейчас нет человека трезвее меня. Послушай, Ева! Я видел там Чикатилло. Тихо только, молчи! Я видел Чикатилло, понимаешь ты такое? Это тебе не шуточки. Поэтому ты сейчас незаметно покинешь это зловонное болото и отправишься к себе домой, а мы с Сережей будем ждать тебя там. Поняла?

- Поняла, поняла, Сереженька.

- Договорились?

- Договорились.

Тетерин повесил трубку, потом снял ее и положил рядом с телефоном, чтоб никто больше не мог дозвониться.

- Ты что, и вправду собираешься… А, я поняла, отвлекающий

маневр. Так? - спросила Людмила Петровна.

- Да. Готов? Не будем больше терять время.

- Он замерзнет.

- Ничего, в машине тепло.

Малыш стоял, одетый снова в штанишки, клетчатую синюю рубашку и свитерок. Сонно хлопал глазами.

- Бедный, час ночи, а он не спит, - пожалела его Людмила Петровна. - Мне бы такого внучка. Сереж! Когда?

- Будет, будет тебе такой, не волнуйся.

- Умру, не доживу.

- До свиданья, мамуля, в ближайшие дни меня дома, как ты сама понимаешь, не жди. При возможности буду позванивать. Но ты ни о чем не волнуйся, все будет хорошо. Я все расскажу тебе потом. Ты можешь гордиться своим сыном.

Последнюю фразу он произнес нарочно с особым проникновением, чтобы она все эти дни, покуда его не будет дома, меньше волновалась, а больше гордилась. Хотя, может быть, он к утру уже и вернется. Как бы то ни было, а Сергей Михайлович и сонный малыш опять садились в «мыльницу» и ехали по ночной Москве. К ним еще добавился третий попутчик - девятимиллиметровый «Стечкин» покойного генерал-майора Тетерина с полной обоймой в двадцать патронов. Сын покойного генерал-майора, умершего в год развала СССР, был теперь готов к любому дальнейшему развитию событий этой ночи.

Мальчик еще некоторое время таращился, но потом откинулся к спинке кресла и уснул. Сергей Михайлович стал бояться, как бы ему тоже не уснуть за рулем. Он стал вспоминать хотя бы одно исландское стихотворение, но не мог припомнить даже слова по-исландски, кроме «Рейкьявик» и «сага». Да и на кой черт ему, талантливому палеоантропологу, нужен был исландский язык?

- Именно исландский им, видите ли, подавай! - возмущался он, распаляя себя, чтобы не уснуть.

Только на Автозаводском мосту он спохватился, что зачем-то едет прямо в лапы к Ч-екистам. Интересно было бы послушать рассуждения Святослава Зиновьевича о ЧК или о Чикаго. Но не теперь. Он снова, свернув на Тульскую, проехал мимо метро, где светящиеся часы показывали второй час ночи. Хорошо, что он здесь спохватился, а не когда подъехал к дому, в котором располагалась черковь сознания Ч! Было бы не удивительно при таком состоянии сознания Т. Все и так уже казалось ему сном. Поднимаясь вверх к центру города по Люсиновской, Сергей Михайлович подумал, что теперь надо благополучно миновать вторую ловушку - дом на набережной, где их с Сережей ждет

Евдокия.

Теперь Тетерин точно знал, что Евдокия осталась навсегда в его прошлом. Вряд ли она никому не сказала, где он назначил ей встречу. Скорее всего, там, в доме на набережной или около него, ждет засада. Да ее бы и не отпустили просто так. Жаль, что Святослав Зиновьевич остался жив… Хотя, может быть, в его черепе что-нибудь исправится после травмы? Может, он утратит свои нечеловеческие способности и займется каким-нибудь хорошим общественно полезным делом, перестанет моро-Чить людям головы?

Хотелось в это верить, хотя верилось с трудом.

- О Господи! - вздохнул Сергей Михайлович.

От спящего мальчика по всей «мыльнице» разливался медовый сон. Так и тянуло прикорнуть рядом с ним и провалиться в его сны, такие хоррошие, серрожие сны.

Дом на набережной ему тоже удалось благополучно миновать. Теперь бы доехать до Тимирязевки, где должен был ждать их Сережин отец, Борис Белокуров. Отчество главного редактора «Бестии» вылетело из головы Сергея Михайловича, хотя, судя по возрасту сына, самому Белокурову не должно быть много лет. Хотя кто их знает, этих богемных, у них часто старики рожают, и под шестьдесят, и за шестьдесят.

Вырвавшись из пределов Садового кольца и проезжая мимо Новослободской, Тетерин встряхнулся, вновь поймав себя на том, что чуть не уснул. Тут его душу ошпарило кипятком. А улица-то? Какую улицу назвал ему Белокуров? Номер дома и квартиры почему-то помнились, а улица вылетела из головы. Вертелась какая-то Нострадамусовская. Многострадальная? Настрадальная?

- Тьфу ты, ч-ч-ч… - ругнулся Сергей Михайлович. - Ах ты, Тетерин, Тетерин!

Вспомнилось, как Евдокия выбросила ему из телефонной трубки: «Татарин ты, а не Тетерин».

- Нет, именно Тетерин, - проклинал себя Сергей Михайлович за то, что он уже проезжал мимо Савеловского вокзала, а названия улицы так до сих пор и не вспомнил. Еще вместо этого вспомнилось, как она сказала: «Ты - покойник». Ну это уж из совсем дешевой урлы! Так могли говорить только клиенты-питекантропы, посещающие Сергея Михайловича, чтобы продемонстрировать ему достоинства своих черепушек.

- Тетеря! Тетеря! - клял себя. - Ну как же называется-то улица… Ч-ч-ч-ерт!

Тут у него мелькнуло в мыслях, что первая программа телевидения называется ОРТ. Подставь впереди Ч - и что получится? Привет вам, Святослав Зиновьевич!

Тетерин стал упражняться в Ч, подставлять проклятую букву ко всем словам, начинающимся с гласных. Артек - чертек, Иртеньев - Чертеньев, ортопед - чертопед, ортоцентр - чертоцентр, ортогональ - чертогональ, ортогенез - чертогенез, остеохондроз - честеохондроз, эстафета - чертофета… Нет, это уже из другой оперы. Постой-постой! Эстафета! Ну да! Белокуров, называя адрес, еще добавил, что улица эта, Нострадамусовская, расположена позади кинотеатра «Эстафета».

- Слава Тебе Господи! - выдохнул Сергей Михайлович и перекрестился, что случалось с ним раз пятнадцать за всю его жизнь.

Он затормозил в самом начале Дмитровского шоссе. Протер ладонями лицо, извлек из бардачка атлас Москвы, полистал, в разделе «Кинотеатры и киноконцертные залы» нашел: «Эстафета». Тимирязевская улица, 17-50. На пятидесятой странице его ждал все-таки Нострадамус. Такая улица была. Прямо за кинотеатром «Эстафета» - Астрадамская.

Еще через пять минут он прибыл по месту назначения, подъехал к дому, найденному в атласе, и тотчас к «мыльнице» подбежал взволнованный мужчина в плаще, заглянул в лобовое стекло, увидел спящего мальчика, распахнул дверцу и выдохнул:

- Здравствуйте, я - Белокуров.

Глава одиннадцатая
Ночной переполох в стране «жаворонков»

- А как называется этот обряд?

- Похищение невесты.

- Похищ…

- Нет, вы не думайте, невеста сама мечтает, чтобы ее украли.

- Ах, ну хоро…

- Родители тоже согласны. Можно пойти в загс, но до этого, по обычаю, невесту нужно украсть.

- Украсть?

- Угу.

- Ч-черт! Красивый обычай. Красивый обычай. Ну а моя-то какая роль?

В сей ночной час, в отличие от Белокурова и Тетерина, которые восю бодрствовали, отец-основатель жавороньего княжества всепоглощающе предавался сну. Ему снилось, что он плывет на «Титанике» и смотрит в иллюминатор на огромных белоспинных альбатросов-диомедеа, они красиво парят в небе, и Ревякин зачем-то начинает объяснять своей невесте Марине, что в средней полосе России эти птицы не водятся, ибо последних из них большевики расстреляли в двадцать седьмом году, а которых не расстреляли, тех выдворили из страны в Тихий океан. Вдруг один из альбатросов грозно пикирует, ударяет клювом об иллюминатор, пробивает стекло, и в каюту вопреки законам логики начинает валить мощный поток воды. «Титаник» начинает тонуть. Вода очень холодная - и Ревякин в ужасе просыпается.

Он проснулся от холода. Постель была влажная - он почему-то очень сильно пропотел. А в окно рвался ледяной ветер апрельской ночи. Отец-основатель решил сходить в туалет, спустил ноги на пол, позевывая и удивляясь столь неожиданно смелой и новой версии гибели «Титаника», как вдруг под ногой он почувствовал стеклянный хруст.

- Что за черт… - пробормотал он и тут только в темноте разглядел, что пол усеян осколками, а окно комнаты вдребезги разбито, оттого и такой ветер гуляет по дому. - Хорошо, хоть не порезался, - вздохнул Владимир Георгиевич, поджал ноги, дотянулся до выключателя и зажег на стене бра.

Стало быть, иллюминатор и впрямь разбили, только не альбатросы, а какие-то хулиганы. На полу Ревякин обнаружил камень, завернутый в большой лист бумаги. Развернув, он обнаружил там послание, стал читать, понемногу начиная волноваться:

«&127;Птички Божии! Настал ваш час. Вы беззаботно предполагали, что если перелетели сюда, на берега Волчицы, то мы вас здесь не клюнем? Вы ошиблись. Горе вам! Волчица - жена волка, а волк - символ Ичкерии. Объявляем вам ультиматум. Вы должны как можно быстрее покинуть эти края и возвратиться туда, где вы жили до поселения тут. Это место будет наше. Священная бездна принадлежит нам и только нам. Это наш колодец. А чтобы вы поняли, что мы не шутим, мы будем каждую ночь уворовывать у вас по одной девушке. Сегодня мы начнем с твоей невесты, мерзкий птичник Ревякин. Можешь ее больше не искать. Она у нас и будет принесена в жертву священной ночи. Это объявляем тебе мы, ночные черные ангелы Упырь, Нетопырь, Ушан, Шестокрыл, Сипуха, Сова, Филин, Сыч, Неясыть, Ночной Ястреб, Вурдалак, и все наше страшное воинство ночи. Убирайтесь! Горе вам!»

- Шутники, едрит твою двадцать! - усмехнулся Ревякин, но на душе у него заскребло. Что-то подсказывало отцу-основателю, что это не шутка, хотя и выглядело послание весьма литературно.

Оставалось лишь пройти в соседнюю комнату, где спала Марина, и удостовериться, там она или нет. Но если она там и он вдруг разбудит ее, она может подумать, что он захотел лечь с ней, а у Владимира Георгиевича не было никакого желания сейчас ложиться с ней, ибо он все еще чувствовал себя не отдохнувшим.

Но, еще раз прочитав послание, он все же отправился. Марины там не было. В комнате царил порядок, за тем лишь исключением, что одеяло с кровати обиженно и скомканно переместилось на пол. Неужели его не очень серьезные предчувствия сбылись? Он всегда пошучивал, что если есть жаворонки, то рано или поздно должны появиться и совы. Он помнил детский ужас, когда мама читала ему сказку Ивана Франко про ворон и сов, как кровожадные совы по ночам таскали и пожирали маленьких воронят.

Ни в туалете, ни в кухне, ни в прихожей Марины тоже не обнаружилось. Входная дверь оказалась открытой. Ревякин жил в двухкомнатной квартире в одном из углов четырехэтажного княжеского дворца, на первом этаже. Квартира его имела свой отдельный вход, а также дверь, через которую можно было проникнуть во дворец.

Только теперь до отца-основателя дошло, что Марину и впрямь похитили. Сделано это было тихо, бесшумно.

Он проверил вещи. Ничего не пропало, кроме Маринины сапог, пальто, шапки, платка, еще кое-какой одежды.

- Нет, не может быть, это розыгрыш, - бормотал Владимир Георгиевич, одеваясь.

Его уже начинал колотить озноб страха. Что значит - «принесена в жертву священной ночи»? Изнасилована? Истерзана? Замучена до смерти?

Слух его, ставший напряженным, уловил, как на подоконник выбитого окна с легким стуком села птичка и сказала: «чуин-чуин». Чечевичка - карподакус эритринус, - мгновенно определил орнитолог. А может быть, это уже душа Марины прилетела попрощаться? Он сделал шаг в сторону окна, но птица тотчас упорхнула. Чего бы это ей среди ночи разлетывать?

Тщательно заперев наружную дверь, отец-основатель открыл внутреннюю и прошел во дворец. Перед ним вырос охранник Витаутас, литовец.

- Хороша же у нас охрана! - возмутился Ревякин. - Почему с моей стороны никто не дежурит?

- Вероятно, бросились к замку, - моргал глазами литовец.

- На кой черт?

- Там какое-то наводнение.

- Что еще за наводнение? Волчица из берегов вышла?

- Я пока еще не знаю.

- Княгиня спит?

- Кажется, да.

- Ступай подежурь под моими окнами. Там кто-то стекло высадил мне камнем.

Отец-основатель поднялся на лифте на четвертый этаж, в апартаменты княгини Жаворонковой. Она уже встречала его:

- Знаю, мне позвонили.

- Что ты знаешь?

- Что ублиеттку рвет.

- Как то есть ублиеттку рвет? - воскликнул Ревякин, чувствуя, как у него поехала крыша. - При чем тут ублиеттка! На вот, смотри!

Он протянул ей послание от «ангелов ночи». Катя быстро прочла его, откинувшись, прислонилась спиной к стене:

- Дождались!

- Кто это может быть, как ты думаешь?

- Тут и думать нечего, - сказала бывшая жена. - Тамерлан.

- Какой еще Тамерлан? Завоеватель Азии?

- Если б Азии! Он на всю Россию замахивается. тамерлан

Исхоев. Один из главнейших лидеров чеченской мафии. Молодая, активная, вездесущая сволочь.

При известии о чечне Ревякин еще более пал духом. А ведь и впрямь в послании говорилось о волке, символе Ичкерии.

- С Мариной пока все в порядке? - спросила Катя.

- Какой там все в порядке! Украдена.

- Как украдена? А ты где был?

Он коротко рассказал о том, как проснулся и что обнаружил в своей квартире.

- Все, нам крышка, - подытожила его рассказ бывшая жена. - Лешка в отъезде, и они спокойно возьмут нас за глотку. Говорила же я ему: «Пока не утрясешь все споры и разногласия с чечней, не уезжай!» Он не послушался. Говорил, не сунутся, не посмеют. О русская беспечность! Когда же в нас проснется бдительность?

- Надо поднимать народ, - ушибленно бормотал отец-основатель. - Надо устремиться по горячим следам.

- Опомнись, влагере! Даже если мы поднимем всех способных к ведению боевых действий, все равно «совы» перебьют наших «жаворонков» в два счета. О Боже! Гады, они даже не оставили никаких шансов. Каждую ночь похищать! Разбойный люд!

- Думаешь, Марину уже не спасти?

- Держись, влагере! Думаю, ее поздно спасать. Жалко ее, конечно, но что делать? Времена такие, что только сжимай зубы.

Они уже спустились вниз и вышли из дворца. Жаворонье княжество пока еще спало, хотя многие маячили там и тут, в основном охранники и сторожа. Собачий лай усиливался.

Вскоре выяснилось, что никто не видел никаких чеченцев, вообще никаких чужаков. Марина исчезла без следа, словно ее выкрали по воздуху.

- Черт, и впрямь будто летучие ночные твари, - скрежетал зубами отец-основатель. - А что там с ублиетткой-то?

- Блюет, - весело сказала княгиня Жаворонкова.

- Не понимаю.

- Вода из нее какая-то поперла. Пойдем посмотрим.

Ему, конечно, было сейчас не до ублиетткиной рвоты, но полная беспомощность в поисках следов похитителей придавила его, и он послушно пошел смотреть на происходящее в фундаментах замка. При свете луны и фонарей его глазам предстало зрелище маленького апокалипсиса. Холм, в котором находилась пещера ублиеттки, исторгал из своего чрева черную зловонную жижу, и этот вонючий поток, стекая вниз, уже затопил фундаменты донжона, Надвратной и Кладовой башен, подбирался к основанию Княжьей башни, чтобы дальше низринуться с обрыва в Волчицу.

- Запах серы, - принюхавшись к вони, определила княгиня. - Наверное, это и впрямь один из входов в ад.

- Извержение началось, по всей видимости, где-то в полночь, - пояснял подошедший к отцу-основателю и княгине начальник охраны Березин, бывший полковник КГБ. - Жижа поднялась из глубин пещеры, заполнила всю полость, затем выдавила запертую дверь и хлынула наружу. Около часа ночи раздался треск ломаемой двери и шум потока. Тогда-то все мы и всполошились.

Похищение Марины, ультиматум, потоп - что-то слишком много бедствий для одной ночи!

Совершенно некстати сейчас пришлась догадка о том, почему вчера погас второй факелок. Вовсе не потому, как хотелось Кате, что раскрылась бездна, а потому, что уже начала просачиваться эта жижа и там кое-где образовались ее скопления, в одном из которых потонул факелок. Он, наверное, продолжал гореть и в жиже, поскольку рассчитан на горение в жидкости, но жижа черная, и его свет не был виден.

И все-таки зря они именно тут основали княжество. Проклятое место! Вся гениальная идея Владимира Георгиевича шла насмарку.

- Дворец-то не затопит? - волновалась Катя.

- Не должно, - отвечал Березин. - Уйдет по ложбине к реке.

О чем они размышляют? Украдена молодая, красивая, полная здоровья и сил невеста! Возможно, ее уже сейчас раздевают и…

- О Боже! - простонал Владимир Георгиевич. - Да пропади он пропадом, этот потоп! Надо же Марину искать. Господи, говорил же я князю, что надо создать отряд алаудов.

- Каких алаудов? Впервые слышу, - сказала княгиня.

- В армии Юлия Цезаря был особый отряд, содержавшийся на его личные деньги, - стал пояснять Владимир Георгиевич. - Они, как и мы, вставали всегда до рассвета и жили по солнцу. И тоже назывались жаворонками - алаудами по-латыни. А у нас, кроме охраны, нет никакой боевой структуры.

- Я же говорю - русская беспечность. Горюешь по своей невесте?

- Ну а как же, ваше высочество!

- Любишь?

- Да, Катя, люблю. Она лучше нас с тобой.

- Была. Была лучше, - сердито сказала бывшая жена отца-основателя и пошла в сторону дворца.

Ревякин некоторое время стоял пришибленный. Неужели Марина уже «была»? В это не хотелось верить. Он поспешил догнать Катю.

- Что ты намереваешься делать? - спросила она.

- Не знаю… А ты?

- Я иду спать.

- Спа-ать?!

- А что еще? Я чувствую себя совершенно беспомощной и бесполезной. Я не в силах ни вызволить твою невесту, ни заткнуть глотку взбесившейся ублиеттке. Поэтому иду спать дальше. «Жаворонкам» полагается по ночам дрыхнуть, не так ли гласит наш устав?

- Но ведь это чудовищно!

- Ты сам все заварил. Теперь расхлебывай. А ты как думал, дорогой отец-основатель? Все только похвальбы да лавры? Ах, какое он затеял великое дело! Возродить русский дух через послушание законам солнца! А вот пришел злой чечен и показал тебе кузькину мамашу. Ну? Что ты так смотришь? Где твои алауды? И вот тебе мой совет: собирай вещички, забудь про меня, про Марину и уматывай-ка отсюда, покуда и тебя не схватили ангелы ночи. Возвращайся к своей Ирочке и к ее Осечке. На самом деле ты ее любишь, а не Марину и уж конечно не меня.

- Кто тебе дал право рассуждать тут, кого я люблю, а кого не люблю? Знаешь что, княгинюшка, шла бы ты куда подальше!

- Куда?

- Спать. Иди спи!

- А кто тебе дал право приказывать мне?

Он хотел еще кто-то сказать, раскрыл рот, вздохнул - и зашагал в неизвестном направлении, лишь бы подальше от своей бывшей жены. Сколько лет она его мучила, потом ушла к богатенькому, так нет, опять изловила, словно птичку, и опять мучает.

- Эй! Отец-основатель! Куда пошел? Марину искать? Пойдем, я тебе хоть Лешкин пистолет дам. Или арбалетку.

Среди общей бессмыслицы это последнее предложение хотя бы имело какой-то смысл. Он остановился и покорно возвратился к Кате.

Они вернулись во дворец, снова поднялись на четвертый этаж. Когда выходили из лифта, княгиня лукаво глянула на Ревякина.

- А может, Бог с ней, с Мариной? - зашептала она обворожительным голосом. - Пойдем вместе ляжем, а?

- Кать! Что ты мелешь!

- Ну ладно, ладно, не сердись. Боишься ко мне заходить, так стой здесь, у двери, я тебе сейчас вынесу. Пистолет или арбалет?

- Давай и то и другое. Арбалет хорош тем, что бесшумен, а пистолет - маленький.

- Это ты у нас - бесшумный и маленький, - смеялась Катя,

вынося через пару минут небольшой арбалет князя. - Ладно уж, хотела тебя еще и завтра помучить, да передумала. Забирай свою Маринку, у меня она прячется.

- Чего-чего?! - выпучил глаза Ревякин, беря арбалет.

- Вот тебе и «чего-чего»! Какая птица поет «чего-чего»?

- Кать!

- У меня твоя Марина, у меня. Мы с ней вместе над тобой подшутили. Записку я написала, левой рукой.

- Ох и дуры же вы обе!

- Не сердись, Влагере! Пошли чайку попьем с ликером. Какая птица говорит: «Спиридон, Спиридон, чай пить, чай пить»?

- Певчий дрозд. Дуры! Знать вас не хочу обеих после этого! Ей скажи, чтоб оставалась спать у тебя. Свадьба - под вопросом.

Он гневно шагнул в дверь лифта и ударил указательным пальцем по кнопке с цифрой «1».

Глава двенадцатая
Благорастворение

- Как напарник?
- Перевоспитывается.
- Отлично. А почему шепотом?
- Спит.
- Спит?!

Судя по всему, Полупятов испускал последние издыхания. Тело его подергивалось, но все более и более вяло. Изо рта уже не гремело, а лишь булькало судорожное: «И все-так… мммо-о-о-оррре… останетссс море-е-ем… и нам никкк… без мрррей…» Чижов лежал на своей кровати в другом углу гостевой избушки и терпеливо слушал. Рев Полупятова длился уже два часа, долгое время он был сильным, смелым, восторженным, репертуар менялся скачкообразно, переходя от оперных арий к тундре и железной дороге, от «Варяга» к чебурашке. Худшее беспокойство вызывало даже не это пение, а ядовитейшие пары, наполнившие небольшое пространство избушки. Василий Васильевич давно уже раскаялся, что отказался спать в батюшкиной избе, но теперь было поздно - не хотелось будить отца Василия после всего, что ему пришлось пережить.

- А я иду, шагаю… - гортанно проклокотал Полупятов, дернулся в последний раз и затих.

- Слава Тебе Господи! - вздохнул Чижов и перекрестился.

Вот бы еще испарения зловонные устранить как-нибудь. Но как? Приходилось терпеть, в особенности если учесть великую роль Полупятова, которую он сегодня исполнил. Быть может, он совершил в эту ночь свой самый главный в жизни поступок. Может быть, он вообще родился на свет только ради сегодняшней ночи. Сам-то он хоть понимает это? Куда там! Вот бы узнать, что творится в душе этого человека. Должно быть, полный кавардак, этакий набор к пиву.

- Ужас! - прокряхтел Чижов, в который раз переворачиваясь с боку на бок и стараясь хоть как-то привыкнуть к полупятовскому перегару. Это же надо! Выпить семьсот грамм благороднейшей перцовки, а вонять так, будто выпил ведро первача или сивухи! Нет, невозможно. Надо выйти на воздух. Как не хочется вылезать из теплой постели!

Все-таки выбравшись, Василий Васильевич торопливо оделся

и вышел из дома. Над ним распахнулось великое звездное небо, озаренное полной луной. Было прохладно, но так томительно пахло весной, что Чижов застонал - столь сильно ему захотелось сейчас обняться с женой, прижаться лицом к ее волосам и уху, губами - к шее. И вновь, откуда ни возьмись, явилась ревность. Еще никогда он не ревновал так сильно, как сейчас, вспоминая восторженные взгляды, которыми Элла награждала Белокурова.

- Вот скотина! - выругал он самого себя за эти гадкие мысли о жене и издателе любимой газеты.

Возвращаться в полупятовское зловоние ему не хотелось, и он пошел в сторону батюшкиного дома и храма. Замер, испугавшись, что залают собаки и разбудят отца Василия, но тотчас с горечью вспомнил о несчастной судьбе Остапа Бендера и Мухи. Их все-таки потравили какой-то сильной и быстродействующей отравой. Правда, отец Василий запретил их сразу закапывать в жалкой надежде, что это не яд, а мощное снотворное и к утру собаченции проснутся.

Они спали мертвым сном, и вокруг стояла непробиваемая и непродуваемая тишина.

И несмотря ни на что, до чего же хорошо было на сердце! Особенно при воспоминании о чудесном спасении, явившемся нежданно-негаданно в облике злого и трезвого Полупятова. Да, ангел-хранитель в редких случаях является именно в таком виде - злой, трезвый, жаждущий выпивки.

Поход Полупятова по окрестным селам оказался убийственно безуспешным. Ему нигде не удалось раздобыть желаемого. Ни граммулечки! Свирепый, а не просто злой возвратился убийца президента Кеннеди в Радоницы в намерении поставить перед отцом Василием ультиматум: либо двести грамм водки, либо… Он даже и сам не знал что. Это он сам рассказывал после того, как спас пострадавших от грабителей отца Василия, Наталью Константиновну и Чижова.

- Иду, - говорил он, - всего так и корежит. Ну, думаю, либо ты мне, батя, нальешь, либо - не знаю что. Подхожу к дому, и тут меня оторопь взяла

- собаки валяются дохлые. Глядь - а в окнах пожар мелькает. Ну, думаю, допился до белогорячки.

Когда Полупятов ворвался в дом, все трое, увидев его, закричали:

- Туши! Туши скорее!

Занавески вовсю полыхали. Полупятов выскочил обратно в сени, схватил два ведра с водой, вернулся и загасил пламя. Потом он с видом воина-освободителя вызволил пострадавших из пут и за свое геройство был вознагражден сполна, получив большую

семьсотграммовую бутылищу кристалловской перцовки. Батюшка берег ее к празднику, но ради такого случая расщедрился. Первый стакан бывший зэк осушил на глазах у спасенных им людей, затем отправился с чистой совестью пьянствовать в гостевую избу. Когда он ушел, матушка сделала совсем уж сенсационное открытие:

- Сдается мне, он все это нарочно подстроил, чтобы только заслужить себе водку.

Василий и отец Василий на это заявление отозвались с непростительным благодушием - от всего сердца расхохотались, чем обидели матушку, и она отправилась спать хмурая.

Вспоминая сейчас об этом, Чижов снова от души рассмеялся. Если только вообразить, что Полупятов и впрямь подговорил кого-то устроить нападение, привязать всех троих к кроватям и стулу, а потом вдобавок внушил свечке упасть, то тогда можно с уверенностью утверждать, что он и впрямь гений и именно он убил президента Кеннеди. Такого никогда не сыщут. Сидел под домом и ждал, покуда начнет пылать занавеска, явился, спас и заслужил бутылку.

Можно было бы такой рассказ написать, думал Чижов. Сейчас ноздри его не страдали от гнусного перегара, и Василий Васильевич размышлял о Полупятове с огромной нежностью.

Пройдя мимо батюшкиного дома, он пошел через кладбище к храму, брел, вдыхая полной грудью всю эту ночь, всю эту луну, всю эту весну.

- Благорастворение! - шептали его губы.

Таких чудес, как в этот раз, еще не случалось с ним. Они были на волосок от гибели!

- Храм, миленький! - шептал Чижов счастливо. - Я мог бы сейчас уже не видеть тебя. Лежал бы обугленный. Руки надо перецеловать всем тем, кто не налил Полупятову ни грамма!

Он прошел мимо южной стены храма, добрел до угла, свернул и - дрогнул. У дверей церкви стоял на коленях отец Василий. Руки его были сложены на животе, глаза закрыты. Казалось, он спит, но едва под ногой у Чижова щелкнула щепка, как батюшка встрепенулся:

- О! Вася! Ты чего?

- А вы, батюшка?

- Не могу уснуть. Наталья моя такую храпизну сегодня развела на радостях о спасении, что невозможно спать. Да и, честно говоря, я ведь, когда стало гореть, обет дал: если спасемся, целую ночь простою на коленях при дверях храма. И вот - грешный и недостойный иерей! - когда пришло спасение, я в суете и радости совсем забыл о своем обете. Лег спать себе, а тут

Наталья как взялась охрапывать окрестности! И спасибо ей - кабы не ее храп, я б и не вспомнил о своем обещании Господу. Или вспомнил бы завтра-послезавтра. А ты чего не спишь? Угомонился там спаситель наш?

- Уснул, но запахи такие развел, что я б их с удовольствием поменял на матушкин храп.

- Так иди в нашу избу да спи там. На вот тебе ключи.

- Нет, я лучше с вами постою и возблагодарю Бога.

- Ну, становись рядом. Только не долго. А мы завтра оба будем сонные.

Чижов встал на колени бок о бок со своим духовником, сложил руки, как тот, и взгляд его стал медленно скользить снизу вверх, поднимаясь все выше и выше, к куполам храма.

Глава тринадцатая

Бегство

- В нашем деле главное - этот самый… реализьм.

- Здравствуйте, я - Белокуров, - сказал главный редактор газеты «Бестия», осторожно взял спящего сына, сел на переднее сиденье «Оки» Тетерина и уютно уложил малыша у себя на коленях. - Мы можем теперь отправиться в сторону Серебряного бора, в Хорошево-Мневники?

- Да, конечно, - ответил Тетерин со вздохом. - Только у меня к вам огромная просьба: внимательно следите, чтобы я не уснул. Я давно на ногах, почти двое суток не спал.

Белокуров сам чувствовал себя так, будто все ему снится. Внешний вид человека, привезшего ему сына, внушал доверие, хотя Белокуров терпеть не мог нынешнюю моду на длинную щетину.

- Простите, вас, кажется, Сергеем зовут? - спросил он.

- Да, а вас - Борис… Отчество я забыл.

- Просто Боря.

- Ну а я тогда просто Сережа. Показывайте мне дорогу, я эти места Москвы плоховато знаю.

- Где вам удалось выкрасть мальчика? Что вас надоумило сделать это?

- Ваша супруга явилась с ним на одну многолюдную вечеринку. Я там тоже оказался. Мне пришло в голову, что мальчик должен быть при вас, а не при ней. Вот так, вкратце. Подробнее я расскажу вам завтра. Сейчас не могу. Устал смертельно.

- Хорошо, я больше не буду пытать вас. Спасибо вам за все!

- Пожалуйста.

Они умолкли. Белокуров стал размышлять о том, куда могла подеваться Элла. Неужто она так крепко спит, что не слышала его звонков? Или уехала догонять своего Василия?

Прокофьич долго еще мучил своего пасынка, ворча и не рассказывая о том, как Тамара забрала Сережу. Потом все же поведал. И его сообщение привело главного бестиария в неописуемые гнев и ужас. Как?! Его Тамара и - такое?! Жена одного из яростных американоненавистников спуталась с американосом и вознамерилась увезти сына в логово мирового зла! Что угодно, только не это! Воображая, как из его ненаглядного

Сереженьки станут делать американашку, Белокуров готов был сам себе глотку перерезать. Что с ней могло произойти - с ней, которая сама не любила треклятых янки? Ее зомбировали! Не могла она так долго и так тщательно скрывать своих намерений уехать в Штаты. Он мог поверить в то, что Тамара полюбила другого, что больше не любит его, Белокурова, но что она спуталась с «дядей Сэмом» - в это невозможно было верить.

И тем не менее Прокофьич не мог врать. Он рассказывал, что Тамара явилась в два часа дня в сопровождении американца лет пятидесяти и объявила:

«Николай Прокофьевич, я вас очень люблю и уважаю, но вынуждена огорчить. Это мистер Джереми Браун из Соединенных Штатов Америки. Я выхожу за него замуж. Точнее, уже вышла. Мы прямо сейчас уезжаем в Америку, и я забираю с собой Сережу. Все документы у меня уже готовы».

«То есть как! - возмутился Прокофьич, падая в кресло с сердечным недомоганием. - Как ты могла выйти замуж за американца, оставаясь законной супругой гражданина России?»

«Никакой России давно уже нет, - отвечала на это Тамара. - Неужели вы до сих пор не поняли, что живете не в государстве, а на ничьей территории, лишь временно не захваченной?»

После недолгого разговора она собрала кое-какие вещи, одела Сережу и исчезла вместе с ним и своим мистером Брауном. Прокофьич и рад был бы оказать им сопротивление, но он был на грани паралича, не в силах встать с кресла. Если бы он умер, на совести у Америки оказалась бы еще одна жертва, столь же невинная, как дети Ирака.

Белокуров уже собирался ехать в Шереметьево и дежурить там в ожидании, когда появятся Тамара с Сережей и этот пошлый мистер. Но они ведь могли уехать на поезде или на машине в другой город, даже в другую страну и оттуда лететь в Америку. Звонок Тетерина прозвучал в те самые минуты, когда главный бестиарий был уже на грани полнейшего отчаяния. Он поверил Тетерину и сразу решил, что надо встретиться у Эллы. Назвал Тетерину ее адрес. Тотчас обсказал все Прокофьичу и отправился туда. Быстро поймал такси, быстро доехал, поднялся на нужный этаж, стал трезвонить в дверь. Ему никто не открывал. За дверью царила мертвая тишина. Он вышел на улицу, позвонил из телефонной будки. По телефону тоже никто не отвечал. Снова поднялся, снова трезвонил. Наконец осознал, что никто ему не откроет.

Лишь недолгое время он с ужасом думал о том, что Элла покончила с собой. Нет, по всему складу ее характера и психики можно было уверить себя, что она не склонна к самоубийству.

Стало быть, она просто уехала куда-то. Но куда она могла уехать, если он обещал поутру явиться к ней? Неужто она раскаялась и рванула к тому священнику, к которому уехал ее муж?

В это тоже верилось с трудом. Теряясь в догадках, Белокуров дождался приезда Тетерина и спящего Сережи. Только теперь он почувствовал, что немного оттаивает. Сережа был жив, Сережа лежал и спал у него на коленях. Они ехали домой, чтобы забрать Прокофьича и потом как можно быстрее делать из Москвы ноги. Прокофьича нельзя оставлять на съедение американским хищникам и их подлипалам. К «гидре», естественно, Белокуров не мог привезти своего отчима, а туда, куда он наметил ехать теперь, - можно. Только бы там, дома, все было тихо, только бы гады не успели нагрянуть!

Теперь, немного расслабившись, можно было поразмышлять и о том, что все взаимосвязано. Он совершил грех, и за это Бог сделал так, что Тамара спуталась с американосом. Все просто и объяснимо. Преступление - и тотчас получите наказание! Мгновенный расчет по всем долгам. Прекрасно!

Было два часа ночи, когда они приехали в Хорошево, медленно въехали во двор дома, осматриваясь и пока не замечая ничего подозрительного. Вокруг царило безмолвие и безлюдье.

- Это наш конечный пункт? - спросил Тетерин.

- Здесь мой дом, - ответил Белокуров.

- А там, на Нострадамской?

- Там я хотел найти убежище.

- Но здесь вам нельзя оставаться.

- Сейчас буду пробовать вызвонить кого-нибудь из друзей с машиной. А вам… Вас я даже не знаю, как благодарить… Оставьте мне, пожалуйста, ваш домашний телефон.

- Я готов везти вас дальше куда угодно.

- Но вы так долго не спали. Нет, я не могу злоупотреблять…

- Бросьте это! Кроме всего прочего, мне ведь тоже необходимо убежище. Я там одного негодяя по голове тяжелой полкой шандарахнул. Меня будут искать. Едем.

- Мне надо подняться домой.

- Тогда оставьте у меня Сережу и идите.

Тут Белокуров застопорился. Он уже не мог оставить сына. Теперь, когда он столь чудесно вновь обрел его, у него не хватит сил расстаться.

- Поднимемся лучше вместе.

- Как скажете.

Белокуров осторожно переместил Сережу к себе на грудь, сын во сне крепко обнял его за шею, такой теплый, мягкий. Поднимаясь к себе домой, главный бестиарий подумал, что

разумнее было и впрямь оставить малыша с Тетериным в машине.

Дома их встречал бодрствующий Прокофьич. Белокуров познакомил его с Тетериным, отмечая с радостью, что старик, кажется, сменил гнев если не на милость, то, во всяком случае, на деловитость, в которой не было места гневу.

- Ты понимаешь, что они вот-вот нагрянут? - спросил он.

- Да, а поэтому, старче, пожалуйста, побыстрее собирайся. И надо Сережу одеть потеплее.

- Бедный, мучают тебя, сволочи, - ласково сказал Прокофьич, принимая внука.

Тот спросонок сказал:

- Муха, муха, атакуха…

- А почему в газете обозначен только ваш домашний телефон? - спросил Тетерин, сонным взглядом осматривая квартиру.

- Потому что здесь и мой дом, и вся редакция «Бестии».

Собственно говоря, никаких особенных сборов не требовалось. Переодеть Сережу, захватить кое-какую еду и питье, собрать Прокофьича, который поначалу воспротивился своему отъезду, но потом, сообразив, что останется здесь совсем один, без малыша, согласился ехать. Они уже направлялись к двери, когда замок щелкнул, дверь распахнулась и там появились Тамара и ее американос. Белокуров с ребенком на руках, Тетерин и Прокофьич так и отпрянули, словно в дом вошла банда уголовников, а не женщина с пожилым дядей. Тамара была очень хороша собой. Глаза ее сверкали ненавистью. Американец выглядел испуганно, хотя и пытался изо всех сил напустить на себя важной суровости.

- Добрый вечер, - сказала Тамара и улыбнулась. - Вы куда-то собрались? Там внизу много народу приехало вместе с нами. Вас не выпустят.

Зависло молчание. Тамара сделала шаг вперед, протягивая руки:

- Борис, дай мне мальчика. Хватит уже его сегодня мучить.

Белокуров сделал шаг назад и наконец вымолвил:

- Тамара, ты ли это? Я не узнаю тебя.

- Вот и прекрасно. Можешь и дальше не узнавать. Только отдай мальчика. По-хорошему прошу пока что.

- И я пока что по-хорошему отвечаю тебе: уходи с миром. Уезжай в свою Америку и живи как знаешь.

Сережа опять проснулся, посмотрел на маму, предательски потянулся к ней:

- Мама!

Но Белокуров крепко держал его.

- Иди ко мне, сыночек, - позвала Тамара.

- Оставь его в покое! - грозно произнес бестиарий. - Неужто ты рассчитывала, что я отдам его в Америку?

- Я не рассчитывала, что кто-то сможет мне помешать.

- А я все же нашелся такой и помешал, - сказал Тетерин, стоя бок о бок с Белокуровым.

- Борис! - произнесла Тамара, и в голосе ее впервые прорвалось отчаяние. - Неужели ты не понимаешь, что эта страна накрылась медным тазом, что в начале следующего столетия ее ждет участь Сербии и Ирака? Неужели ты хочешь, чтобы твой сын жил в этом аду? Преступность, наркота, чеченцы, болезни, которые некому будет лечить, потому что все нормальные люди уедут! Ты этого хочешь для своего сына?

- Мама! - жалобно вновь рванулся малыш.

- Подожди, Сережа! - строго одернул его Белокуров, и тот вдруг понял, затих, прижался к отцу и даже стал тихонько посапывать. Хоть бы заснул!

- Хорош же ты отец, - продолжала Тамара, - если жаждешь такой участи своему ребенку. Боря! - в ее голосе прозвучала какая-то неуместная ласковость. - Давай разденемся и поговорим обо всем спокойно.

- Поговорим? А ведь там тебя внизу ждут, если не ошибаюсь?

- Они подождут.

- Американские рейнджеры? Батальон морской пехоты?

- Почти. Борис, милый! Ты хороший человек, но пойми, я полюбила другого. Мистер Браун чрезвычайно обеспеченный человек, и только он сможет дать счастье мне и моему ребенку. Здесь нас всех ждет гибель. Ты любишь Россию, я тоже, но России уже нет, пойми это! Даже все твои горячо любимые патриоты, которым ты под хвост заглядываешь, скулят о том, что Россия погибла. И если уж на то пошло, то единственный путь хоть какого-то спасения России - это всем лучшим ее представителям уехать отсюда. Эта страна погружается в бездну, как Атлантида.

- Мистер Браун - это вот это вот, что ли? - кивнул подбородком Белокуров в сторону притихшего американоса. - Hi, mister Brown! - Белокуров осклабился, стараясь изобразить как можно гнуснее голливудскую улыбку. - One moment, sir*. Ду ю спик идиш?

Бестиарий решил, что время для переговоров окончено и пора приступать к боевым действиям. Он отступил назад, передал Сережу Прокофьичу и сказал:

- Держи его крепче, отче, никому не отдавай. Присядь пока в кресло.

Прокофьич молча повиновался, сел в кресло, а Сережа,

умница, уже спал. Белокуров подошел к проигрывателю, нашел старую пластинку, поставил ее, и в комнате зазвучало джазовое издевательство над незваным американским гостем: «How doy ou do-do, mister Brown? How do you do-do, mister Brown? How do you do-do-do-do-do-do-do, mister Brown?**

Американос натужно улыбался. Бесшумно похлопал в ладошки и сказал:

- Oh, great! Thank you very much!***

- Борис! Прекрати! - топнула ногой Тамара.

- Shut up! Just shut up! - уже перешел на английскую мову бестиарий. - Excuse me, sir. - Он опять голливудски осклабился. - Я прекрасно владею американским наречием. I've learnt your language in your fucking movies. Look! - Белокуров принял позу поамериканистее и выпалил, приближаясь к мистеру Брауну: - Fuck your shitting fuckshit, fuck off your bullshitting bolls and shit your shitting ass, fucked cocksucker, then kiss my ass, mister motherfucker!

Натужная улыбка стаяла с морды американоса. Тамара собралась было произнести что-то возмущенное, открыла рот, но не успела. Бестиарий выхватил из кармана своего плаща пистолет и киношно наставил его дуло прямо в лоб мистеру Брауну. Тот побледнел и, тряся губой, стал пятиться к двери.

- Fuck out! Count thre! - гремел бестиарий, чувствуя себя истинным Рэмбо. - One, two…****

- Don't, don't…***** - пискнул американос и выскочил из квартиры.

- Сдуло! - захохотал Белокуров. - Думал, если им можно лазить в трусы к сербам и иракцам, то и к Белокурову!

- Джерри! - крикнула Тамара в распахнутую дверь.

Вид у нее был растерянный. Вероятно, она все же надеялась получить мальчика и упорхнуть в Америку.

- Побежал за Томом, - сказал Белокуров и приготовился к тому, что сейчас в его квартиру вломится батальон морской пехоты США или, что более вероятно, по его окнам будет нанесен ракетно-бомбовый удар. - Американский флот уже вошел в Москву-реку?

- Это не смешно, - тихо сказала Тамара.

- Не смешно, - кивнул Белокуров. - Иди, госпожа Чернышева, за своим избранником. Вы отличная пара - Тома и Джерри. Любовный мультфильм.

- Черри-бренди, - добавил Тетерин, и вдруг в руке его тоже появился пистолет. - Позволь, я застрелю ее, - обратился он к Белокурову.

- Тамара! - воскликнул бестиарий. - Пулей отсюда! Этот

шутить не станет. На его счету десятки трупов.

Пулей не пулей, но после этих слов Тамара устремилась следом за своим Джерри.

- Пора и нам делать ноги, - сказал Тетерин.

- Прокофьич! Переходим в стремительное наступление! - скомандовал Белокуров.

Они закрыли квартиру и стали настороженно спускаться по лестнице. Ожидаемых морпехов пока не было видно. Во дворе дома, как ни странно, не стояло ни одной единицы бронетехники, не сновали бравые рейнджеры. Оставалось предположить, что мистер Браун ринулся в штаб-квартиру НАТО в Брюссель, просить подкрепления. Не дожидаясь появления объединенных сил североатлантического блока, беглецы сели в машину - Прокофьич с Сережей на заднее сиденье, Тетерин - за руль, Белокуров - рядом с ним.

- Куда едем? - спросил Тетерин.

- Эмигрируем в одно маленькое княжество, - весело отвечал бестиарий. - Есть некое карликовое государство, недавно появившееся немного к северу от Твери. Доедем дотуда?

- Запросто, - кивнул Тетерин, включая зажигание.

Он вырулил из двора и прибавил скорости.

- Отче, последи, пожалуйста, нет ли за нами погони, - повернулся к Прокофьичу Белокуров.

- Пока не замечаю, - отозвался тот. Он, оказывается, уже и так смотрел через заднее стекло.

Вскоре они покидали Хорошево-Мневники, вырвавшись на улицу Народного ополчения и мчась на хорошей скорости. Белокуров все не мог поверить, что они так легко отделались, и ждал неминуемого нападения или обстрела.

- Как сон? - спросил он у Тетерина.

- Снится.

- Что видишь во сне?

- Что мчусь на полном ходу черт знает куда, в какое-то карликовое государство. Кстати, если серьезно, куда мы едем?

- Рассказываю. - Белокуров хотел было закурить, но вовремя вспомнил про Сережу. - В конце прошлого года ко мне позвонил, а потом приехал некий субъект, представившийся ни много ни мало - князем Жаворонковым. Он привез солидную сумму и вручил ее мне с условием, что я дам о нем материал в своей газете. Я поначалу обрадовался только деньгам, но потом - и материалу. Представь себе, этот князь до недавнего времени имел другую фамилию.

- Не Вернолюбов? - почему-то спросил Тетерин.

- Нет, куда проще и лаконичнее. Князем Жаворонковым он

сделался недавно. Причем что характерно: сам присвоил себе и титул, и фамилию.

- Ну, это не князь, который сам, - усмехнулся Тетерин.

- Не надо спешить с выводами, - резко возразил Белокуров. - Стоп! Остановимся на минутку возле телефонной будки.

Он вскочил, внимательно осмотрелся по сторонам, не заметил ничего подозрительного, вошел в каморку, обитатель которой уютно спал, положив руку-трубку себе под щеку. Пришлось разбудить его, чтобы выслушать штук десять длинных гудков - в квартире «гидры» Веселкиной по-прежнему было глухо.

- Ну и ладно, - вздохнул Белокуров, извинился перед телефоном и вернулся в машину, еще раз внимательно осмотревшись по сторонам.

Они поехали дальше, мимо городка художников, в свое время любезно предоставившего свой роддом для появления на свет ныне спасенного мальчика.

- Не надо спешить с выводами, - повторил бестиарий. - В отличие от множества атавистических князей, коим ныне в России дозволено кичиться своим происхождением, князь Жаворонков - единственный настоящий, поскольку у них нет княжеств, а у него - есть. Этот неподпольный миллионер несколько лет тому назад был покорен идеей бывшего мужа своей жены. Идея эта состояла в следующем. Все беды России происходят оттого, что русские стали поголовно «совами», то есть любящими поздно ложиться, а утром спать до полудня. Якобы необходимой чертой характера любого пассионарного народа является тяга к ранним вставаниям и, более того, жизни по солнцу. То есть просыпаться на рассвете и ложиться спать через некоторое время после захода солнца.

- Кстати, моя мама именно так и жила всю жизнь, - сказал Прокофьич. - И дожила до восьмидесяти.

- Вот, Прокофьич у нас убежденный «жаворонок». Не зря мы его с собой везем, - засмеялся Белокуров. - Обмолвлюсь только, что был я в Венгрии. Вот уж поистине страна «жаворонков». С наступлением вечера улицы венгерских городов пустеют, а с первыми лучами солнца во всех квартирах трезвонят будильники. Однако говорить о пассионарности нынешних венгров я бы не стал. Страна, имеющая самые астрономические долги в Европе. Но это так, в качестве отступления. Ну и вот, миллионер и бывший муж его жены решили основать княжество Жаворонки, купили большой участок земли на берегу реки Волчицы, понастроили домов, создали колонию ранних пташечек. По уставу жители княжества обязаны вставать перед рассветом, потом все идут на Ярилину горку и вместе поклоняются востоку,

первым лучам солнца, потом голые купаются в реке, причем независимо от времени года - зимой в проруби, весной и осенью в ледяной воде.

- То есть «жаворонки» и «моржи» одновременно, - резонно заметил Прокофьич. - Молодцы какие! Хорошо, что мы к ним едем.

- Не было бы счастья, да несчастье помогло, - согласился Тетерин. - А почему княжество, а не коммуна?

- Коммуна? Да кто ж теперь захочет в коммуне жить! - фыркнул Белокуров. - Нет, тут идея другая. Возродить Россию на принципах средневекового феодализма. Создать по всей стране множество разных княжеств, которые станут как бы опорными сваями в фундаменте будущего возрожденного царства. Я много беседовал с этим Жаворонковым. По-своему выдающаяся личность. Хотя я не знаю, кому в большей мере принадлежат его идеи - ему самому или отцу-основателю.

- А это кто?

- Ну, тот самый, бывший муж его жены. Он по профессии орнитолог, птичник. Кстати, ты, Сергей, кто по профессии?

- Палеоантрополог. Специалист по древним и новым человеческим черепам. У современного человека появилась тенденция к возвращению в палеолитное состояние. Я наблюдаю это по черепам «новых русских».

- И что, серьезно есть такая тенденция? - заинтересовался Прокофьич.

- Серьезно, - улыбнулся Тетерин.

- Непременно выжму из тебя статью для своей газеты на эту тему, - прорычал бестиарий.

- Моя мама будет очень довольна, - вздохнул Тетерин. - Она обожает оппозиционную прессу.

- Кстати, а почему мы оставляем здесь твою маму? Ей не будет угрожать опасность? - встревожился Белокуров.

- Она наотрез откажется куда-либо ехать, - ответил Тетерин. - Такой человек. Патриотка до такой степени, что переезд из одного района Москвы в другой почла бы для себя предательством Родины и сама себя приговорила бы к смертной казни, а меня бы заставила привести приговор в исполнение.

- Вот, не то что некоторые перелетки, - проворчал Прокофьич.

- Отче, я не виноват, что пригрел на груди перелетную змею, - вздохнул главный бестиарий. - Ты мог бы еще вчера предположить, что она спутается с этим ригли-спирминтом? Или как его там?

- Мистером Черри Б… - сказал Тетерин.

- Во-во.

Белокуров с великой тоской, внезапным приступом нахлынувшей на него, посмотрел в окно автомобиля. Они уже выехали на Ленинградское шоссе, до сих пор не переименованное в Петербургское, что наводило на мысль об ожидаемом втором пришествии Ленина.

Еще вчера вечером у него были и Тамара, и Элла. Сейчас у него уже не было ни той, ни другой, и, заглядывая к себе в душу, он мучительно не мог понять, любит ли хоть одну из них.

- Борис! - прозвучал за спиной строгий голос отчима. - Вы что, так и собираетесь разъезжать по стране с пистолетами в карманах?

- Сейчас, Николай Прокофьич, - отозвался Тетерин вместо Белокурова, - половина населения России разъезжает по стране с пистолетами в карманах. А чеченцы даже и с автоматами.

- Ну вы-то не чеченцы, - фыркнул Прокофьич. - Вас любая милиция остановит и схватит за задницу. И будет вам тогда и княжество, и Америка.

- Я свой пистолет не собираюсь выкидывать, - твердо сказал Тетерин. - Это табельное именное оружие моего покойного отца, генерал-майора ВДВ.

- Я со своим парабеллумом тоже не собираюсь расставаться, - сказал Белокуров, хотя и не столь твердо. - Я его добыл в неравной схватке с врагом. Отнял у молокососа, который мне им угрожал, требуя денег. Нет, наши пистолеты останутся при нас.

- Дураки оба, - оценил ответы Тетерина и Белокурова Николай Прокофьич.

- Тамарка наверняка уже сообщила в милицию, что машина номер такой-то разъезжает по Москве, а в ней двое с пистолетами и украденный у законной мамаши ребенок.

- Думаете, она записала или запомнила номер моей машины? - спросил Тетерин. - Вряд ли. Хотя, с другой стороны, его нетрудно выяснить через ту же милицию.

- Будем надеяться, что она, занявшись утешением своего Джерика, еще не успела этого сделать, - вздохнул главный бестиарий.

- Повторяю еще раз: дураки, - сказал отчим.

- Лучше скажи, ты свои права прихватил? - спросил Белокуров.

- Прихватил, не беспокойся, давно пора знать, что твой отчим предусмотрительный человек, - ответил Прокофьич. - Когда за руль?

Вскоре они выскочили на мост, отделяющий Химкинское водохранилище от канала имени Москвы.

Когда выехали из Москвы, Прокофьич поменялся местами с

Тетериным, и вскоре на заднем сиденье спали уже двое - маленький мальчик и взрослый палеоантрополог.

Глава четырнадцатая «Совы»

- никакого модернизьма! Никакого абстракционизьма!

Он тяжелым камнем канул в сон, как в пропасть. Потом, очнувшись, с удивлением увидел себя на заднем сиденье своей «мыльницы». Сбоку от него спал мальчик. Вчерашний чудодейственный мальчик, благодаря которому Сергей Михайлович совершил свой выдающийся подвиг. Он посмотрел на часы, они показывали двадцать пять минут пятого. За окнами машины было еще темно.

- Что за город? - спросил он у Белокурова.

- Тверь.

- Почему стоим?

- Прокофьич увидел милиционера и пошел ему доносить, что мы с тобой вооружены.

- А если серьезно?

- Разузнает, как дальше ехать. Ты чего проснулся? Спи дальше, всего-то проспал два часа.

- Как ни странно, чувствую себя выспавшимся.

Тетерин удивился тому, насколько он и впрямь ощущал себя посвежевшим.

Прокофьич горячо поблагодарил представителя тверской милиции и вернулся за руль.

- Ну что там? - спросил Белокуров.

- Надо было раньше свернуть и переехать на другую сторону Волги. Сейчас переедем по этому мосту, потом направо, еще через один мост, и выберемся на дорогу в Бежецк.

- Зачем нам Бежецк? Нам в сторону Кушалина.

- Это одно направление.

- Не устали, Николай Прокофьич? - спросил Тетерин, когда они ехали по мосту через Волгу. - Я уже в норме, могу вас заменить.

- Из Твери выберемся, и заменишь.

- Афанасий, - сказал Белокуров, когда они уже ехали по набережной, за спиной у памятника ходившему за три моря.

Неведомо почему, но в эту минуту Тетерину стало как-то по-особенному хорошо и уютно. Вспомнилось, как однажды с другом они путешествовали по волжским городам, предавались разным приключениям, охотились на девушек-волжаночек; хотя и не

сказать, что много наохотили, но все равно весело. И как пили великолепное тверское пиво в обыкновеннейшей пивной забегаловке, расположенной неподалеку от этого самого памятника Афанасию Никитину. Нестерпимо захотелось холодненького пивка.

- Надо же, - произнес Николай Прокофьевич, - полжизни прожил в Твери и уже забыл, как по ней ездить.

- Так вы тверичанин? - спросил Тетерин.

- Конечно. И Борис тут родился.

- Борис, а зачем мы все-таки едем туда, в эти Жаворонки? Может, лучше остановиться тут, в Твери? Наверное, ведь есть родственники?

- Никого не осталось, - ответил за Белокурова его отчим.

- А в Жаворонках надежно, - сказал Белокуров. - Так, во всяком случае, меня уверял сам князь Жаворонков. Хорошая новорусская охрана, крепкие стены…

- О-о-о! - покачал головой Тетерин. - Как раз там, где есть хорошая новорусская охрана и крепкие стены, менее всего безопасности. Там-то и грохочут взрывы, там-то и добивают контрольным выстрелом в черепушку.

- Возможно, вы и правы, - вздохнул главный редактор «Бестии», - но это к тому же одно из мест, где нас вероятнее всего не будут шукать. Можно сказать, мы - эмигранты. Спасаемся в пределах другого государства. Как если бы мы были итальянцы и прятались в Сан-Марино.

- Так, а что эти «жаворонки», чем они занимаются, кроме того, что солнцепоклонники? - все-таки зевая, спросил Сергей Михайлович.

- Всем, чем положено гражданам карликового государства, - отвечал Белокуров. - Каждый по своей профессии плюс по той профессии, которая нужна в государстве. Допустим, вы можете заниматься своей антропологией, но должны и землю пахать, и огород обрабатывать. Если, конечно, ваше дело не приносит доход княжеству. Вот, допустим, если я поселюсь в княжестве, я уже не смогу читать лекции в богатом коммерческом колледже в Москве и лишусь основного своего дохода. Придется подыскивать работенку в самом княжестве или придумывать что-то.

- А я запросто могу принимать своих пациентов в княжестве и приносить доход, - сказал Тетерин и коротко поведал о том, как он занимается надомным черепословием.

- Должен вас разочаровать, - покачал головой Белокуров. - Ведь вас могут выследить.

- Потребую от своих пациентов неразглашения.

- Да, вы в лучшем положении, нежели я, - вздохнул

Белокуров. - Но я не жалею. Мне обрыдла моя «Бестия». Как бы я ни оправдывал свою деятельность, она не приносит ровным счетом никакой пользы. Россию газетками не спасти. Вся оппозиция так и остается клапаном для выпускания пара, вместе со всей своей оппозиционной печатью. Нужно что-то совершенно иное. Может быть, княжество Жаворонки? А? Что, если мы придем в восторг, когда увидим там нового русского человека? Не «нового русского», а именно нового русского человека. Меня влечет туда. Мне верится, что там что-то есть. Я мечтаю: родятся такие княжества, пусть даже основанные нуворишами, потом - феодальная раздробленность, пусть даже на незначительной территории страны. В маленьких феодальных ячейках родится сила. Потом явится новый Калита, новый Иван Третий, воссоединят эту силу, новый Дмитрий Донской даст бой новой орде в лице «прогрессивной мировой общественности»… А? Сергей Михайлович? Как вы на это смотрите?

- Мечты, - вздохнул Тетерин. - В одну реку нельзя войти дважды. Когда говорят, Россия гибнет и нужно ее спасать, мне грустно, потому что хотелось бы, чтоб это было так.

- Чтоб Россия гибла? - удивился Белокуров.

- Да, чтобы она еще гибла. Потому что она уже мертва. Что такое невыплата зарплат? Это тыканье иголками, проверка, чувствует ли тело боль, восстанет ли, возмутится ли или оно уже полностью труп. Русскому уже ничего не надобно. А значит, он мертв. Арабы в Египте устраивают демонстрации протеста против бомбежек Ирака. Вы видели хотя бы одну демонстрацию русских против уничтожения сербов? Да что там сербов! Против геноцида русских в Чечне. И я не видел. И даже если ваше княжество «жаворонков» хоть что-то собой представляет - в чем лично я сильно сомневаюсь, - то все равно оно есть не что иное, как волос на теле покойника.

- Волос?.. - потерянно переспросил Белокуров.

- Да, - печально вздохнул Тетерин. - Я с самых похорон своего отца думаю об этом волосе. Если хотите, расскажу.

- Расскажите, - тихо промолвил Белокуров.

- Я, кстати, никому еще не рассказывал. Мой отец был отважным человеком, страстно любил свою Родину - СССР. И он умер именно в год ее убийства, в девяносто первом. Какая-то скоротечная астма… Утром не проснулся, и все. Задохнулся во сне. Я думаю, он задохнулся от горя. Так вот, когда на второй день после его кончины я утром подошел к нему, то обнаружил в его лице что-то не то. И даже не сразу догадался. Оказалось, лицо его было пересечено надвое…

- Пересечено? - вздрогнул Белокуров.

- Да, невероятно длинным волосом, - продолжал Тетерин, задыхаясь от воспоминания. - У отца над правой бровью была маленькая родинка, из которой все время рос крепкий черный волос. Отец его постоянно выдергивал щипчиками. И вот представляете, за сутки, прошедшие после смерти отца, этот волосище вырос длиной в полметра.

- Не может быть! - произнес в ужасе Николай Прокофьевич. - Неужто прямо-таки на полметра?

- Нисколько не преувеличиваю. Я сохранил тот волос, измерил его. Пятьдесят сантиметров с гаком. Он легко выдернулся и потом уже больше не рос. В день похорон его не было. Всю свою силу он бросил в этот отчаянный скачок тогда, в первый день смерти отца. Он словно кричал: «Встань! Поднимись! Смотри, как я нахально вымахал! Выдерни меня!» Все, что сейчас происходит в России, - как тот волос. Раньше стоило ему чуть высунуться - дерг! - и его опять нету. А сейчас некому выдернуть, и он прет, он лезет, крича: «Встань! Воскресни! Выдерни меня!» Но страна державная спит мертвым сном, не встанет, не выдернет. Жизнь костей и роговицы продолжается в мертвом теле и еще долго будет продолжаться, но это жизнь - в трупе.

- Оторопь берет от ваших слов, - поежился Белокуров.

- Могилой повеяло, - сказал его отчим. - Может, замените меня за рулем? Хоть мы и в трупе, а мне отдохнуть надо.

- Охотно.

Они остановились, поменялись местами. Некоторое время ехали молча, хмуро, потом Белокуров сказал:

- Мне бы все-таки хотелось видеть все более поэтически, ну хотя бы как в сказке про мертвую царевну. Придет добрый молодец, поцелует, приголубит - и мертвая окажется спящей. Проснется и встанет. А Лазарь? Тот ведь и не спящий даже, а по-настоящему мертвый лежал во гробе. Смердил! Однако пришел Спаситель и поднял его из гроба.

- Если только сам Спаситель придет, - отозвался на эти слова Тетерин. Ему и самому не хотелось верить в собственные рассуждения. Хотелось быть как Белокуров, оптимистом. Но он оставался пессимистом и палеоантропологом, он видел Россию уже в качестве объекта раскопок.

- Как знать, - сказал Белокуров, - может, Он и придет, Спаситель наш, человеколюбец Христос. Ведь есть в России люди, и молодые, и умные, и образованные, которые искренне в Него верят. Да я позавчера как раз с таким познакомился. Кстати, он поехал к своему духовнику, живущему тоже где-то в Тверской области. Можем и туда съездить.

- А вы знаете, Борис…

- Мы, кажется, уже на «ты» перешли после того, как пистолетами вместе помахали.

- Извини. А ты знаешь, Борис, что в твоем сыне четыре души?

- Не-е-ет! Это еще что за галиматья?

- Вот ты сказал о человеколюбце, а ведь я твоего сына, знаешь, откуда вытащил? Из общества сознания Ч.

- Какого-какого сознания?

- Ч.

И Тетерин, не забывая о дороге, поведал Белокурову и Николаю Прокофьевичу обо всем, что произошло с ним в четверг и пятницу. Белокуров слушал внимательно и взволнованно, изредка вставляя: «Ничего себе!» или: «Туши свет лопатой!». Тетерин старался ничего не упустить, ничего не утаить, как на духу. Когда он окончил свою повесть, Белокуров произнес:

- Ну и ну! А Тамара-то!.. Как же мне благодарить-то вас?

- Тебя.

- Да, прости, тебя. Да ведь ты подвиг совершил. В уме все сразу не укладывается. Четыре души? Как же этот Чернолюбов вычислил моего Сережку?

- Это нетрудно сделать, обзвонив родильные дома.

- Но Сережка и впрямь не только родился четвертого июля девяносто четвертого, но и зачат был именно четвертого октября девяносто третьего. Подумать страшно… Что же они намеревались с ним сотворить?

- Не знаю, честно говорю: не знаю, - сказал Тетерин.

- И Чикатило… - бормотал Белокуров. - Вы уверены, что это был он?

- Не уверен, но вполне мог быть и он. Вы смотрели фильм «Ее звали Никита»?

- Смотрел. Да, и я, кстати, тоже думал тогда о Чикатило. Боже!.. Одни ждут человеколюбца, другие - какого-то Ч. Черта, должно быть.

- В том-то и дело, что все ждут какого-то Ч. Самые счастливые ждут Ч-еловеколюбца Христа, другие - ч-уда, третьи - просто ч-его-нибудь, четвертые - Ч-ада, пятые - ч-еловека, шестые - ч-еченцев, а есть и такие, которые ждут ч-ерта, Чикатило, ч-ародеев, ч-удищ…

- Вы, я вижу, крепко вляпались в эту ч-есоточную ч-философию.

- Втянуло. Еле спасся.

- А заодно и сына моего спасли. Тьфу ты! Опять мы на «вы» съехали!

- А может быть, останемся на «вы»? Так хорошо! Давайте, я буду называть вас Борисом Игоревичем, а вы меня - Сергеем

Михайловичем.

- Согласен. Тогда надо будет выпить на брудершафт наоборот. Действительно, есть некое очарование в наименовании друг друга по имени и отчеству. Когда я приехал впервые в гости ко Льву Николаевичу Гумилеву, то, представляясь, назвался Борей. Он сразу лукаво сощурился: «Американец?» Я говорю: «Почему американец?» - «Да ведь только они друг друга так называют: Билли, Джонни, Джимми - а у русских положено звать друг друга по имени-отчеству». Хороший был человек Лев Николаевич. Царствие ему небесное.

- Надо же! Вы и с ним были знакомы!

- Да, печатал отрывки из его работ в «Бестии», когда она была еще «Курком». Так, нам, главное, не пропустить поворот. Судя по схеме, оставленной мне князем Жаворонковым, мы к нему уже приближаемся. Там указатель должен быть: большая жестяная птица.

- Если ее еще не стырили, - усмехнулся Тетерин. - Кстати, вот ваши «жаворонки», к которым мы так устремляемся. Тоже небось с тараканами в головах, не лучше этих ч-удаков. Такая же «заум синрикё».

- При чем тут «заум синрикё»?

- При том. Только бы увести куда-то очередной бредовой идеей. Сукой асахарой, демократией, броском на юг. А эти - жаворонками. Почему жаворонками? Чем, к примеру, хуже тетерева?

- Это потому, что вы Тетерин?

- Ну не тетерева. Соловей, к примеру. Чем плох соловей? Самая знаменитая певчая птица, и уж побольше символ России, чем жаворонки. Курский соловей, алябьевский. Если великий поэт, то - соловей России.

- Пушкина-то как раз солнцем поэзии называют.

- Пушкина… Ну все равно. Соловей ничем не хуже жаворонка, а как раз по ночам поет. Всю ночь поет, с вечерней зорьки до утренней. И рыба ночью не спит. И многие звери. Почему надо брать пример только с одних представителей живой природы? Кстати, Пушкин, кажется, тоже по ночам писал. И Достоевский. Нет, я лично не смогу с «жаворонками» ужиться. Чёрта мне эти «жаворонки»! Отвезу вас и уеду. Не знаю только, надо ли мне вообще прятаться от мести священного Ч. Может, оно меня и в Жаворонках достигнет? Раз оно всюду, куда ни глянь. О! Эта, что ли, птица?

- Она самая. Сворачиваем. От нее еще десять кэмэ.

Свернув на проселочную дорогу, Тетерин снова подивился тому, как за какие-нибудь два часа ему удалось сбить сон. Он

чувствовал себя бодро и весело, даже несмотря на мрачные беседы о мертвой России. Еще он удивлялся тому, как его мотает: только что с трудом вылез из Ч, и вот уже лезет в Ж, в жаворонство, хотя, судя по всему, хрен редьки не слаще. Глядишь, и там придется кого-нибудь шарахнуть по черепу, чтоб образумился. Вот тебе прикладное черепословие. Точнее - рукоприкладное.

Ему захотелось рассказать Белокурову о своем открытии в области русского черепа, но тут он увидел, что Белокуров задремал. По-видимому, позволил себе расслабиться, когда вырулили на финишную проселочную. Пришлось Тетерину в одиночестве размышлять о том о сем, а больше - ни о чем. Так он проехал нареченные Белокуровым «десять кэмэ» и, выехав из темного леса, увидел впереди широкое поле, лишь слегка подернутое предрассветным тусклым сиянием, а вдалеке за полем - дома и высокий дом-дворец, слева от которого виднелась какая-то стройка. Чем больше «мыльница» приближалась к конечному пункту путешествия, тем сильнее пахло чем-то неприятным, серой что ли? Серой и илом.

Машина поднялась на пригорок, и Тетерин увидел там, где разворачивалась стройка, некие разливы черного цвета.

- Ч, что ли, разлилось тут? - усмехнулся он.

- А? - мгновенно пробудился Белокуров.

- Я говорю, у них тут потоп какой-то ч-ерный. Не иначе как Ч разлилось.

- Не шути так. То есть не шутите.

- Да ладно, мы же на брудершафт наоборот не пили еще. Куда подъезжать будем?

- Вон к тому дворцу. А кстати, какой-то мужик идет.

Княжество окружал сравнительно невысокий забор, состоявший из кирпичных башенок и металлических прутьев. У ворот возвышалась будка стражи, из которой вышел человек внушительных размеров и приблизился к остановившейся «мыльнице».

- Привет жаворонкам! Совы прилетели, - как можно развязнее произнес Белокуров, открывая окно машины.

- Здравствуйте. Ваши документы, - вежливо попросил страж, правда, удовольствовался паспортом Белокурова, который пояснил:

- Мы по приглашению князя и княгини. Редакция газеты «Бестия», в которой пропагандировались идеи вашего княжества. Не читали?

- Читал. Нам раздавали. Проезжайте. Князь за границей, а княгиня тут. Только у нас бедствие. Чуете, воняет как? Хоть цветы

выноси. Подземные грунты поперли.

- Какие еще грунты?

- Там пещера у нас, так ночью из нее вытекло черное что-то.

- Посмотрим. При нас тут специалист по всяким таким ч-резвычайным происшествиям.

Белокуров подмигнул Тетерину, нарочито выделив голосом букву «Ч»: «черезвычайным». Тут Сергей Михайлович снова почувствовал себя каким-то персонажем, с которым творят что хотят. Уж не издевается ли над ним Белокуров?

Ворота открылись, машина въехала в княжество, в которое пока еще можно было попасть без визы и загранпаспорта. Дома справа и слева проплывали добротные, некоторые о двух этажах, но в основном одноэтажные. Лишь в одном доме горело окно. Зато в четырехэтажном здании дворца зажглось пять или шесть. Из подъезда навстречу гостям выходили люди: двое такие же, как привратник, высокие и широкоплечие, один обыкновенный.

Тут у Тетерина челюсть отвисла, и он пуще прежнего почувствовал себя персонажем какой-то глупой книжонки. Этот обыкновенный, приближаясь к ним, вытаскивал из-за спины не что иное, как арбалет. но удивительно было даже не это, а то, что он тоже был… Белокуровым. Двое его спутников, вытащив из карманов пистолеты, направили их на несчастную «мыльницу». Приезжие «совы» были окружены и поставлены под прицел. Тетерин взглянул на Белокурова. Тот выглядел обескураженным. Наружный Белокуров, арбалетчик, все же слегка отличался от него: не такой толстый и без усов.

- Всем из машины! - скомандовал безусый Белокуров.

Тетерин и усатый Белокуров подчинились.

- Руки вверх, совы! Руки за голову!

- Тогда уж не руки, а крылья, - заметил Тетерин, нехотя поднимая свои «совиные крыла» за голову.

- Я те ща дам крылья! - рявкнул один из телохранителей безусого Белокурова, тыкая Тетерина постолетом под ребро и начиная обыскивать. Именной пистолет генерал-майора ВДВ Тетерина перекочевал в руки арбалетчика. - На землю! Ничком! - продолжал распоряжаться телодвижениями Сергея Михайловича громила.

Падая от болезненного тычка в поясницу, палеоантрополог заметил, что пистолет Белокурова усатого тоже достался Белокурову безусому.

- Приехали, блин! - проворчал Тетерин, укладываясь ничком на холодную, твердую землю.

- Так вы и есть отец-основатель? - раздался голос Белокурова. - Мне князь говорил, что я похож на вас. Теперь вижу, и впрямь

сходство изумительное. Только вы худощавый и без усов. Я - Белокуров, главный редактор газеты «Бестия».

- А это кто с вами? - спросил отец-основатель.

- Знаменитый палеоантрополог Сергей Михайлович Тетерин, лучший специалист по разного рода раскопкам, - отвечал Белокуров.

- Можно встать? - спросил Тетерин.

- Извините, - пробормотал громила, помогая Сергею Михайловичу подняться с земли. - Ошибка получилась.

- Сколько ж можно ошибаться-то? - обиженно простонал Тетерин, вставая и припоминая, как вчера его ударили по голове в подъезде собственного дома, тоже по ошибке. - Этак по ошибке все население страны перебьете.

- Простите нас ради Бога, - сказал безусый Белокуров, возвращая Тетерину отцовский пистолет, а Белокурову усатому - его парабеллум и паспорт. - Напрасно вы на КПП назвались совами. Дежурный сразу тревогу поднял. Мы давно уже ждем нападения сов. Кое-кому не нравится существование нашего княжества. Добро пожаловать, меня зовут Владимир Георгиевич Ревякин.

- Вы что, действительно просто двойник? Не брат ему? - спросил Тетерин, пожимая руку отца-основателя. - Потрясающее сходство.

- Доселе у меня таких братьев не было, - отвечал Ревякин. - Прошу вас во дворец.

- Надо будет ваши черепа прощупать, - сказал Сергей Михайлович. - Может статься, вы и в краниологическом отношении двойники, а это очень много значит для вас обоих.

Николай Прокофьевич осторожно вытаскивал из «мыльницы» спящего мальчика. Освободив машину, препоручили ее одному из телохранителей, который отогнал ее в гараж. Ревякин провел гостей в просторный и чистый холл. Здесь было светло и уютно, и сразу снова захотелось спать, но отец-основатель заявил:

- Приготовьтесь встречать рассвет, осталось чуть меньше часа. Покамест размещайтесь, вот вам ключи, подниметесь на второй этаж, и - последняя дверь в левом крыле. Окна не открывайте: запах.

- А что это? - спросил Николай Прокофьевич.

- Сегодня ночью из-под земли забил какой-то пока не изученный источник. С ним еще предстоит разобраться. Через полчаса жду вас внизу, - повелительно сказал отец-основатель.

- Я останусь при малыше, - сердито возразил Николай Прокофьевич.

- Разумеется, - разрешил Ревякин.

«Совы» поднялись на второй этаж, где их ждал двухкомнатный номер с ванной и туалетом, как в хорошей гостинице или санатории. На полу - ковры, добротная мебель, на стенах - картины. Старик с малышом заняли одну комнату, Белокуров и Тетерин - другую.

- С удовольствием лег бы спать, - сказал Белокуров, - но ужасно хочется посмотреть, как они встречают рассвет.

- Это что, особый у них ритуал? - спросил Тетерин, позевывая.

- Да. Они же - птицы.

Тетерин первым принял душ, потом уступил место Белокурову. Освежившись, они вдвоем спустились в холл, где им на сей раз встретились две женщины, одетые в одинаковые балахоны из толстого темно-красного бархата. Одна постарше, коротко стриженная брюнетка с выразительным, несколько игривым взглядом, высокая. Другая помоложе, длинноволосая блондинка, казавшаяся растерянной и виноватой, худенькая и маленькая. При виде гостей обе вскочили с кресел и вытаращили глаза.

- Доброе утро, - сказал им Белокуров.

- Здравствуйте, - произнес Тетерин, гадая, кто они такие. Обе на вид были недурны, и он был бы не против, если б их приставили к ним в качестве… ну, допустим, сопроводительниц.

- Бог ты мой! - воскликнула брюнетка. - Смотрю и не верю глазам своим: отец-основатель, только располневший и с усами! Вы что - брат?

- Этот вопрос нуждается в выяснении, ради которого я, собственно, и приехал, - отвечал Белокуров. - Борис. А это - специалист, который будет проводить экспертизу нашего родства с отцом-основателем. Его зовут Сергей Михайлович. Ему принадлежит открытие питекантропов на территории современной демократической России.

- Очень приятно, - сказала брюнетка, улыбаясь и протягивая руку Белокурову, который, судя по всему, ей сразу почему-то приглянулся. - Я княгиня Жаворонкова. А это моя фрейлина, Марина Волкова.

- Ва-а-аше высочество! - прогудел Белокуров, припадая губами к руке княгини. - Какая честь для меня тотчас быть познакомленным с вами! Князь говорил мне, что вы - дивная красавица.

- Это не соответствует истине?

- Еще как соответствует!

- Отчего же сразу не признали во мне княгиню?

- Признал, но боялся в этом признаться, - отвечал Белокуров.

Тетерин заметил, что он уже не выглядит таким

встревоженным, как ночью, в нем проснулась какая-то вальяжность, которая, вероятно, должна нравиться женщинам. Сергей Михайлович не имел привычки целовать руку женщинам, но тут смутился и повторил подвиги Белокурова.

- Вы старший брат Володи? - спросила фрейлина Марина.

- Я же говорю, это еще под вопросом, - улыбался, подкручивая усы, Белокуров.

- Я серьезно.

- И я серьезно. Возможно, Володя - плод не вполне удачного клонирования. Худощавая и безусая копия меня.

- А что, если вы - толстая и усатая? - улыбалась княгиня.

- Исключено.

Неизвестно, сколько бы еще продолжался этот бестолковый разговор, если б не появился отец-основатель. На нем тоже был толстый бархатный балахон, только темно-синий. Тетерин хотел спросить, почему им с Белокуровым не выдали спецодежду, но не решился.

Отец-основатель поздоровался с княгиней и фрейлиной, после чего те взмолились:

- Отец-основатель, простите нас!

- Володя, прости меня, глупую! Я просто хотела проверить, любишь ли ты меня.

- Проверила?

- Да.

- Ну и что теперь?

- Я видела, как ты переживал… То есть мне Екатерина Петровна рассказала, что ты был вне себя от горя и готов был сразиться с кем угодно.

- Спасибо огромнейшее вам, ваше высочество, и вам, Марина Андреевна, за то, что полночи я спал с разбитым окном, - сердито отвечал отец-основатель. - Идемте, осталось пятнадцать минут.

- Володя! - жалобно окликнула фрейлина направившегося к дверям отца-основателя. - Ты простил меня? Наша свадьба…

- Наша свадьба под вопросом, - резко оглянувшись, промолвил Ревякин, решительно кашлянул и вышел вон.

- Брак под вопросом, брак под вопросом… - пробормотала княгиня Жаворонкова, следуя за отцом-основателем.

- Как под вопросом?.. - жалобно прошептала фрейлина.

Выйдя из дворца, Белокуров и Тетерин были подхвачены под руки Ревякиным, который торопливо уводил обоих от княгини и ее фрейлины, бодро вещая:

- Итак, дорогие гости, вы прибыли самое вовремя - как раз к трехлетнему юбилею, который мы будем торжественно отмечать в грядущий четверг, первого мая. Да, княжество Жаворонки - очень

юное государство, оно было основано ровно три года назад мною, Владимиром Ревякиным, при высочайшей благотворительности, или, как принято сейчас выражаться, спонсорстве, одного из богатейших людей России, который принял на себя титул князя Жаворонкова. Территория княжества - полтора квадратных километра, население - триста девяносто семь человек. Для сравнения Ватикан, самое мизерное государство в мире, имеет площадь полкилометра в квадрате, на которой проживает пять тысяч человек. Так что плотность у нас меньше, чем в Ватикане. Кстати, если вы захотите поселиться у нас навсегда, то станете триста девяносто восьмым, триста девяносто девятым и четырехсотым жителями, а ваш малыш - четыреста первым. Его ждут особые привилегии. Четыреста первый житель, появившийся в год трехлетнего юбилея… Согласитесь, что он должен быть отмечен особыми милостями князя.

- Стоит подумать, - сказал Белокуров.

- Тем более что в нем четыре души, - пробормотал Тетерин, но его не услышали, поскольку отец-основатель продолжал экскурсию:

- Семьдесят процентов населения княжества - русские, десять процентов

- белорусы, семь процентов - украинцы, три процента - евреи, далее уже идут нации, составляющие по одному проценту и меньше, - немцы, таджики, датчане, армяне, абхазцы, татары, и, наконец, есть народы, представленные в единственном числе, - грузин, азербайджанка, лезгин, индус, китаянка, кореец, араб, эстонка, венгр, мордвин, монгол и даже один баск. Вы все русские?

- Увы, - вздохнул Тетерин, - кажется, мы не внесем разнообразия в многонациональную палитру вашего государства.

- Ну и не надо, - сказал Ревякин. - Как ни крути, а государство у нас русское, официальный язык - русский, денежная единица - российский рубль. Основная религия - солнце, но есть православные протестанты и мусульмане. Столица - замок Алуэтт, который в данное время находится в стадии строительства, а с прошедшей ночи вдобавок еще и затоплен неизученными подземными извержениями.

- Алуэтт? - удивился Белокуров. - «Жаворонок» по-французски?

- Такова прихоть князя, - вздохнул отец-основатель. - По государственному устройству наше княжество - уставная монархия. Глава государства - князь. Уставный орган - совет отца-основателя, то бишь я плюс четверо моих советников: по сельскому хозяйству, по финансам и планированию, по

экономике и строительству, а также по идеологии, образованию и культуре.

- Готов стать советником по печати и информации, а Сергей Михайлович - по раскопкам и черепословию, - сказал Белокуров.

- Спасибо, я подумаю, - улыбнулся отец-основатель. - Итак, помимо основной территории мы владеем несколькими земельными участками, разбросанными по округе. Мы называем их колониями. В колониях мы имеем также свиноферму и мясо-молочный комбинат, довольно большое поголовье коров и свиней. Здесь у нас есть овцы и козы, тоже в немалом количестве. Небольшая конюшня. В будущем запланировано строительство крупного конного завода.

Говоря это, он вел их на высокий холм; с него открывался вид и на реку, и на долину, в которой раскинулось окруженное холмами и лесами княжество. Следом за отцом-основателем и его гостями шли толпы жителей этого карликового государства во глубине России, все наряженные в балахоны

- женщины в темно-красные, мужчины в темно-синие. Тетерин обратил внимание, что женщин гораздо больше, чем мужчин, и много красивых и молодых. Сергей Михайлович чувствовал, как ему делается все хуже и хуже, и именно оттого, что все это было и не сон, и не явь, а нечто среднее, непонятное, невероятное. Втемяшилось же в голову такое! Аж подташнивало, до чего противно и хочется проснуться дома, живым и обыденным, таким, как всегда. Но впрочем, углубляясь в эти гниловатые мысли о собственном небытии, Сергей Михайлович должен был признаться себе, что они и раньше, давно уже посещали его: и когда он стал зарабатывать у «новых русских» огромные бабки, и еще раньше, когда рухнул монолит страны, когда умер отец, когда из его брови вырвался и вырос тот буйный и непокорный волос, когда лопнули все запреты, когда ожили и сошли с постаментов памятники, когда сатанинская изогнутая змеей и перечеркнутая сверху вниз буква заменила собой привычное соединение креста и полумесяца, жившее доселе под видом серпа и молота.

Отец-основатель продолжал хвалиться достижениями жаворонковского хозяйства, оранжереями, посевными площадями, теплицами, производством льна, охотничьими и грибными успехами, рыбной ловлей, кожевенной промышленностью.

- Трудно поверить, что при таком небольшом населении… - сказал Тетерин.

- Жизнь по солнцу! - торжествуя, произнес отец-основатель. - Только она способна вдохновлять людей на труд, на радости, на

свершения. Она делает их бодрыми, активными, трудолюбивыми и жизнелюбивыми. Вы сами убедитесь в этом, и очень быстро. Живя в окружении пассивного и вялого населения России, «жаворонки», то есть люди, предпочитающие рано вставать и вовремя ложиться спать, теряются, становятся такими же, как все. Здесь мы освобождаем их от тяжкой обузы, которую представляют собой соотечественники, и они расправляют крылья, душа их дышит и поет, они становятся теми, кем создал их бог Солнце. Но мы продолжим нашу беседу после. Теперь прошу вас встать вот тут. Если душа подскажет вам, что вы хотите сделаться такими же, как мы, не стесняйтесь, молитесь, поклоняйтесь, сбрасывайте с себя тяжкое бремя накопленных предрассудков.

Белокуров и Тетерин встали чуть в сторонке от отца-основателя и остальных главных лиц княжества, включая княгиню, фрейлину и, по-видимому, членов совета.

- Во имя солнца, всемилостивого и всемогущего! - возгласил отец- основатель. - Солнце, милостиво будь к нам, птицам твоим. Солнце, в лике которого Бог Отец и Бог Сын и Бог Дух Святой, и Аллах, и всякое верховное божество является над землею, чтобы питать жизнь и дела наши, снизойди на нас, выгляни и открой день новый, дабы мы могли послужить тебе верой и правдой.

Тут он встал на колени, и все последовали его примеру. На востоке вот-вот готов был прорезаться первый луч. Белокуров и Тетерин переглянулись, оба дружно вздохнули - делать нечего, встали на колени.

- Слава тебе, бог Солнце, слава тебе! - продолжал громко молиться отец-основатель. - Царь небесный, оживитель душ наших, приди и вселись в сердца наши, очисти нас от ночной тени и подай нам жизненные силы, ибо мы всем сердцем поклоняемся тебе, богу единому и самому светлому!

Тут все поклонились, припав лбами к земле. Тетерин и Белокуров вновь переглянулись, но на сей раз не последователи примеру солнцепоклонников.

- Не поднимем лиц наших от сырой земли, покуда не явишь нам светоносный лик свой, Ярило-бог! - прозвучал несколько приглушенно голос отца-основателя. - Явись, бог Солнце, явись нам! Благословенны будут твои птицы жаворонки, исшедшие из гнезд своих во сретенье тебе.

В следующий миг Тетерин вздрогнул. Он ожидал, что рассвета предстоит ждать еще сколько-то, но первый луч солнца вдруг ужалил его прямо в глаз, и мощный, дружный вздох облегчения и радости прокатился по множеству рядов солнцепоклонников, покрывших собою весь обширный холм сверху донизу. Это впечатляло. Чувствовалось, что отец-

основатель хорошо знает, когда именно проклюнется рассвет и когда надо произнести последние слова предрассветной молитвы.

- Ух ты! - послышалось, как прошептал Белокуров.

- Слава тебе, солнце наше, слава тебе! - воскликнул отец-основатель, отрывая лицо от земли и выпрямляясь, но не вставая с колен.

Теперь уже все вокруг что-то бормотали. Это продолжалось во все время, покуда диск солнца выпрастывался из-за горизонта, а когда он наконец весь вышел наружу, отец-основатель встал с колен и громко произнес:

- Поздравляю вас, жаворонки, с новым днем солнца! Проживем же его так, как предписывает нам устав, и начнем его с омовения, как и начинали со дня нашего первого поклонения.

Все стали подниматься с колен. Вставая, Тетерин ужаснулся, услыхав, как внутри него молнией промелькнул голос ч-носца Святослава Зиновьевича, пропищавший: «Че наш, иже еси на небесех…» Тошнота подступила к горлу Сергея Михайловича, судорога скрутила грудь, и его бы вырвало, если б желудок не был пуст.

- Боже! Куда меня опять занесло! - произнес он. - Из Ч в Ж. Из одного кощунства в другое!

- Да, - раздался голос Белокурова. - Есть что-то кощунственное во всем этом. Идемте посмотрим, как они будут нырять нагишом в реку.

- Надо ли? - усомнился Тетерин. Он сел на землю и стал смотреть на солнце. Впервые в жизни оно было ему противно.

- Может, и не надо, - согласился Белокуров и сел рядом с Сергеем Михайловичем. - Ну что, выспимся тут и поедем куда подальше отсюда?

- Пожалуй, - кивнул Тетерин. - Только куда?

- К тому священнику… Недалеко отсюда, часа полтора-два езды. У меня есть адресок. И там встретим Пасху, как положено христианам. Ведь мы же православные. Только заблудшие. Нам пора туда. Сразу надо было туда, да я вот в ночных страхах не сообразил, сюда поехал. Приехал, нечего сказать! К язычникам.

Глава пятнадцатая
Мало сов - еще и зорянки!

- Невозможно работать.
- Вы даете нереальные планы.
- Это… как его… Волюнтаризьм!
- В моем доме не выражаться!

Он убегал. Убегал от Марины. Сам удивлялся тому, как это он мог затеять женитьбу с ней. Теперь он отчетливо сознавал, что нисколько не любит ее, потому что любит только Катю. Мало того, хуже того - он осознавал, что княжество и «жаворонки» есть полный бред. Все получилось не так, как замышлялось им, и он видел, что поздно что-либо исправлять. Напрасно он соблазнился деньгами Катиного мужа, напрасно с такой легкомысленностью согласился строить царство «жаворонков» подле пещеры с ублиетткой. Ночное зловонное извержение - лишнее тому доказательство. Следовало ограничиться бедной колонией, а не зариться на проекты дворцов и замков.

Он сердился и раздражался все больше, да к тому же обе предыдущие ночи скверно спал. Можно сказать, почти не спал вовсе. И потому все теперь казалось полным бредом. Да и разве не бред, что один из приехавших сегодня под утро гостей как две капли воды похож на него? Только полнотелый и усатый. И разве не бред, что Катя сказала ему только что, совершая вместе с ним обряд утреннего омовения: «Теперь хочу тебя того - усатого»? И смеялась так, как смеется, затевая очередной взбалмошный проступок. Теперь, приближаясь к гостям, Владимир Георгиевич с ненавистью рассматривал своего толстого и усатого двойника, понимая, что Катя во что бы то ни стало охмурит этого с виду добродушного малого.

- Ну что же вы? - спросил он. - Постеснялись?

- Да как-то… с первого раза… - пробормотал в ответ двойник.

- Вот оно, вот оно, вот оно! - заворчал, еле сдерживая злобу, Ревякин.

- Ханжество-то человеческое. Раздеться целомудренно, являя себя солнышку, стесняемся. А втайне, совершая какой-нибудь блуд, не стесняемся обнажаться. А бог-то все равно нас видит, наготу нашу - и ту, и эту. Бог солнце в наготе к нам приходит, в священной наготе. А когда мы в грешной наготе тайнодействуем, он не приходит, но видит нас.

- Аминь, - шутливым тоном произнес двойник, видимо, пытаясь сменить пластинку.

- Ну ладно, - вздохнул отец-основатель. - Что-то я накинулся на вас с нравоучениями с утра пораньше. Пойдемте, я покажу вам наши достижения народного хозяйства. На чем я остановился, когда мы прервали беседу?

- На том, что России нужна жизнь по солнцу, - подсказал второй гость, имя которого, как и имя двойника, почему-то выпало из памяти Владимира Георгиевича, подпорченной бессонными ночами. Он помнил только, что тот, который двойник, работает редактором газеты, а его спутник - специалист по раскопкам.

- Именно по солнцу, друзья мои, именно по солнцу, - сказал Ревякин и умолк, чувствуя, как эта жизнь по солнцу уже в печенках у него сидит.

- Хм… - кашлянул редактор-двойник. - Послушайте, дружище, а ведь вы и впрямь на удивление похожи на меня, а я - на вас. Мы могли бы вместе рекламировать какое-нибудь средство для похудения. Я бы говорил, что я - это я до того, как стал пользоваться средством, а вы бы уверяли дураков, что вы - это я после.

Специалист по раскопкам рассмеялся. Отец-основатель тоже сделал вид, что ему очень смешно. Он стал собираться с мыслями, что делать и что говорить дальше, но ему не дали. Внезапно прямо перед ним выросло свирепое бородатое лицо, оснащенное стальными и страшными глазами и ощеренным ртом, в котором виднелось отсутствие нескольких зубов. Не успел Владимир Георгиевич припомнить, как зовут этого бывшего «жаворонка», сбежавшего год назад, а на него уже обрушилось гневное:

- Опомнись, покайся, нечестивый изверг Максенций! Доколе будешь улещать невинные души своей поганой ересью? Окстись, нечестивый лжеучитель! Дождешься такого затмения солнца, что сера с небес посыплется и огонь, аки на Содом и Гоморру. Вот оно, смердящее изгноение твоей лжеверы! - бывший «жаворонок» указал рукой в сторону основания замка, затопленного извержениями ублиеттки. - А коли не прекратишь бесстыдных своих радений, то и вся местность разверзнется, ад и сера поглотят тебя и твоих присных!

- Слава! - позвали бывшего «жаворонка» приближающиеся к месту обличения скорняки Андрей и Гена.

Тотчас Владимир Георгиевич вспомнил, что этот Слава работал у них в княжестве, плитку клал, цементировал, только рано вставать ему тяжело было.

- Погодите вы! - огрызнулся на скорняков обличитель ревякинской ереси.

- Опомнись, говорю тебе, Максенций! - вновь обратился он к отцу- основателю, который никак не мог смекнуть, почему он именует его этим странным именем. - Покайся, лжемессия, покайся!..

- Слав! - с надрывом воскликнул скорняк Андрей, подойдя и схватив обличителя за локоть. - Ну ты чё? Кто тебя просит? Уходил же, так и уходи! Отец-основатель, простите его! Он у нас ночевал сегодня, а поутру продолжает путь к какому-то священнику на Пасху.

- Пусти меня! - вырвался бывший «жаворонок». - Изыди, сатана!

Тут он размашисто осенил отца-основателя крестным знамением, потом громко плюнул Владимиру Георгиевичу под ноги и зашагал прочь.

- Простите, отец-основатель, - сказал Андрей и вдвоем с Геной направился в другую сторону.

На душе у Ревякина было погано. Надо же и еще при этих нежданных гостях!

- Не обращайте внимания, - пробормотал он. - Это такой гусьлапчик, что не приведи Бог.

- А почему он вас называл Максенцием? - спросил специалист по раскопкам.

- А пес его знает! - пожал плечами Владимир Георгиевич.

- Вероятно, был такой ересиарх, хотя я впервые слышу это имя, - сказал редактор газеты.

- Он когда-то слыл у нас хорошим работником, - сказал Ревякин, оправдываясь. - Но, как сейчас говорят, он по жизни с прибабахом. В свое время пил без продеру, потом ему стали черти мерещиться, он от них побежал, да попал прямо в лапы «Аум Синрикё».

- Ничего себе! - подивился редактор. - Интересно бы с ним побеседовать.

- Ничего интересного, уверяю вас, - возразил отец-основатель. - Дурак несусветный. Потом трагедия в токийском метро, он струхнул, должно быть, прибегнул к органам и всех асахаров своих предал. А куда-то дальше надо? Год болтался еще в какой-то секте, покуда не пришел к нам, в жаворонки. Небось еще и про нас сведения в ФСБ поставлял. Потом и у нас ему надоело, ушел и теперь, видимо, предался самому осатанелому православию.

- Осатанелому? Хм! - хмыкнул редактор.

- Ну озверелому, - поправился Ревякин и тоже неловко.

- Извините, отец-основатель, - сказал специалист по

раскопкам. - Нельзя ли нам теперь пойти поспать? Валимся с ног, ночь не спали. В глазах все плывет.

- Я тоже в таком состоянии, - признался Ревякин и повел гостей во дворец. - Поспим часиков пять, а потом я вам все-все покажу. Уверяю вас, вам не захочется покидать наше княжество. У нас так хорошо, как нигде в России!

Он натужно улыбнулся, стараясь привлечь гостей на свою сторону. Но тут душа его застонала, поскольку к ним приближались Катя и Марина. Княгиня тотчас взяла под руку ревякинского двойника и, что-то быстро шепча ему, отодвинула в сторону, повела вперед быстрее, а Марина прильнула к Ревякину:

- Воло-о-одечка!

- Что? - сурово спросил Ревякин и остановился.

Специалист по раскопкам растерянно оглянулся и пошел следом за княгиней и уводимым ею редактором, не догоняя их.

- Прости меня, Володенька! - хлопала своими красивыми, но теперь глупыми глазами Марина. - Я больше так никогда не буду. Я осознаю свою обшибку. Ну хочешь, устрой мне предсвадебную порку.

Она кокетничала, нарочно произнесла «обшибку», уверенная, что он смягчится и простит. Но она была ему сейчас противна, и он зло оборвал ее:

- Предсвадебную? Ни предсвадебной, ни послесвадебной порки не будет. Как и самой свадьбы. Я окончательно передумал жениться. Отец-основатель должен быть холост - таково мое постановление.

Кокетство вмиг слетело с Марины, лицо стало бледным и оскорбленным.

- Вот как? - промолвила бывшая невеста. - Из-за невинной шутки?

- Ничего себе невинная! - вспыхнул Владимир Георгиевич.

- Глупая, я согласна, но невинная, - сказала Марина. - Значит, ты просто не любил меня никогда, вот что.

- Понимай как хочешь, - сказал Ревякин и, оставив несчастную Марину, зашагал в сторону замка.

Мысли его путались, он не знал, правильно ли поступает, отвергая Марину, он проклинал себя, что согласился строить княжество тут, зная о странной повышенной гравитации в этой местности, он мечтал оказаться сейчас с Катей далеко-далеко отсюда, в том давнем Крыму, когда он сказал о себе: «муж грузоподъемностью два чемодана», но больше всего хотел упасть, зарыться лицом в подушку и проспать до самого заката.

Но и дома ему не было покоя. Столяр Майоров заканчивал работу по восстановлению окна.

- Не иначе как Славка, плиточник бывший, постарался, - заметил он. - Говорят, он ночевал нынче в Жаворонках. Мутил умы против вас. Найти его и гнать в шею.

- Он уже побеседовал со мной, - ответил Владимир Георгиевич. - Ушел он.

- Не спросили его насчет окна?

- Нет.

- Зря. Следовало спросить да вывести на чистую воду. Да штраф взять.

Покуда столяр заканчивал работу, отец-основатель залез в холодильник, достал банку пива, намазал себе бутерброд гусиным паштетом, перекусил и еще больше почувствовал наступление сна. Наконец Майоров ушел, окно засияло новеньким стеклом. Теперь можно было даже простить Марину. Владимир Георгиевич лег в кровать в одежде и мгновенно погрузился в сон. Ему снилось, как чеченцы окружили его в огромном старом доме, а он придумал хитрость: во все окна поставил пулеметы, к ним провел проводки, соединенные в едином пульте, нажимаешь кнопки, и какой надо пулемет работает. А сам он, нажимая все кнопки то по очереди, то разом, убегает подземным ходом. Только бы чечены об этом ходе ничего не знали…

Звонок телефона вывел его из подземного хода сна наружу. Светило солнце, сверкая в свежем оконном стекле, но спать все равно хотелось - и часу не прошло с тех пор, как он улегся.

- Алло?

- Отец-основатель, к вам Столяров просится. Говорит, по очень важному делу.

- То столяр, то Столяров… - проворчал Владимир Георгиевич. - Ну пусть заходит.

Столяров заведовал в княжестве теплицами, это был молодой доктор биологических наук, оставшийся не у дел в новой России, как и многие другие талантливые люди. За границу, куда его звали, он не поехал, поскольку любил Отечество, хотя уже склонялся к отъезду, да тут его подцепил князь Жаворонков и привез год назад сюда, на берег Волчицы. Снабжая княжество отличнейшими овощами и фруктами, Столяров попутно занимался своей научной деятельностью и был несказанно доволен жизнью.

Через минуту после телефонного звонка он уже входил в квартиру Ревякина.

- Здравствуйте, Владимир Георгиевич, - сказал он.

Следом за ним входил его сотрудник Пирогов.

- Здравствуйте, Олег Николаевич, здравствуйте, Дима, -

поприветствовал гостей отец-основатель. - Прошу вас, проходите, садитесь. пива? минералочки? чаю?

- Минералки, если можно, - отвечал Столяров, и Ревякин отметил в нем волнение.

Достав из холодильника боржоми, налил в три стакана, поставил на стол, шутливо чокнулся с гостями:

- Ну, что еще подгнило у нас в датском королевстве?

- Владимир Георгиевич, мы хотим выдвинуть требования о предоставлении нам права автономии, - ответил Столяров, не глядя отцу-основателю в глаза.

- Кто «мы»? - удивился отец-основатель.

- Зорянки. Эритакусы рубекулы.

- Я так и знал, - вздохнул Ревякин. - Оле-е-ег Николаич! Вы опять за свое? Дались вам эти эритакусы!

- Нет, Владимир Георгиевич, вопрос серьезный. Всем известно, что зорянки просыпаются гораздо раньше жаворонков, еще до рассвета, и приносят куда больше пользы. А в их пении Бремон насчитывал по нескольку тысяч мотивов и звуков!

- Вы это мне, орнитологу, объясняете?

- Да, простите меня, но вынужден объяснять вам, орнитологу, что, кроме всего прочего, зорянки гнездятся в глухих и влажных еловых подростах неподалеку от нашего княжества, в отличие от жаворонков, которых почему-то тут поблизости не замечено. Что за княжество Жаворонки, если в нем нет жаворонков как таковых?

- Ими, Олег Николаевич, являемся мы, обитатели княжества, - сердито стал возражать отец-основатель. - К тому же князь обещал провести спланированные мною мероприятия для заселения окрестных полей жаворонками. Но дело даже не в этом. Дело в том, что так уж сложилось традиционно - именовать людей, рано ложащихся и рано встающих, «жаворонками», а утренних засонь - «совами». Не нам ломать эту традицию.

- Но ведь это чистой воды демагогия! Именно что и надо ломать традиции! Само наше дело носит по-своему революционный характер. За такими княжествами, как наше, стоит великое будущее. А ведь в слове «зорянка» встает заря новой жизни. Если мы поклоняемся заре, сам Бог велел нам называться - княжество Зорянки.

- О Господи!.. Хорошо, изложите требования ваших прав автономии на бумаге и дайте мне, а я передам князю.

- Все уже изложено. Вот текст нашего обращения, - сказал сотрудник Столярова и выложил перед Ревякиным стопочку исписанных от руки страниц.

- Могли бы и отдать на компьютер. тоже мне… эритакусы в тапочках! Хорошо, я ознакомлюсь. Это всё?

- Всё, не смеем вас больше задерживать накануне такого важного события, - сказал Столяров, с улыбкой поднимаясь со стула.

- Какого события? - вздрогнул отец-основатель. - Вы имеете в виду свадьбу? Она отменена.

Глава шестнадцатая
Ёлть

- Бить будете?
- Нет.
- А что?
- Вести разъяснительную работу.

Проснувшись в это утро, Василий Васильевич Чижов первым делом поморщился, обоняя настойку сивых запахов, оставшуюся от Полупятова, а затем улыбнулся, вспоминая, сколько великих и необыкновенных событий произошло вчера, в Страстную пятницу. Пеший ход от дома до вокзала, езда к отцу Василию, встреча с гигантским левриком, поездка верхом на убийце президента Кеннеди, вынос плащаницы, вечерние беседы с батюшкой, грабительский налет «Ельцина» и «Клинтона», пожар, потушенный Полупятовым, ночное стояние на коленях перед храмом… Последнее вспоминалось с особеннейшим теплом. Больше часа выстояли они, шепча молитвы и кланяясь церковным дверям. Потом отец Василий открыл храм, зажег там одну свечу перед Тихвинской, поставил раскладной аналой, на который положил Библию и крест, облачился и, накрыв голову коленопреклоненного Василия епитрахилью, отпустил ему все грехи. Такой исповеди и отпущения еще никогда не было в жизни Чижова, да и мало кому из верующих доведется когда-либо пережить подобные торжественные мгновения. Словно они, Василий и отец Василий, не подверглись нападению грабителей и не были унижены «Ельциным» и «Клинтоном», а, напротив того, победили супостатов, низвергли их в пучины адские, ликуя аки победители во имя Христово.

Посмотрев на кровать Полупятова, Чижов увидел, что там пусто. Кудеяр уже удрал куда-то, оставив после себя лишь запах. Затем вспомнилось, что уже не надо читать поутру последование к таинству причащения, - отец Василий сказал вчера на прощание: «Завтра утром последование можешь не читать, я освобождаю тебя. Лучше поспи, голубчик, покуда я тебя не разбужу».

Солнце уже вовсю сияло в комнате батюшкиного гостевого дома, а часы показывали девять. Одевшись, умывшись и причесавшись, Чижов отправился узнать, как там сам батюшка, не приболел ли после вчерашних страданий. Но выяснилось, что

отец Василий уже на ногах и отправился в храм.

- А со мной что происходит, сама не пойму, - говорила матушка Наталья Константиновна бодрым и веселым голосом. - Во всей мне какая-то силенка появилась, будто к нам вчера не грабители, а необычайные доктора приходили. Или ангелы. Я вот как это объясняю, Вася: ангелы-хранители этих негодяев не с ними ушли, а при нас остались. Плюнули на них: «Раз вы, гады такие, способны старого священника ограбить, так и оставайтесь без нас». Потому-то я сегодня такая бодрая. И отец Василий бодрый. Ему один дополнительный ангел-хранитель достался, а мне другой. Как ты думаешь, Вася, я права?

- Думаю, матушка, отец Василий не поддержал бы подобных рассуждений, - рассмеялся Чижов весело, получив новую порцию матушкиных мудрований, которые всегда сердили отца Василия и смешили его духовного сына.

- Ну он-то да, а ты как считаешь?

- Считаю, что ангелы-хранители не футболисты, чтобы перебегать из одной команды в другую, где получше. Им до конца жизни своих подопечных приходится при них находиться. Хоть и горько, а надо терпеть. Думаю, даже при Ельцине все еще ангел-хранитель находится, хоть и намучился тот ангел, как ни один другой, видя, что вытворяет его подопечный.

- Ох, не знаю я, - покачала головой матушка. - Мне кажется, некоторые люди оттого такие, что от них ангел-хранитель отрекся за их злодеяния. Неужто и за Гитлером до последнего издыхания святой Адольф ходил?

- Насчет Гитлера не скажу, - пожал плечами Василий.

Сие любопрение об ангелах-хранителях происходило в избе, в которую вскоре вошел Полупятов. Вид у него был скорбный и задумчивый.

- Закопал? - спросила матушка.

- Отдал последние почести, - с тяжким вздохом отвечал тот.

Услыхав такие слова, матушка села и вдруг расплакалась:

- Ой! Хорошие собачки были!

- Нам с батюшкой Остап Бендер особенно нравился, - снова вздохнул Полупятов, и видно было, что ему тоже хочется всплакнуть, а еще больше - выпить. - Льнущий был пес. Сколько раз провожал меня до «Девчат». Придем вместе, тут - у меня своя дорога, а у него - своя, по своим любовницам вислоухим. Я их при дороге и закопал, на видном месте, чтоб, когда идешь, вспомнить можно, что были такие Остап Бендер и Муха. А мне бы граммульку, мама Наташа? Пока батя в храме. А? А то сердце лопается от горя. Где еще теперь таких собачек сыщешь!

- Пойдем уж, - утерла заплаканное лицо платочком Наталья

Константиновна. - Остограммлю. Вася, ты уж нас не выдавай отцу Василию, ладно?

- Чижик-то? - крякнул Полупятов. - Он не выдаст. Свой парень.

И поплелся следом за матушкой в ее тайники.

Василий Васильевич усмехнулся тому, что Полупятов разжаловал его фамилию до Чижика. Имел право: ведь это Полупятов спас Чижова, а не Чижов - Полупятова. И все-таки такое панибратство со стороны этого бывшего зэка и выпивохи кольнуло чижовское самолюбие. Он почесал затылок, перекрестился на образа и отправился из дома в храм. Проходя через кладбище, оглянулся на избу, и тут всего его сотрясло, когда он живо представил себе на ее месте обугленное пепелище, где среди дымящихся головешек дотлевают и его спекшиеся останки.

- Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего Алексея, и даждь, Господи, ему здравия духовного и телесного и мирная Твоя и премирная благая! - взмолился Василий Васильевич о бывшем зэке и выпивохе.

В храме богослужение еще только начиналось. Отец Василий расставлял утварь и раскладывал книги, одна из старушек, Марья, затепливала лампадки, другая, Прасковья, читала Шестопсалмие, колупаясь и путаясь в старославянском. Чижов поспешил подменить ее. Читая, краем глаза заметил, как отец Василий приветливо ему улыбается, благодаря, что он сам проснулся и пришел.

Службу служили долго, по полному чину, с наслаждением. Отец Василий - за себя и за дьякона, а Василий - за всех остальных. Когда покидали храм, немного кружилось в голове, но в сердце было отрадно, душа наполнялась силой, а вместе с ней и тело. И обидно было до слез, что жены нет рядом, что все опять придется ей только рассказывать.

К последнему великопостному обеду матушка Наталья Константиновна премного расстаралась: на закуску выставила и соленые грибочки, и квашеную капустку, и салат из редьки с морковью и укропом, и даже грузинское лобио; на первое блюдо - овощной борщ; на горячее - вермишель под грибным соусом, а желающим - гороховую кашу. Одно только плохо: есть все это не представлялось возможным из-за странно плохого качества матушкиной кухни. Соленые грибы отдавали ржавчиной, капуста - хозяйственным мылом, в салате из редьки с морковью много уксуса, и даже грузинское лобио по вкусу напоминало скорее пюре из свежевырытой глины, нежели блюдо из фасоли; в борще обитали столь крупные и осклизлые картофелины, что одни они

вмиг отпугивали едока; а уж о слипшейся и почему-то холодной вермишели под подозрительно красным грибным соусом и говорить не приходится. Отец Василий, помнится, объяснял кулинарные способности своей жены так: ястие - один из главных соблазнов, а Наталье Бог дал создавать блюда снаружи привлекательные и аппетитные, но вкусом своим напоминающие о тщетности земных удовольствий.

- Мой вам наказ, - сказала матушка строго, - поешьте как можно больше, потому что перед самой службой только чаю попьете.

Отец Василий прочел молитвы, положенные перед вкушением пищи, и, как только сели за стол - он с матушкой, Чижов и на удивление доселе трезвый Полупятов, - объявился еще один гость. Это был человек среднего роста, сутулый и тощий, на вид строго постящийся вида, с длинными и неопрятными волосами, с бородой, продырявленной щербатым ртом. Войдя, гость громогласно объявил:

- Мир дому сему! С благодатию Господней да вкушати рабам Божиим ястия и питие. Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас. Отче наш, иже еси на небесех… - При этом он крестился, больно ударяя себя троеперстием, как клювом. Совершив все обряды под наблюдением собравшихся пообедать, он наконец поклонился батюшке: - Здравствуйте, отче Василию! Примете ли еще одного гостя или прогоните?

- Будет тебе, Вячеслав, - с досадой улыбнулся отец Василий. - Раздевайся, да проходи, да садись с нами. чем Бог послал.

- Премного благодарен, отче, спасибо, что привечаете.

Покуда новоявленный снимал с себя пальто, батюшка успел шепнуть Чижову:

- Это тот самый, про которого я тебе говорил вчера. Которому у меня не занравилось.

- Здравствуйте всем, - сказал новоявленный, подходя к столу и вновь и вновь осеняя себя жестокими крестными знамениями, низко кланяясь иконам.

Вдруг замер и стал тихо шептать молитвы, лицо при этом у него обрело такое выражение, будто его кто-то незримый крепко сжимал сильными пальцами.

- Накладывай, матушка, - приказал отец Василий, видя, что Наталья Константиновна замешкалась, приступать ли к трапезе или дождаться, когда Вячеслав сядет за стол.

Тарелки наполнились грибами и капустой. Тут новоявленный в последний раз осенил себя крестным знамением, низко поклонился и сел со словами:

- Приятной всем выти.

- Зачем выть? - удивился Полупятов.

- Не выть, а выти, - пояснил Вячеслав. - Так по-русски «аппетит». А жить надо по-русски, не употребляя иноземных выражений. А то - «аппетит»… По-русски же будет - «выть». Старинное хорошее слово, емкое и глубокое. Допустим: «На меня такая выть напала!» Это значит - есть ужасно захотелось. Красиво. Ничего не скажешь - нет русского языка краше.

- Вы мне, Наталья Константиновна, слишком много выти наклали, - сказал Полупятов, легонько отталкивая от себя тарелку. - Сами знаете - в меня не лезет, сами знаете - без чего.

- Прямо-таки строка из блатной песни получилась, - заметил отец Василий.

Чижов ел, понимая, какое предстоит выдержать испытание: съесть все, что предложит матушка, дабы не обидеть ее. Он постарался побыстрее, не глядя, заглотить грибы и капусту и едва не поплатился за свою быстроту.

- Ох, молодец какой Вася! - похвалила его Наталья Константиновна. - Еще сыпануть грибков с капусткой?

- Нет, - испуганно заморгал глазами историк. - Теперь бы горяченького.

- Что ж не остался на Пасху там? - спросил отец Василий у Вячеслава.

- Людей много, захотелось сюда возвратиться, вам в помощь, - отвечал тот. - Матушка, если можно, я холодные закуски доедать не буду. Вы мне борщеца тоже налейте сразу, если можно.

«Вот гад!» - так и подумалось грешным делом Чижову. Да и как не подумается, если ты, давясь, все доедаешь ради уважения к хозяйке, а этот показной христианин только клюнул того-сего и отставил - не занравилось. Полупятову можно простить, в него не лезет. Сами знаем - без чего. К тому же он их всех минувшей ночью от смерти спас. А этот!.. Отец Василий вон доедает.

- А что это, отче, у вас с головой? Только сейчас заметил, - сказал Вячеслав, вслед за Чижовым получая из рук матушки полную тарелку дымящегося постного борща.

- Деньги, - ответил отец Василий.

- Какие деньги? - не понял Вячеслав.

- Ну что ты, не помнишь в «Бриллиантовой руке»? - сказал батюшка, отставляя свою чистую тарелку. - «Что у вас с головой?» - «Деньги». - «Семен Семеныч!» Ну когда он, Никулин, деньги под кепку сунул. Не помнишь?

- Я все эти сионистские фильмы давно сам куда подальше засунул, - сурово отвечал Вячеслав. - А то вы не знаете, что Никулин один из главных сионистов! Знать надо такие вещи, отче. Господи, благослови! - Он перекрестился, прежде чем

удовлетворить свой рот первой ложкой борща.

- Каюсь, - вздохнул отец Василий. - Но я, признаться, ничего сионистского в этих фильмах не вижу. Хорошее кино.

- Кино хорошим не бывает, - возразил Вячеслав. - А вы, я знаю, даже телевизор в доме держите. Разве можно?

- Церковь покуда телевизор не запретила, - виновато вздохнул еще раз отец Василий. - Спасибо, Наташа, - поблагодарил он жену, принимая свою тарелку с борщом. - Чесночку бы нам еще.

Чижов пытался расколоть кусок картофелины в своем борще, поглядывая то на Вячеслава, то на батюшку, то на Полупятова. Первый был строг и обличителен, второй - пока еще виноват, но уже закипал, а третий горестно поедал борщ без ничего.

- А нас вчера… - нетерпеливо начала было Наталья Константиновна, но отец Василий сердито одернул ее:

- Ладно, помалкивай! Не за обедом такие вещи рассказываются.

- Почему же за обедом нельзя? - обиженно заморгала глазками хозяюшка.

- Ты, отец Василий, скажешь тоже!..

- Не встревай в разговоры, - уже ласковым тоном дал отступного батюшка. - За чеснок спасибо. И вот еще… - Он замялся, лукаво посмотрел на Чижова и договорил что хотел: - Побелить бы, матушка. Усталые силы хоть немного подбодрить. Простит меня Бог ради вчерашнего страстотерпения. Принеси, будь ласточкой.

- А я ничего, не возражаю, - сказала Наталья Константиновна и отправилась за заказом.

- Видишь, - наклонившись с улыбкой к Чижову, сказал отец Василий, - какое я заветное слово придумал, памятуя об ее украинском происхождении? «Будь ласка» по-украински значит «будь добра», а я сделал такой русско-украинский гибрид: «будь ласточкой». Видишь, несет.

Наталья Константиновна внесла поллитровую банку козьего молока и плеснула отцу Василию в борщ три столовые ложки. При виде такого неслыханного безобразия и кощунства Вячеслав раскрыл рот и даже отложил от себя свою ложку.

- Как это понимать, отец Василий? - от удивления и негодования он даже забыл про звательный падеж.

- Так уж и понимай, - сказал отец Василий, в свою очередь забыв про винительный. - Ты вон каждую ложку крестишь и каждому огурцу кланяешься, а я, грешник, в последний день Великого поста борщ молоком заправляю.

- Да в общем-то небеса не разверзнутся, конечно… - выдавил

из себя, как из тюбика, строго постящийся гость. Он вздохнул, покачал головой, вернул себе ложку и стал доедать борщ.

- Еще кому-нибудь побелить? - спросила матушка простодушно.

- Спасибо, Наталья Константиновна, я уже почти доел, - пробормотал Чижов и вдруг устыдился того, что не проявил солидарности с отцом Василием. Но, с другой стороны, у него ведь не было потребности белить борщ, который, бели не бели, вряд ли сделается вкуснее. И все же надо было хотя бы ложечку дозволить, а то получалось, что он заодно с Вячеславом. Но, с другой стороны, и пост ведь не отменила Церковь, как не отменила и телевизор…

В таких путаных раздумьях он все же одолел второй этап обеденных мучений, а от третьего хотел храбро отказаться, да не смог. Матушка сказала:

- И без разговоров. Откуда силы-то возьмутся?

- Силы должны от Господа посылаться, - заметил Вячеслав, сам, однако, не отказываясь от гороховой каши.

Попробовав вермишель с грибной подливой, Чижов горестно пожалел, что тоже не заказал себе гороховую кашу.

- Чего ж ты ешь тогда? - спросил Полупятов у Вячеслава. - Не ел бы, коли тебя Бог питает.

- А я и не утверждаю, что я святее всех, - отвечал Вячеслав. - Такой же в точности грешник, как и все остальные, а в прошлом и вовсе на дне лежал, только в последние годы со дна стал выкарабкиваться. Но хотелось бы дойти до такого совершенства, чтобы и не есть вовсе, а только Божьим словом выть свою потчевать.

- Да нет такого слова! - возмутился отец Василий. - Что за выть такая? Никогда не попадалось мне в старославянском.

- Как нет! Есть, - возразил гость твердо и уверенно.

- Наташ, принеси словарь Даля, будь ласточкой.

Доставленный матушкой словарь, увы, сулил посрамление не Вячеславу, а отцу Василию. «Выть» в значении «позыв на еду, алчба, аппетит, голод, охота есть» там действительно имелась. Потерпев сокрушительное поражение и как постник, и как знаток русского языка, батюшка поднялся из-за стола, провозгласил благодарственные молитвы и чай отправился пить отдельно, в свою комнату, приказав на прощание:

- Вячеславу и Василию два часа перед баней поспать, а Алексею топить баню.

- Топится уже вовсю, отец Василий, - сказал Полупятов.

- Следить, чтобы натоплена была как подобает. Чтобы Христово Воскресение чистым телом встречать, не токмо чистой

душой.

- Мы, матушка, тоже пойдем в гостевую избу чай пить, - сказал Чижов. - Спасибо за необычайно вкусный обед.

- Без этого самого обед - все равно что его и нет, - сказал Полупятов, видимо, вознамерившись стать местным сочинителем прибауток на определенную тему.

- Завтра будет это самое, потерпи, Леша, - взмолилась матушка. - Не пей уж до праздника и не ходи никуда, ни в какие «Девчата», за баней следи да в храме за печкой - чтоб тепло было. Ночи-то еще холодные.

Чижов не собирался пить чай в гостевой избе, он просто прекрасно помнил о том, каковы у матушки чаи. Выйдя из дому вместе с Вячеславом, он подивился на его пальто - погода стояла довольно теплая, конец апреля, солнышко. Но потом смекнул, что Вячеслав, должно быть, сильно воздерживался весь пост, оттого и зябко ему. Батюшка ведь про него, кажется, сообщал, что он вообще не вкушал пищи с самого начала Великого поста.

- Вячеслав, - обратился он к нему, направляясь к гостевой избе, - это про вас отец Василий рассказывал, что вы так строго поститесь?

- Весь Великий пост ничего не ел вовсе, - с гордостью отвечал Вячеслав. - В Лазареву субботу впервые вкушал соки, приготовленные из моркови. В Вербное воскресенье - твердую пищу. В начале Страстной седмицы приехал сюда, к отцу Василию. В дороге уже ел и картошку, и овощи, будучи путешествующим. А здесь, у отца Василия, встретил разносолы. Я, конечно, не в осуждение, ибо осуждение само по себе есть великий грех, но то, что произошло сегодня на наших глазах, по-моему, ни в какие ворота не лезет. С таких побелок борща и начинается беззаконие. Врагу рода человеческого только дай, во что коготок вонзить. Я отца Василия не осуждаю, но и, как говорится, не одобряю. Невольно начнешь верить слухам о том, что он не раз был пойман в тайноядении.

Чижов, переполненный все еще радостями и благостями утренней субботней службы, не хотел спорить с Вячеславом. Он поднялся на крыльцо гостевой избы, открыл ключом дверь, вошел и поспешил прилечь на кровать, лишь сняв сапоги. В избе уже не было так тепло, печка остыла, но зато запах полупятовского перегара полностью исчез. Василий закрыл глаза и вознамерился поспать или хотя бы подремать пару часиков. Вячеслав тем временем занялся оживлением печки, но его недолго хватило на молчание, и он заговорил, едва только Василий имел неосторожность приоткрыть глаза.

- Не знаю, как вы, но я до сих пор так и вижу, как эти три

ложки молока льются к отцу Василию в борщ. Интересно, что бы сказали на это монахи? Во мне все так и кипит. Не знаю, как в вас, должно быть, вы более попустительствуете.

- А почему же вы сами-то, Вячеслав, до сих пор не постриглись в монахи? - ответил Чижов вопросом на вопрос.

- Как же я могу постричься, если я сам, милый мой, только недавно получил Божью любовь и принял таинство крещения? Мне до монашества еще ползти и ползти, все вверх и вверх, ломая ногти.

- И все же напрасно вы на батюшкину побелку борща так обозлились, - сказал Чижов.

- Я не обозлился, упаси Бог, разве можно христианину злиться? Да вы что! - мигом очнулся Вячеслав. - Никакой злобы, вот вам крест! Я отца Василия уважаю, в нем энергия сильная. Не замечали, что в округе зверье стало увеличиваться в размерах?

- Заметил, - сказал Чижов, вспоминая гигантского леврика.

- Кротов видели?

- Кротов нет, не видел.

- Они таких куч нарыли, я вас проведу показать. Вот такие кучищи! Можно себе представить, каковы сами кроты. Здесь и место исключительное. Не подмечали никогда, что тут как-то легче ходится? Идешь-идешь и вот-вот, кажется, взлетишь. Не замечали?

- Замечал.

- Я узнавал у ученых. Они утверждают, что здесь ослабленная сила притяжения земли. Понимаете, о чем это свидетельствует?

- Еще бы не понимать! А что, и вправду ослабленная?

- Полагаете, я вам врать буду? Я вам до сих пор хоть одно слово неправды сказал, ёлть?

- Полагаю, ни единого.

- Вот именно. Здесь, я дерзаю утверждать, к небу ближе, чем в других местах. Отец Василий хитрый, знал, куда ехать поселиться. Но сам он, увы, далеко не безгрешный человек. Думаете, я из-за побелки борща так осерчал? Просто потому, что кроме этого в нем много земных привязанностей, от которых ему следовало бы отречься. К чему, скажем, это увлечение западной, так называемой классической музыкой? Гендели, Моцарты эти? Кто такой был Моцарт? Кутила и развратник, помер неизвестно отчего. А Гендель? Всю жизнь прожил при королевских харчах, не женился, с поваром сожительствовал.

- Это ж откуда такие сведения? - возмутился Чижов.

- Имеются, имеются сведения! - зло отвечал Вячеслав. - Ну, Бортнянский, допустим. Я бы разрешил. Там, Рахманинов, еще две-три-четыре фамилии. Хотя и наш Чайковский, ёлть, подкачал

по части мальчиков. Вот и получается, что отец Василий на хорошем месте Чайковского и Генделя слушает, Вивальди, которого из священников выгнали за разврат. Здесь, в Радоницах, чудес истинных стяжать можно, а отец Василий, ёлть…

- Знаете что! - возмутился Чижов. - Вы на отца Василия свою ёлть не возводите! Чудес ему не видано! Да покуда вы в свои Жаворонки закаканные ходили, тут знаете, что случилось?

- Что тут такого могло случиться?

- А то… Вы собак видели?

- Во-во, еще и собаки. Я говорю отцу Василию: «Разве можно собаке давать человеческое имя Остап?» А он мне: «Остап - человеческое, а Остап Бендер - уже не человеческое». Фарисействует…

- Сами вы фарисействуете. Без году неделя в православии, а уже всех рассудил! Да собак-то утром сегодня Полупятов закопал.

- Это за что ж он их так?

- А за то, что потравили их вчера вечером. А у батюшки на голове раны… Вы его спросили: «Что у вас с головой?» А он отшутился. А на самом-то деле… рассказать вам, что у него с головой?

- Расскажите… Я ж не знаю ничего, - уже не так самоуверенно пробормотал Вячеслав.

Чижов сел на кровати и подробно рассказал новоявленному обо всем, что случилось накануне. Слушая, тот вздыхал, цокал языком и пару раз воскликнул: «Вот ёлть!» Чижов не утаил от своего слушателя итого, как они с отцом Василием стояли на коленях пред дверями храма. Когда он закончил свое повествование, Вячеслав долго не знал, что сказать, чем крыть. Видно, в душе его многое боролось. Наконец он заговорил:

- Да, ёлть! Жаль, что меня тут не было с вами. Может быть, Господь и сподобил бы поговорить с грабителями, наставить их на путь истинный. У меня не раз получалось самого отпетого негодяя обратить. По словам псалма: «Научу беззаконные путем Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся».

Чижов только фыркнул в ответ, не желая больше разговаривать с этим обличителем. А тот продолжал:

- И отец Василий мог бы вчера не выпустить их, а обратить ко Христу, заставить раскаяться и превратиться из Савлов в Павлы. Но ему не дано. Ладно уж, поскольку вижу, как вы против меня раздражены, открою вам одну страшную тайну.

- Какую еще тайну?

Вячеслав встал, выглянул в окно, сказал:

- Девица какая-то приехала. По виду - городская. Гостья. Небось опять какая-нибудь поэтесса или певичка. Отец Василий

их любит.

Отойдя от окна, он доверительно присел рядом с Василием Васильевичем и с болью в голосе произнес:

- Отец Василий-то с Натальей Константиновной в грехе живет.

- Как в грехе?! - Чижова будто током ударило, как того отца-настоятеля (или основателя?), который в Жаворонках.

- Увы, - тяжелейше вздохнул Вячеслав. - Невенчанные они. Он ее у другого батюшки отбил и увел.

- Да как же такое было возможно?

- Тот, другой батюшка рукой махнул. «Пускай, - говорит, - живут, если любят друг друга».

- Да не может этого быть!

- Не верите? Зря. Спросите сами у отца Василия.

- И непременно спрошу. Если то, что вы говорите, правда, то это страшно, в голове не укладывается. Это такое кощунство, что может пошатнуть иного, не твердо стоящего в вере. А если выяснится, что вы клевещете, то берегитесь - убью, не задумываясь!

- Ну и ну! до чего мы договорились! До угроз убийства! Да вы, брате мой, хоть осознаете, как вам следует каяться за сказанные только что слова? Вы хоть понимаете, что не только убийство, но и даже угроза совершить убийство…

В следующий миг дверь распахнулась, и Чижов не поверил своим глазам: там стояла его жена Эллада, и вид у нее был растерянный, взволнованный, не оставляющий никаких сомнений - с ней что-то стряслось.

- Можно? - спросила она.

- Здравствуйте, - вежливо произнес Вячеслав.

- Василий, можно с тобой побеседовать с глазу на глаз?

- Мне удалиться? - спросил Вячеслав.

- Нет, лучше мы пойдем прогуляемся, - сказала жена Чижова.

- Я сейчас, - пробормотал Василий Васильевич и принялся натягивать сапоги, чувствуя за собой какую-то еще не ведомую вину, и, может быть, оттого правый сапог никак не хотел налезать - нога припухла, что ли?

- Ух ты, а что это у вас в чехле? - спросил Вячеслав.

Тут Чижов краем глаза заметил, что за спиной у Лады висит чехол с двумя его эспадронами, оставшимися на память об уроках фехтовального искусства.

- Золото-бриллианты, - ответила Лада.

Наконец сапог налез, больно теранув пятку. Чижов встал и пошел следом за женой, которая уже спускалась по ступенькам крыльца. Догнав ее, он спросил:

- Что-нибудь случилось, Ладушка?

- Случилось, - тихо и страшно ответила она. - Пойдем вон туда, в лес.

- Что? Не томи! - взмолился Чижов, почему-то продолжая думать, что он в чем-то чудовищно провинился, хотя, сколько он ни гадал лихорадочно, никакого такого сокрушительного греха за собой не знал.

- Сейчас, сейчас… - ускоряя шаг, бормотала жена.

- Зачем ты привезла с собой эспадроны?

- Сейчас, сейчас…

Они дошли до дороги, перешли через нее, и под ногами зашуршала сухая трава, оволосатившая мягкую, пружинистую почву. То тут, то там виднелись кучи, какие обычно выпрастывают из-под земли кроты, но только кучи эти были необычайно большие, раза в три крупнее, нежели обычно. Не наврал Вячеслав про гигантских кротов. Неужто не наврал и про греховное сожительство отца Василия с Натальей Константиновной? Чижов рад был бы чем угодно пожертвовать, лишь бы только это оказалось клеветой.

- Так что же случилось, Лада?

Она остановилась на краю леса и повернулась к нему лицом. Глаза ее выражали муку.

- Я тебе изменила, Чижов.

- Не понимаю. Когда? Как это могло случиться?.. А впрочем, я даже знаю с кем. С Белокуровым?

- Да.

- Понятно. Ну ты даешь, ёлть!

Василий зашагал вдоль леса, не понимая, убило ли его сообщение жены или только ударило. Он с ужасом понимал, что теперь почти равнодушно относится к происшедшему. Вчера, когда на него несколько раз накатывала ревность, когда вспоминалось, с каким необычайным увлечением Лада смотрит на Белокурова и слушает его озорные речи, вчера уже все и произошло, и он словно уже был осведомлен об измене жены задолго до ее приезда и признания. А теперь это было не так больно. Теперь, как это ни странно, Василия Васильевича гораздо больше волновало, венчаны ли отец Василий и матушка Наталья.

Неверная жена шла чуть позади, стараясь не отставать от обманутого мужа. Наконец не выдержала:

- Вася! Скажи что-нибудь.

Он остановился, оглянулся, глубоко вздохнул. Вдруг, сам того не ожидая, улыбнулся, протянул руку и погладил жену по щеке.

- Эспадроны-то зачем?

- Хотела, чтоб ты заколол меня.

- Сразу двумя?

- Нет… В порыве схватила весь чехол, когда выходила из дому, направляясь сюда. Потом только, в метро уже, сообразила, как это смешно и глупо. Фарс какой-то. Но не возвращаться же и не выкидывать их.

Он опять зашагал вдоль леса. Сделав шагов десять, спросил:

- Как хоть все произошло-то? Хотя я даже не знаю, хочу ли я это знать.

- Ты должен выслушать одну вещь, - заговорила изменница уже без тени лукавства в голосе, а снова взволнованно. - После того как он побывал у меня и все произошло…

- Что?! - вспыхнул Чижов. - У тебя?! У нас?! Ты привела его в наш дом?! Дрянь какая!

В какое-то мгновение он готов был схватить эспадрон и пронзить изменницу. Потом взял себя в руки.

- Хотя конечно, - злобно усмехнулся он, остывая. - Куда ж еще вы могли деться. Зачем искать другого места, когда муж уехал, квартирка свободна. Как банально!

- Послушай меня, Вась! Ты все-таки должен знать одну вещь.

- Ну? Что там еще я должен знать? Надеюсь, он не оказался импотентом?

- Не надо так грубо. Пусть я буду дрянью, а ты держи себя в руках, ладно? Так вот, когда он под вечер вчера уехал, мы договорились, что он вскоре приедет снова, утром.

- А, стало быть, понравилось!

- Ну Вась!

- Ну что «ну Вась»? Ну Лад! Здорово получается: не только бьют, но еще и роптать не дают! Таракан не ропщет! Ну и что же случилось утром? Он позвонил и сказал, что второй серии не будет?

- В том-то и дело, что он вернулся среди ночи. Точнее, я даже не знаю точно, был ли это он. Но что-то заставляет меня быть уверенной, что это был именно он. Понимаешь, было начало второго ночи, я вдруг проснулась и почувствовала, что он возвращается и вот-вот раздастся звонок в дверь. И тотчас и впрямь в дверь позвонили. Я хотела было встать и пойти открыть, как вдруг… Я даже не знаю, как это передать словами… Понимаешь, я ощутила, как кто-то незримый схватил меня вот так вот тяжелыми ручищами за плечи и придавил к кровати, не пуская. Аж дыхание сперло, чуть не задохнулась. И ужас охватил всю мою душу.

- Понятно, не обошлось и без полтергейства, - усмехнулся Василий Васильевич, теряясь в догадках, врет она или не врет.

- Ты можешь сколько угодно отпускать сарказмов, но только все, что я тебе рассказываю, истинная правда, вот те крест!

Она осенила себя крестным знамением, что вовсе не было ей свойственно, и обманутый муж стал склоняться к мнению, что она не врет.

- Звонки продолжались и продолжались, он раз двадцать надавил на звонок, а я лежала неподвижно и безмолвно, и невидимая сила держала меня. Потом звонки в дверь прекратились, но вскоре зазвонил телефон. И снова я не в состоянии была встать и снять трубку. После двадцатого или двадцать пятого звонка телефон замолчал, но потом снова стали звонить в дверь. Это было непередаваемое мучение. Мало того, теперь я понимала, что даже если сила меня отпустит, я и сама не пойду открывать и не стану снимать трубку. Наконец наступила тишина. Я ужаснулась: а вдруг это ты? Стала себя успокаивать, что у тебя есть ключи. А вдруг с тобой что-то стряслось? Меня всю колотило. Я чуть было в окно не сиганула. Потом решила: с первой же электричкой рвану к тебе. Еще не знала, что во всем признаюсь, но знала, что непременно поеду. Хотя бы удостовериться, что ты живой. Часа в четыре ночи я уснула, провалилась в тяжелый сон. А потом мне приснилось… Ты не поверишь! Приснилось, что она ведет меня за руку и с силой швыряет меня на колени перед тобой. Это была она, безо всякого сомнения - она!

- Богородица? - тихо спросил Василий Васильевич.

- Нет, Елизавета, - столь же тихо ответила неверная жена. - Алапаевская мученица. Моя небесная покровительница. И я больше не буду Элладой… Когда я проснулась, то с ужасом обнаружила, что уже десять часов утра. А хотела с первой электричкой!..

Она замолкла, с надеждой глядя на обманутого мужа. Затем робко спросила:

- Ты веришь мне?

- Верю, - со вздохом ответил Чижов. - Но я еще не знаю, смогу ли жить с тобой дальше.

- Это понятно. - Она опустила взгляд.

- Мне надо идти к отцу Василию.

- Можно, я останусь и встречу тут Пасху?

- Я бы попросил тебя уехать, но это было бы бесчеловечно. К тому же одной ездить по стране сейчас небезопасно. Даже имея при себе пару эспадронов. Конечно, ты должна остаться, и завтра мы поедем в Москву вместе.

- А можно, я не буду исповедоваться отцу Василию?

- Пожалуй, даже и не нужно тебе исповедоваться ему.

Незачем лишний раз огорчать его. Тем более после того, что у нас тут произошло вчера вечером.

- А что произошло вчера вечером?

- Пойдем, по пути расскажу.

Глава семнадцатая
Усы

- «Ай-лю-лю» потом. No, nicht, нет, ни в коем случае.

- Ну почему? Может, ей что-нибудь надо?

- Что ей надо, я тебе потом скажу. Леди, сеньора, фрау, мисс, к сожалению, ничего не выйдет.

Руссо туристо, облико морале, ферштейн? Всё, быстренько!

Спали до полудня, покуда не проснулся Сережа. Он пришел к отцу с тетрадочкой и карандашиком, растолкал его и попросил:

- Пап, наисруй, пожаста, маму.

- Маму? - с трудом вытаскивая себя из сна, разлепил веки Белокуров. - Ну давай наисруем маму.

Он быстро набросал портрет своей жены, причем сходство получилось удивительное, так что Сережа воскликнул:

- О! Мама! Пррэт!

Он поднес листок с рисунком к самому лицу, разглядел поближе и вдруг поцеловал. Душа Белокурова наполнилась тоской. Хотелось бы вычеркнуть, стереть ластиком все, что случилось вчера, всю эту сумасшедшую пятницу. Боже! Если б можно было вернуться в позавчерашний четверг! Не ездить провожать Эллу, не целоваться с ней, не знакомиться с Василием… Он был более чем уверен, что тогда бы и Тамара приехала домой не с мистером Брауном, а одна - любящая, соскучившаяся по мужу и сыну. Если бы не случилось его измены, не произошло бы и ее чудовищного преступления перед семьей и Родиной.

Вдруг, будто в издевку, вспомнилось, как однажды на какой-то вечеринке Тамара сказала: «Для меня изменить мужу - все равно что изменить Родине». Оказалось, и впрямь обе эти измены были для нее неразрывны.

- Пап, будем с тобой играть - кататься на машине?

- Какой ты у меня уже взрослый, сынок! Так правильно строишь предложение. На машине обязательно покатаемся. И играть. Только никогда не заигрывайся, как мы с мамой.

Сняв с зазвонившего телефона трубку, Борис Игоревич услышал приятный голос княгини Жаворонковой:

- Добрый день! Вы проснулись? мы ждем вас обедать у меня в столовой, на четвертом этаже.

- Хорошо, спасибо, через полчаса поднимемся.

- Ждем с нетерпением. Ужасно хочется поглядеть на вашего малыша.

- Спасибо.

Он повесил трубку и кликнул Прокофьича:

- Отче! Вставай! Нас ожидает княжеский обед.

Умыв Сережу, он отдал его на одевание Прокофьичу, а сам, умываясь и чистя зубы, стал вспоминать последний разговор с княгиней Жаворонковой, происшедший у него после встречи рассвета, когда она взяла его под руку и увела от всех остальных - от отца-основателя, его невесты и палеоантрополога.

- Ах ты, зараза! - так и вырвалось у главного бестиария при этом воспоминании.

Он внимательнее рассмотрел себя в зеркале. Лицо его было несколько усталым, но после пяти часов сна все-таки посвежевшим, белки глаз красноватые, а так - вполне здоровый цвет щек, густые и красивые усы, как у Мопассана или Сталина…

- Ну уж нет! - дерзко объявил усам Белокуров, осененный страшной идеей.

Утром, ведя под руку княгиню, Белокуров имел с ней такой разговор, что теперь он мог казаться ему приснившимся во сне.

«Это какое-то чудо, что вы к нам приехали», - сказала княгиня Жаворонкова.

«Что же в нас такого чудесного?»

«В вас, именно в вас, мой дорогой. Мне кажется, я давно ждала вас».

«Не понимаю…»

«Я вам объясню. Видите ли, все последнее время, года два, я постоянно ощущала внутри себя гнетущую пустоту. Вы можете сказать, что я пресыщенная. Увы, это не так. Да, я поездила по заграницам, искала всюду развлечений и удовольствий, но я увидела Европу, заселенную если не мертвыми, то фальшивыми народами. И точно такую же Америку».

«Советую вам съездить в Ирак, в Сербию, в Приднестровье, в Испанию к баскам», - сказал Белокуров, чувствуя, что она и впрямь облюбовала его. Видно, от него за версту разило прелюбодеянием, совершенным накануне, и мухи летели на этот запах.

«Спасибо за совет, - усмехнулась княгиня. - Попробую им непременно воспользоваться. Но я, кажется, разочаровалась в путешествиях… Не в них дело. А дело в том, что я сама стала видеть, какая я мертвая и фальшивая. Все последнее время я жила ожиданием чувства».

«Еще одно ожидание Ч», - пробормотал, усмехнувшись, главный бестиарий.

«Чувства жизни, ее полноты, хотя бы какой-то любви, если невозможно сильное чувство, - не обращая внимания на его усмешку, продолжала владелица здешних мест. - И вот я вижу вас и сама удивляюсь, что такое возможно - взять и влюбиться с первого взгляда».

«Я вам не верю», - спокойным голосом заявил Белокуров.

«Верю, что вы мне не верите, - засмеялась княгиня. - А вы возьмите и поверьте! А когда приехали вы и я вас увидела, все изменилось! Не перебивайте меня. Вы такой сонный, а я вас мучаю, но потерпите еще чуть-чуть. Так вот, хотите смейтесь, хотите нет, я сразу поняла, чту я недолюбливала в своем бывшем муже Владимире. Во-первых, у него никогда не было и вряд ли когда-нибудь вырастут такие превосходные, мопассановские усы, как у вас. Во-вторых, у него никогда не было и вряд ли когда-нибудь появится такая добротная полнота тела, как у вас. В-третьих… Не улыбайтесь так иронично! В-третьих, у него никогда не родятся дети, потому что он недомужчина. В-четвертых, если они когда-нибудь и родятся, то жена его сбежит с американцем в Америку и заберет с собой этого несчастного ребенка, потому что отец его будет недомужчина и позволит этому произойти. В-пятых, в отличие от него, вы бы никогда не пошли в услужение к богатому мужу своей бывшей жены, потому что вы - полноценный мужчина. И вы не отдали своего сына, потому что вы - полноценный мужчина».

«Вы правы, - произнес Белокуров, потому что она ждала от него каких-то слов. - Я никогда не пошел бы в услужение к новому мужу своей бывшей жены, хоть бы он был миллиардером. Но я никакой не полноценный мужчина, потому что я не спал всю ночь и теперь вот-вот упаду и засну. Простите меня, ваше высочество!»

«Ну хорошо, хорошо! - облегченно засмеялась она, пожимая ему руку. - Идите и дрыхните! Увидимся в полдень».

После этого они наконец расстались. Белокуров отправился в отведенное ему жилье, удостоверился, что Прокофьич и Сережа мирно спят, и сам поспешил провалиться в сон.

И вот теперь, стоя перед зеркалом и мгновенно прокрутив в памяти безумный разговор с княгиней Жаворонковой, главный бестиарий выдавил в мыльницу побольше крема для бритья, взбил могучую пену и намылил не только подбородок, но и свои пышные усы. Мгновение он с тоской в сердце еще раздумывал, а потом прокряхтел:

- А, новые вырастут, еще мопассанистее!

И принялся уничтожать красоту.

Сережа, заглянув в ванную, полюбопытствовал:

- Пап, чё делиишь?

- Меняю облик, сын мой, - весело ответил отец.

- Ну и рожа! - произнес отчим, когда Белокуров покинул пункт истребления красоты.

- Прокофьич! Ты же сам всю жизнь набосо бреешься. Я и решил тебе приятное сделать, - смеялся Белокуров.

- «Набосо»… - проворчал отчим. - Слово-то какое подобрал гадкое. Тебе набосо не идет, с усами лучше.

- Взрастим новые. Ну-с, идемте на княжеский обед.

- Интересно, чем сейчас князья угощают.

- А разве раньше ты, Прокофьич, у князей подчевался?

- Ну, в кино, в книгах там. А как же? Представление имею.

Дождавшись, когда Прокофьич, в свою очередь, умоется, побреется и принарядится, отправились на четвертый этаж, где в красиво убранной столовой их уже ждали княгиня Жаворонкова (как бишь ее зовут-то?), ее фрейлина (тоже имя выпало из памяти), Тетерин и отец-основатель (Владимир, а ни отчества, ни фамилии…).

- А вот и мы-ы-ы! Простите, что заставили ждать, - бодро и громко объявил Белокуров, оглядывая стол, на котором стояли блюда с осетриной, семгой, икрой, заливным, пирожками, овощами, еще чем-то, красивая посуда, большие бокалы из темно-синего стекла, которые поменьше - из темно-красного, отчего сразу припоминались утренние балахоны. - Это мужчины, а это женщины, - сказал главный бестиарий, постучав вилкой по краешкам бокалов, но не успел пояснить своей наблюдательности, потому что раздался почти душераздирающий возглас княгини Жаворонковой:

- Боже! Что вы с собой сделали?!

- Не понял… Ах, усы?.. Да, вот так вот, - замурлыкал Белокуров. - Решил поменять имидж. Похудеть, простите, за столь короткий срок не успел.

- Отвратительно! Просто отвратительно! - возмущалась княгиня. - Трудно даже подобрать сравнение, на кого вы сейчас похожи.

- Как раз легко, - возразил главный бестиарий. - Я стал еще больше похож на отца-основателя.

- А по-моему, даже меньше, - сказал палеоантрополог. - До этого казалось, что вы - это он, только без усов, а теперь…

- А теперь?

- А теперь - не он, хотя и без усов, - наконец подобрал определение Тетерин.

Все расселись и приступили к еде. Слуга поинтересовался, кому что принести из питья.

- Апельсинового сока, - сказал отец-основатель.

- А нам с мальчиком молока, если есть, - попросил Прокофьич.

- Минералки, - сказал Тетерин.

- А мне пива, - заказал Белокуров, - поскольку за руль мне не садиться.

- И мне пива, - приказала княгиня. - А вы что, собираетесь ехать?

- Да, намерены, - ответил главный бестиарий, поедая осетрину. - Сегодня ночью хотим встретить Пасху в одном сельском храме.

- Это правда? - спросила княгиня почему-то отца-основателя.

- Я не знаю, - пожал плечами тот.

- Превосходный священник, старинный огромный храм, - говорил Белокуров, кладя себе на тарелку заливное. - Никакой московской суеты, мало народу, на рассвете - разговенье… Которое для нас, впрочем, ничего не значит, ибо мы не постились.

- Разве вы видите на столе мясное? - хмыкнула княгиня.

- Не вижу, но в Великий пост, ваше высочество, на столе не должно быть не только мясного, но и рыбного, и молочного, только овощи и постные каши,

- просветил Белокуров и с удовольствием прикончил кусок заливного судака.

- Пасха в деревенском храме… - мечтательно произнесла княгиня. - Мы поедем с вами! Такова моя княжеская воля! И там, в скромной обстановке, заставим отца-основателя повенчаться со своей невестой, от которой он отказывается.

- Екатерина Петровна! - вспыхнула фрейлина. - Я же просила!

- Ничего не желаю слушать, - возразила княгиня, имя которой вновь стало известно Белокурову. - Представьте себе, соблазнил девушку, назначил свадьбу, которая должна завтра состояться, и в самый последний момент подколесинствует.

- Прекрасно сказано! - легонько похлопал в ладоши Белокуров.

- Но ведь действительно ведет себя как Подколесин! - возмущенно продолжала княгиня. - Господа, скажите ему, что так не делается.

- Господа все в Париже, - заметил Белокуров голосом Шарикова из своего любимейшего фильма. - Товарищ княгиня, должен вас огорчить тем, что в Светлое Христово Воскресение браки не совершаются, так что при всем желании спасти честь девушки мы не сможем завтра никого обвенчать, а сегодня уже поздно. Да и сегодня не венчают - пост еще не кончился. Насколько мне ведомо, первые венчания совершаются в первое

воскресенье после Пасхи. Так называемая Красная Горка, или Антипасха.

- Каковы познания! - усмехнулась княгиня.

- Все-таки как-никак, а я - главный редактор газеты, защищающей интересы православных русских.

- Я заметила, что ваша газета из этих… Как говорится, по другую сторону баррикад.

- Никаких баррикад после девяносто третьего года нет, - возразил Белокуров. - Одни барракуды остались. Знаете что! - вскинулась княгиня. - Мы отправимся встречать деревенскую Пасху на лошадях. У нас отличные лошади, и хватит на всех.

- Если можно, мы с Сережей побудем тут, - сказал Прокофьич, принимая тарелку с супом пити. - Спасибо. Не очень горячий? Будешь супчик, малыш?

- Буду, - кивнул Сережа. - Чупчик. Спасибо.

- Какой вежливый, - похвалила его княгиня.

- Нет, отче, я не могу расстаться с мальчиком, - возразил отчиму Белокуров. - Мы поедем на машине, точно так же, как прибыли сюда. К тому же у священника, отца Василия, вряд ли имеется достойное стойло для ваших породистых рысаков.

- Ну, допустим, они не самые породистые, - сказала княгиня. - Хотя Ласточка - орловская, чистокровная. Зря не хотите. Это было бы эффектно. Господин товарищ главный редактор, может, вы все-таки составите мне компанию? Все поедут на машинах, а мы с вами впереди - на лошадках, а?

Белокуров давно уже не ездил на лошади, предложение казалось заманчивым, но он понимал, что начнется кино про дворянско-помещичью любовь на лошадях, и, укротив свое желание, отказался:

- Должен извиниться, но я последний раз садился в седло десять лет тому назад, а за означенный период изрядно потолстел, перепрыгнув из сорок восьмого в пятьдесят шестой. Я имею в виду размер костюма. Так что мне нужны не орловские ласточки, а курские тяжеловозы. Двужильные. А еще лучше

- слоны. Воображаю, каково удивится сельский священник, если к нему приедут на слоне встречать Пасху.

- Да, зря вы не успели похудеть, - проворчала владычица здешних мест. Тотчас ей пришлось виновато подергать ноздрями, потому что подувший в открытую форточку ветер одарил обедающих неприятным запахом. - Виталик, закрой, пожалуйста, - приказала она слуге, кивнув в сторону окна. - Прошу прощения, господа, стихийное бедствие.

- Что же это за подземный источник нечистот тут у вас? - спросил Тетерин.

- Да там у нас в пещере имеется глубокий колодец, - ответила княгиня с досадой. - Он неизвестного происхождения. Очень глубокий. Вот из него-то и излились какие-то странные пакости. Пожалуй, из-за одного только этого запаха следует на пару деньков отправиться отсюда в путешествие по сельским батюшкам.

- А скажите, Екатерина Петровна, - снова обратился с вопросом палеоантрополог. - А что лично вас привлекает в этой жизни тут? Вы что, убежденный «жаворонок»?

- Да, я убежденный «жаворонок» и полностью разделяю идеи отца-основателя о необходимости существования обособленного государства, населенного «жаворонками» и отстаивающего их интересы, - впервые, кажется, без доли иронии сказала княгиня.

- Вопросов больше не имею, - сказал Тетерин.

- Но согласитесь, что, кроме всего прочего, вам очень нравится иметь своих собственных подданных, свой народ, свою личную власть, - заметил Белокуров. - Женой президента России вам не суждено быть, ни Раечкой, ни Наиночкой, так хоть побыть княгиней Жаворонковой.

- На мой взгляд, это в тысячу раз лучше, чем быть Раечками и Наиночками, презираемыми и ненавидимыми своим народом, - сказал Тетерин.

- Благодарю вас, - засмеялась княгиня. - Вы - мой рыцарь! Я присвою вам графское достоинство. Простите, я опять забыла, как ваша фамилия?

- Тетерин.

- Граф Тетерин… Нет, лучше - граф Тетерев.

- Вы рискуете, ваше высочество, что он создаст внутри княжества свое графство для глухих и по утрам они будут не купаться вместе с вами в реке, а токовать на току, - остерег Белокуров.

- Да, спасибо, я не хочу быть графом, - поблагодарил палеоантрополог.

Они еще целых полчаса сидели и предавались подобным бесцельным разговорам.

Наконец, после мороженого с клубникой и черникой, сей долгий, почти полуторачасовой, обед завершился, и все отправились гулять. Первым делом пошли на конюшню смотреть лошадок. Княгиня не расставалась с Сережей, вела его за ручку. Белокуров - за другую.

- Вы всегда так много едите, ваше высочество? - спросил он, когда они вышли из дворца.

- Я обычно ем мало, - отвечала она. - Но вы у меня будете хорошо питаться, чтобы не терять в весе, а кое-кому надо и

поднабрать, а то папка у нас толстый, красивый, а малыш - худенький. Да, Серый?

- Да, - отвечал Сережа, с благоговением глядя на красивую тетю в красивых серьгах, изящном длиннополом, но легком пальто, удачно подстриженную и со вкусом накрашенную.

- Он у меня дамский угодник, - смутился Белокуров.

- И это правильно. Уже сейчас видно, что он будет иметь успех у женщин. Ты меня любишь, Сережа?

- Любишь?

- Нет, ты не отвечай вопросом на вопрос, а скажи: «Я тебя люблю».

- Я тебя люблю.

- Вот! Что и требовалось доказать.

- А почему вы думаете, что мы останемся у вас, чтобы хорошо питаться? Мы не намерены жить здесь.

- Зачем же тогда приезжали?

- Чтобы понять, что приезжать не нужно было.

- Нет, нет и нет! Ничего не принимаю! Да я вас просто в плен возьму, да и все. Вы хотели тут у нас, за новорусскими спинами, спрятаться, а не предполагали попасть в плен. Нет, дорогие мои, вы останетесь при мне, примете жаворонковское подданство, станете жить-поживать да добра наживать. Князю нашему шестьдесят, детей рожать он уже не умеет, а я давно хотела такого румяного мальчика, как Сережа. Да еще его папка, даст Бог, мне такого же сделает. Князь если сам не помрет в ближайшем будущем, так его подстрелят рано или поздно, от этого никуда не деться. Листьев, Холодов и князь Жаворонков… Все перейдет в руки княгини Жаворонковой и того, кто станет ее новым супругом. А вы говорите, не останетесь. Смеетесь, что ли, Борис Игоревич? кстати, а почему вы Игоревич, а отец ваш - Николай? Или это отец жены?

- Нет, это мой отчим.

- Хороший дядечка. Мне кажется, он не прочь поселиться тут, на природе, на раздолье, на хороших харчах.

- Харчей мы ему и без вашего новорусского князя добудем.

- У других новорусских?

- А хоть и у других.

- Не дурите, Борис! Чего вам еще искать в жизни? Я читала вашу газету. Она хорошая, но… сами понимаете. Пфук. Захотите продолжать издание - будете издавать здесь. У нас, кстати, ни одной газеты так до сих пор и не выходит. Давайте организуем нашу княжескую прессу! «Правда рассвета», «Птичьи новости», «Женьминь жаворон-бао», журналы - «Жавороново крыло», «Наша ублиеттка», детские - «Ярилка», «Солнышко». Дух захватывает или

нет?

- Не захватывает. У вас чисто средневековое государство, а при феодализме прессы не было, и появись при Иване Калите или Иване Третьем какой-нибудь Паша Гусев или Сванидзе, их бы сей же миг пожгли в деревянной клети, аки еретиков и антихристов.

- Предлагаю вам, оставшись тут, сразу сесть за книгу: нынешние журналисты и политические деятели перед судом Иоанна Грозного. Полностью финансирую издание на лучшей бумаге, с лучшими фотографиями и иллюстрациями, в лучшем издательстве. Что вы на это скажете?

- Ничего не скажу. Меня ваш князь мигом заревнует, и придется мне становиться перед судом Ардалиона Первого. Кстати, а почему он Ардалион? Тоже сам придумал?

- Нет, это его настоящее имя. Хотя, может, и придумал. Не могу сказать точно.

- Я пару раз слыхал, как вы его Лешкой назвали.

- Ардалиошка - Лешка, логично. Но вы не думайте, мы все так обмозгуем, что он ничего не заподозрит. А мои капризы он обожает.

На конюшне княгиня Жаворонкова показывала Сереже лошадок, сажала его верхом на самую маленькую, и Сережа был в восторге. Белокуров гадал, искренне ли она затягивает его в свой омут или за этим всем что-то стоит? Теперь вот затеяла показ того, как Сережа быстро начал к ней льнуть. Через сына взялась действовать. Потом, правда, прокололась - при гостях взялась отчитывать конюха за то, что ее любимая кобыла Ласточка стала прихрамывать. Все увидели, какое удовольствие ей доставляет отчитывать, сыпать угрозы, топать ногой, грозить кулаком провинившемуся. А ей, должно быть, казалось, что она в этот миг прекрасна.

Потом она затеяла катание в легкой двухместной коляске, запряженной одной лошадью. Белокуров хотел было отказаться садиться с княгиней и Сережей, но, видя, как сын хочет этого катания, согласился.

- Сможете управиться? - спросила княгиня, предлагая ему вожжи.

- Должен смочь, когда-то умел, - прокряхтел главный бестиарий, усаживаясь поудобнее.

Умение водить упряжку быстро воскресло в нем, едва только поехали. Сердце билось от волнения и восторга.

- Бред какой-то! - воскликнул Белокуров. - Сбежали от матери и жены, от Москвы и Америки и катаемся на лошадке в княжестве Жаворонки. Ведь бред?

- Бред, - согласилась княгиня.

- Брред! О, папа! Брред! - закричал ликующий Сережа, тесно сидя между мощным афедроном своего отца и изящным задом княгини Жаворонковой.

- Белокуров! Я уже безудержно люблю вас обоих! Можете вы хоть это понять, дубина стоеросовая?

- Бред, бред и бред! - возражал главный бестиарий. - Бред-бери. Нам, барыня, это ни к чему. Мы люди простые, неграмотные. Нам про любовь не надоть.

- Проклятый! Усы он сбрил! А что доказал? Лишний раз проявил свой мужской норов и свое мальчишество. И думал, я отступлюсь?

- А мы убегем!

- Сережу не отдам!

- Еще как отдашь! Нет, ни в прогрессивную Америку, ни в отсталое средневековье! Ему, быть может, суждено Россию спасти? В нем четыре души, как говорят некоторые гады-колдуны.

- За вами пойду. Хоть в Сибирь, хоть Россию спасать!

Сделав кружок, Белокуров подъехал туда, где стояли Тетерин и отец- основатель, и остановил лошадку.

- Хорошая коляска! - похвалил он.

- Старинная. Наши жаворонковские мастера привели ее в родное состояние, - похвалилась княгиня. - Идеи жаворонства живут и побеждают. Слава великому отцу-основателю!

На лице у Ревякина впервые мелькнула улыбка.

- Ну что? - спросила княгиня у бестиария. - Отправимся к сельскому священнику если не верхом, то в коляске?

- Путь-то не такой уж и близкий, - покачал головой Белокуров. - Только в авто!

- Белошкуров вы после этого, а не Белокуров! - был приговор владычицы замков, дворцов и конюшен.

- То-то моя жена не захотела носить мою фамилию, - болтанул главный бестиарий. - Не стала ни Белошкурой, ни Белокурвой.

Сережа из коляски вылезать наотрез отказывался, плакал и при этом почему-то кричал:

- Слава! Слава комару! Бидителю!

- Маленький, - сочувствовала ему княгиня. - Не любит он тебя, тащит! Не видать тебе с ним никаких удовольствий.

- Удовольствиями граждан разрушается достояние Отечества, - отчеканил главный бестиарий свою любимую римскую пословицу.

- Отечества, которого нет и которого трижды не будет, - сердито возразила княгиня.

- А вот тут неправда ваша, - сказал Белокуров вдруг так

строго, что даже Сережа перестал упираться и согласился покинуть легкий экипаж.

Потом они еще долго гуляли по княжеству, ведя все те же разговоры, которые под конец уже стали нестерпимо раздражать Бориса Игоревича. После прогулки Прокофьич уложил малыша на пару часиков поспать, а заодно и сам намеревался вздремнуть. Сережа не капризничал и был покорен, его удовлетворяло, что им так вплотную занимаются: долго гуляют, показывают лошадок, катают. Казалось, он даже осознает, что его принимает у себя в гостях не просто тетя Катя, а княгиня, хоть и ненастоящая, новорусская.

Затем княгиня повела гостей в подвалы дворца, где имелись сауна, спортзал с тренажерами и небольшой бассейн с ледяной водой. Тут она с ними ненадолго попрощалась, сказав:

- Двух часов вам хватит? А я пока пойду. побуду немного в одиночестве. После вас немного попарюсь и ополоснусь перед дорогой.

- Экстравагантная женщина! - сказал Тетерин, когда она ушла.

- Она хорошая, - со вздохом согласился отец-основатель.

- Даже слишком, - засмеялся Белокуров, отчего оба поглядели на него вопросительно.

Парилка была крепкая, из нее выбегали и прыгали в ледяной бассейн, потом опять лезли в парилку. В холодильнике можно было обрести пиво, белое столовое вино, водку, креветок, мидий, раков, семгу и даже ропанов. Трижды попарившись и окунувшись, угостились кто чем понемножку и снова полезли в жар парилки. Уселись на верхнем полке, дыша тяжко и счастливо, быстро покрываясь восковыми каплями пота.

- Эх, до чего ж хорошо! - выдохнул Белокуров.

- Кажется, ведь и положено перед Пасхой намываться, - произнес Тетерин. - Чтобы с чистым телом и чистой душой встречать.

- Тело-то мы успеем отчистить, - сказал отец-основатель.

- А что, брат двойник, сильно загрязнена душа? - спросил его главный бестиарий.

- А у вас? - сердито ответил вопросом на вопрос Ревякин.

- У меня-то? - хмыкнул Борис Игоревич. - Не душа нынче у меня, а бомж немытый, гнилой и смердящий.

- Красиво сказано! - рассмеялся Тетерин.

- Ваша чище? - спросил его Ревякин.

- Тоже бомж, - мотнул головой голый палеоантрополог.

- Стало быть, наши души будут Пасху встречать как бомжи, - подытожил отец-основатель.

- А ваша-то душа чем перепачкана, главный идеолог светлого птичьего будущего? - спросил Белокуров.

- Не скажу, - буркнул тот.

Наступило молчание. потрескивала печка, было слышно, как стукаются о доски капли пота трех бомжедушных грешников. Вдруг дверь парилки со скрипом, резко отворилась - и на пороге выросла фигура голой женщины. Три мужских сердца разом дрогнули.

- Ох и накочегарили! Не продохнуть! - прокряхтела голая княгиня Жаворонкова, закрывая за собой дверь и не спеша усаживаться на полок, красуясь своим холеным телом. На нижнем полке места хватило бы еще для двоих, но она села на средний, прямо у ног Белокурова. Теперь перед ним были ее плечи, спина, затылок, сияющий черными волосами. Внутри у главного бестиария все съежилось. Он постарался прикрыться полотенцем, на котором сидел, и заметил, что Тетерин совершает то же самое, а Ревякину все равно. Что делать дальше - непонятно.

- Сейчас еще Марина с Оксаной придут, - сообщила княгиня. - Что-то замешкались. Небось Маринка опять заартачилась. Может, вам и впрямь не жениться на ней, Владимир Георгиевич?

«Та-ак! - подумал Белокуров. - Оксанка, стало быть, для Тетерина. Надо делать ноги!»

- Марина с Оксаной тоже во всей прелестной наготе? - спросил он нахальным тоном.

- Разумеется, - сказала княгиня. - У нас в княжестве…

- Знаю-знаю, - перебил голый главный бестиарий. - Солнце приходит к нам раздетое, и нам нечего стесняться наготы. Отец основатель нас уже просветил.

- Так, я пошел, - решительно встал Тетерин, скакнул вниз и исчез за скрипучей дверью.

- Куда это он? - спросила княгиня.

- Должно быть, пошел своего Хавьера Солано сбривать, как я своего Мопассана, - засмеялся Белокуров.

- Хавьера? - не поняла княгиня.

- Ну генерального секретаря НАТО, - в отличие от нее, понял шутку Белокурова отец-основатель. - У Хавьера Солано такая же щетина. Сейчас это в моде.

- И правильно сделает, если сбреет, - засмеялась княгиня. - Ему ужасно не идет.

Наступило молчание. Белокуров собрался уж было тоже совершить побег, но Ревякин опередил его:

- Так, мне тоже уже хватит. Сердчишко что-то стало затихать.

Одновременно с ним почему-то уходить было неловко.

Когда отец-снователь оставил княгиню и бестиария наедине,

голая женщина запрокинула руки, завела их за шею Белокурова и там сцепила пальцы. Голова легла ему на живот. Глядя сверху на красивые очертания женского тела, Белокуров едва не потерял голову.

Но нет! Надо было бежать. И он схватил руки княгини, оторвал их от себя, поднимаясь, и произнес:

- Голые бабы по небу летят: в баню попал реактивный снаряд.

- Какой хам! - смеясь, воскликнула княгиня. - Эй! Куда? Замри! Держи его! Хватай его!

Но он уже рванул дверь, выскочил из парилки, бросился в бассейн, окунулся, смывая пот, поспешно вылез и зашагал в раздевалку. Там обнаружил одевающихся Ревякина и Тетерина. Ни Марины, ни Оксаны.

- А где другие совратительницы? - спросил он.

- Женская раздевалка отдельно, - сообщил отец-основатель.

- Это вы после разговора о загаженных душах решили хоть немного не грешить перед Пасхой? - смеялся бестиарий.

- Просто хватит париться, - пожал плечами Ревякин.

- Да и вообще… - туманно добавил палеоантрополог.

Слава Богу, у княгини хватило ума и такта не гнаться за беглецами. Они спокойно оделись и пошли прочь из сауны.

- Предлагаю прямо сейчас - по машинам, - сказал Белокуров Тетерину, но тот покачал головой:

- Неудобно. Получится, что нас так гостеприимно встретили, а мы - хамье. Хотя - как прикажете. Я готов прямо сейчас ехать.

- Давайте так: будем не спеша собираться и отправляться. Если они все же не отвяжутся от нас, возьмем их с собой, а нет - уедем одни.

Такое предложение обоим показалось самым приемлемым. Разбудив Прокофьича и Сережу, Белокуров собрался, одел сына и вскоре выводил его и отчима из дворца князя Жаворонкова. Тетерин уже стоял на крыльце. При виде их сообщил:

- Сейчас пригонят мою «мыльницу» из гаража.

Глава восемнадцатая
Прощай, мохнорылость!

- Хватит гулять!

Собираясь в дорогу, Сергей Михайлович в очередной раз за сегодня задавал себе крючковатый вопрос: «Кто же я все-таки такой и зачем оказался тут?» Не в том смысле, что он запамятовал свои имя и профессию, пол и национальность, а гораздо в более широком: человек ли он или некая иллюзорная субстанция, плод чьего-то коварного и жестокого воображения? смысл его вопроса был куда глубже: не просто зачем он оказался здесь, в этом придуманном княжестве «жаворонков», а зачем он вообще на этой земле? Хотя и о княжестве он тоже думал: «Зачем? зачем занесло меня сюда? Быть может, для того, чтобы нюхнуть этого отвратительного запаха? Все говорят, тут что-то разлилось, вытекло из-под земли. А что разлилось? что вытекло? Проверяли состав? Может быть, это Ч вытекло? Может быть, это здесь, а не в Москве разверзлась великая чакра, из которой выползло это мерзостное, зловонное Ч?» С таким запахом сосуществовать не представлялось возможным, он повсюду лез в ноздри; даже сидя в сауне, Тетерин ловил его своим вдруг ставшим чутким обонянием. Там, в Москве, чакра Земли не открылась, потому что он отключил ударом по башке великого чемпиона Чернолюбова. Но после сего подвига чакра полюбила его, Сергея Михайловича, признала его чемпионом мира и открылась ради него здесь, куда он приехал, сбежав из Москвы. Ей казалось, она очарует его своим запахом, а он едва сдерживал в себе рвоту от вони. Ад открывается и выходит на поверхность ради ознакомления людей со своим зловонным содержанием. Обычно это происходит в виде вулканов. Здесь, в княжестве Жаворонки, - в виде гнусной жижи.

Еще он думал о так называемой княгине Жаворонковой. Что за странное существо? С виду - красавица, нарядная, холеная, а что внутри у нее? Откроется чакра, и вытечет точно такая же вонючая жижа… Хотя, быть может, напрасно он грешит на нее? А сцена в конюшне? Разве там не произошло открытие этой зловонной чакры, когда из прелестных уст потекла отвратительная брань на бедного конюха, не сумевшего уберечь любимую лошаденку от хромоты? Сколько длилась эта сцена? Минут пять-шесть, не больше. Но вполне достаточно, чтобы почувствовать запах нутра этой женщины.Открылось и закрылось

- и вновь на поверхности все очаровательно и прелестно. Может быть, обычно тут принято в подобных случаях сечь провинившегося работника - плотника, конюха, землепашца? Обычно принято, а на сей раз простили ради гостей?

И потом, когда она вошла голая в парилку. Что это за танец Саломеи она затеяла? Кого хотела соблазнить? Только ли Белокурова, которого откровенно охмуряла с первых же минут встречи и знакомства? А может быть, всех, все человечество? Желая весь мир затащить в свое княжество, превратить в своих подданных, а потом властвовать вволюшку, распекать, казнить, миловать. Кого выберу - к себе в постель, а другого - пороть на конюшню!

Тетерин понимал, что ему понравилось бить по головам. Всю жизнь он трепетно занимался черепами, и вот настало время эти черепа крушить. Время собирать и время проламывать, время изучать и время изобличать, время знать и время «век бы не знать»! Руки чесались, до того хотелось еще разбить что-нибудь тяжелое о чью-нибудь пустую и вредную головенку. Поначалу он выбрал в качестве жертвы отца-основателя - птичью ипостась ч-носца, этакого ч-аворонка. Но постепенно кандидатура Владимира Георгиевича отсохла и отпала - после того, как кликушеского вида изобличитель щербатым своим ртом проклял ч-аворонка. Он только одно не швырнул в лицо Ревякину. Оно само собой напрашивалось. Это не княжество Жаворонки. Это княжество Ч-воронки. Воронки Ч, из которой вытекло вонючее извержение. Вот что надо было сказать отцу-основателю. Но еще предоставится случай.

Перестав считать Ревякина своим избранником, Тетерин сосредоточился на кандидатуре княгини Чаворонковой. Женщин, конечно, бить по голове тяжелыми предметами нехорошо. Но женщина ли она? - вот в чем вопрос. И сей вопрос требовал изучения. Женщин Сергей Михайлович, несмотря ни на что, любил. Но любить носительниц чакр - увольте!

- А на себя-то посмотри! - сказал он вдруг самому себе, в последний раз перед уходом взглянув в зеркало. - Мать честная!

Он не напрасно помянул мать. Только теперь он вдруг отчетливо увидел, как была права милая Людмила Петровна, обвиняя его в злостной мохнорылости. Доселе он был убежден, что мохнорылость ему очень к лицу, что она придает ему солидности, благополучия, этакого чуть небрежного знания цены мира сего. Теперь же он видел перед собой именно - мохнорылого. И ничего больше. И от этого мохнорылого разило серой. Бедная Людмила Петровна! Как она, должно быть, страдала! Утренний тележурналист Сергей Черкизов был

эталоном мохнорылости. Его Людмила Петровна ненавидела больше всех. Во-первых, за то, что он самым ранним из чертей вылезал на экран телевизора поутру. Во-вторых, потому, что от него даже с телеэкрана разило сивушным перегаром ненависти к стране, которую Людмила Петровна обожала каждой клеточкой своего существа. И в-третьих, потому, что его лицо собрало в себе как бы все лица ненавистников России.

Наконец, она ненавидела утреннего телебеса еще и за то, что ее собственный сын, тоже Сергей, стал отращивать такую же мохнорылость на родном ей лице.

- Нет, нет, с этим надо покончить! - прорычал Сергей Михайлович, стоя перед зеркалом в предоставленных ему апартаментах во дворце князя Жаворонкова.

Он хотел прямо сейчас затратить время на уничтожение мохнорылой поросли, но вспомнил, что при нем нет никаких бритвенных приборов. И к тому же если сейчас все сбрить, а потом начать отращивать нормальную бороду, то этой бороде волей-неволей придется пройти через стадию мохнорылости. Тогда зачем сбривать? А действительно, зачем сбривать, если Сергей Михайлович решил не безусым и безбородым жить дальше, а как раз наоборот - усатым и бородатым?

- Смешной ты человек! - сказал он на прощание себе мохнорылому. Пока еще мохнорылому. С этой минуты - он знал это твердо - он будет все больше удаляться от мохнорылости, дав возможность вторичным половым признакам свободно произрастать. Благо, скудобородая мелкотравчатость ему не грозила, как некоторым.

Обозвав себя смешным, он наконец покинул временное жилье и спустился вниз, к выходу, отдал ключ привратнику, вышел на крыльцо и хотел было вдохнуть полной грудью, но вонь излившейся чакры сильнее прежнего ударила в ноздри, пришлось сбавлять дыхание. Появился отец-основатель и, увидев у ног Тетерина сумку с вещами, спросил:

- Что, уже уезжаем?

- Да, я бы попросил подогнать мою машину.

- Сейчас я распоряжусь. Должны были и бак вам до краев залить. Сейчас.

Он исчез, и вскоре показалось семейство Белокуровых. Увидев Сережу, Тетерин почувствовал, как необычайное спасительное тепло разливается по его груди, будто это был уже и его сын. Вспомнилось, как он радостно вскрикнул, когда фаянсовая полка разлетелась брызгами от головы великого чемпиона.

- Здорово, Серега! - весело приветствовал чудодейственного

мальчика Сергей Михайлович.

- Даррова, - протянул ручку для ручкопожатия «Беррокуров».

- Сейчас пригонят мою «мыльницу» из гаража, - сказал Тетерин. - Как самочувствие, Николай Прокофьич?

- Теперь я тоже согласен, что надо сматываться отсюда, - сказал самый старший из Белокуровых. - Вонища такая, что тошнит. Откуда здесь могла взяться канализация, ума не приложу!

- Какая канализация?

- Ну что у них тут прорвало, я не знаю.

- Ад выпустил свою ядовитую слюну, - сказал Белокуров-средний. Видно, он успел поразмышлять о том же, о чем Тетерин.

- Скажешь тоже, «ад»! - фыркнул старший. - Откуда ему здесь взяться?

- За что я люблю своего отчима, - рассмеялся газетчик, - за его здравый рассудок. А ведь действительно, откуда здесь, во глубине России, взяться аду? Смешно и нелепо. Я понимаю, где-нибудь в Завидово или Нью-Йорке, а здесь, из-под невинных «жаворонков»… О, кажется, ваша «мыльница». Ну, граф Тетерев, прошу вас обратно за руль.

- Поедем! - ликовал Сережа.

Один из громил, нынче утром арестовывавший гостей, вылез из-за руля и сообщил:

- Получите. Смазано, бак заправлен, там сцепление малость барахлило, я починил.

- Спасибо, - сказал Тетерин и отблагодарил любезного десятью долларами, от которых тот не отказался, а даже стал переминаться с ноги на ногу, за что получил еще десятку и лишь тогда с полупоклоном исчез.

- Погодите! - окликнул садящихся в автомобиль отец-основатель. - Вы что же, нас не подождете? Княгиня решительно намеревается тоже ехать.

- Мы и собирались подождать вас в машине, - ответил Белокуров. - А вообще-то…

Он вылез, отвел своего худощавого двойника в сторонку, что-то сказал ему, затем, достав из кармана бумажник, извлек какую-то записку и показал отцу-основателю. Тот некоторое время разглядывал листок бумаги, потом закивал и возвратил его Белокурову.

- Все прекрасно, - молвил Белокуров, возвращаясь на сиденье рядом с водителем. - Я показал ему схему, как добираться до отца Василия. Они приедут попозже, дождутся заката, помолятся напоследок Ярилке и отправятся. Трогаем, граф!

- Тррогаем, грраф! - прикрикнул чудодейственный мальчик.

Машина завелась с полоборота.

- Прощайте, Жаворонки! - сказал Белокуров.

- Прощай, вонючка, - тихо добавил Тетерин, а мысленно еще и попрощался с собой мохнорылым, который должен был навсегда остаться здесь.

Едва они удалились на некоторое расстояние от причудливого птичьего княжества, как его охватило непередаваемое чувство облегчения, а когда окончательно перестало вонять излияниями чакры - то и вовсе чувство возрождения, оживления, обновления. Теперь он знал, что они держат правильный путь, и ему хотелось смеяться от счастья. И он рассмеялся.

Справа в лобовом стекле садилось солнце, за которым гналось широкое одеяло туч. Вскоре стал накрапывать мелкобисерный дождик, редкие капли которого мгновенно слизывались со стекла встречным ветром. Чем дальше «мыльница» увозила их от княжества, тем легче становилось на душе у Тетерина и, похоже, у всех остальных, включая Сережу, который вдруг запел:

- А годы летят, наши годы, как птицы, летят, и некуда нам огинуться назад.

Слух у него был идеальный, мелодию он вывел безукоризненно.

- Любимая песня Прокофьича, - сказал Белокуров. - А теперь они ее вдвоем распевают. Эх ты, «некуда огинуться».

За час они добрались до Лихославля, от которого, судя по имеющейся у Белокурова схеме, оставалось езды километров двадцать.

- Во сколько же сегодня закат? - спросил Тетерин.

- Часов в девять, - пожал плечами Белокуров.

- Ну, если в девять, они успеют ко всенощной добраться.

- «Жаворонки»-то? Успеют. - Вздох Белокурова означал, что ему бы хотелось их вовсе больше не видеть. - Надо было их на ложный след навести, а я, как дурак, схемана стал показывать. Одна надежда: что отца-основателя отвлечет что-нибудь и он забудет схему. Хотя, скорее всего, они все-таки приедут. Им ведь тоже неохота вонь нюхать. Захотят продышаться свежим воздухом.

Вскоре доехали до указателя «с/х «ДЕВЧАТА», за которым следовало свернуть на проселочную дорогу и ехать еще пять километров до села Радоницы

- конечного пункта их короткого на сей раз путешествия. Солнце, не успев добежать до заката, попало в плен к небесным чеченцам, и сразу стало серо кругом, дождь закапал сильнее, но

на душе оставалось легкое чувство бегства и, главное, спасения.

На проселочной дороге колдобины устроили «мыльнице» качку, будто среднебалльная буря легкому суденышку, и бедного Сережу укачало и вырвало, причем, что особенно умилило Тетерина, он в перерывах между рвотными спазмами говорил: «Постите… постите… постите…» Не то запамятовал, что в мире есть буква «Р», не то просил, чтобы отныне во время постов ему не давали скоромного.

- Милый, бедный! Извиняется еще! - переживал Николай Прокофьевич.

Дальше пришлось ехать совсем медленно, почти со скоростью пешего человека. Часы показывали пятнадцать минут восьмого, когда впереди меж ветвей встал силуэт высокого храма, похожего издали на готовый к запуску космический корабль. А когда выехали из леса, храм вырос перед глазами во всей своей красе - белый, кое-где подржавившийся облуплениями, обнажившими кирпичную кладку. С одного бока возвышались леса - там велись реставрационные работы. Четыре главных купола уже сверкали голубовато-серебристой жестью. Большой средний еще только ждал своего обновления.

- Пап, смотрри, хррам! - воскликнул Сережа, вновь обретя раскатистую букву.

На крыльце одного из домов появилась пожилая женщина, и Тетерин поспешил подъехать к калитке этого дома. Белокуров выглянул и громко спросил:

- Здравствуйте! Скажите, отец Василий здесь?

- Вы к отцу Василию? - обрадовалась женщина. - Здесь, здесь! - Она сошла с крыльца и продолжала говорить, приближаясь. - Только он в бане сейчас, допаривается. Скоро уж выйдет.

- Я же говорил, что перед Пасхой положено в бане париться, - сказал Тетерин, радуясь, что был прав, и что батюшки тоже парятся, и что они приехали сюда, и что Сережа стал понемногу розоветь, а до того был синегубый.

- А молодой Василий приехал? - спросил Белокуров.

- Приехал, - отвечала женщина. - Он тоже парится сейчас, и Вячеслав, и Лешка. А вы приехали Пасху встречать или уедете?

- Нет, приехали Пасху встречать.

- Какое счастье! Отец Василий неспроста молился, чтобы еще людей послал Боженька. Услышаны его молитвы. А я - жена отца Василия, Наталья Константиновна. Да, и Васина жена приехала.

Тут Тетерин не мог не заметить, как побледнели губы на сей раз у среднего Белокурова. Он еще больше обмяк, когда на крыльце показалась молодая женщина лет тридцати.

- Где машину поставим? - спросил Тетерин.

Белокуров молчал.

- Где можно машину поставить, Наталья Константиновна? - задал тот же вопрос Сергей Михайлович.

- Вон к тому дому. Он у нас гостевой. Вас сколько? Трое? С малышом четверо? В гостевом два места еще свободные есть, а малыша с кем-то из вас

- в наш дом, наш дом теплее.

Тетерин повел машину к гостевому дому, поглядывая на Белокурова. Что это с ним? Тут явно было что-то нечисто. Остановились, стали вылезать из машины, а он сидит. Наконец последним выбрался. Жена священника шла к ним с ключом от дома, повела в дом, стала показывать, какое где есть свободное койкоместо.

- Я гляжу, недавно вы этот домик срубили, - заметил Тетерин.

- В конце прошлого года, - ответила женщина. - Располагайтесь кто где хочет, молодые, а вы… не знаю, как звать вас…

- Николай Прокофьевич.

- А вы, Николай Прокофьевич, с мальчиком - в нашу избу. Ой! - она вдруг схватилась за сердце, побледнела и присела на край одной из кроватей.

- Что ж я, дура, не спросила-то у вас! Ребят, вы мне только честно скажите: вы не бандиты, не грабительщики?

- Нет, - рассмеялся Тетерин. - А что, разве похожи?

- Не обижайтесь, - взмолилась Наталья Константиновна. - Я потому спрашиваю, что у нас-то тут вчера что было! Напали на нас окаянные, в масках. У одного маска - Ельцин, у другого - Клинтон. Отцу Василию голову пистолетом разбили, Васе тоже. Привязали нас всех к кроватям. искали одну-единственную икону, а ему ее один благодетель подарил. Стариннейшая икона, называется Черный Дионисий. Из школы учеников самого знаменитого иконописца Дионисия. Нашли и только ее забрали. А потом свечка упала, газета вспыхнула да на тюлю перекинулось. Едва не погорели мы, каб житель наш, Алексей, не вернулся вовремя с прогулки. Я со вчерашнего и боюсь всех, а все равно доверчивая. А вы кто будете-то, добры люди?

- Мы из газеты, - сказал Белокуров. Губы у него уже не были такими бледными. - Я - главный редактор. Николай Прокофьевич - мой отчим, Сережа - сын, а это - мой сотрудник, Сергей Михайлович, палеоантрополог. Будем о вашем отце Василии очерк делать. И с молодым Василием я знаком, он-то меня и вывел на батюшку, схему дал, как доехать. Скажите, Наталья Константиновна, у Васи с женой никакого арабо-израильского конфликта не было?

- Да нет, все тихо. Хотя я заметила - что-то между ними холодное пролегло, будто противопожарный ров. А что? Плохо живут?

- Да вроде нет, - пожал плечами Белокуров.

- А почему ж не венчаются?

- Не знаю.

- То-то. Венчаться надо! У вас жены есть?

- У меня еще нет, - сказал Тетерин.

- У меня уже нет, - сказал Белокуров.

- У меня уже давно нет, - сказал Николай Прокофьевич.

- А если заведете, то - венчаться. В баню собирайтесь, пока она не остыла. Быстро остывает.

- Спасибо, мы перед отъездом в сауне парились, - сказал Белокуров.

- А я бы попарился, - крякнул Николай Прокофьевич. - И Сережу возьму. Вы-то набанились, а мы нет. Не шибкий там жар?

- Да сейчас уже, наверное, совсем нет жару, тепло только.

- Вот, Сереженька, приготовься впервые узнать, что такое деревенская банька.

Матушка, а с нею старший и младший Белокуровы ушли. Тетерин прилег отдохнуть на выделенное ему койкоместо в противоположном печке углу. Белокуров взволнованно ходил по комнате.

Вдруг дверь открылась и вошел… Не кто иной, как тот самый щербатый и гневный обличитель отца-основателя. Тетерин аж подскочил с койки, не веря глазам своим.

- Желаю здравствовать, - произнес обличитель чинно. Видно было, что после бани он в благодушии и не собирается больше никому выклевывать из хохолка перья.

- И вам того же, - сказал Тетерин.

- Лица мне ваши знакомы, а где видал, не упомню.

- Утром сегодня виделись с вами, - сказал Белокуров. - Вы грозные слова в Жаворонках отцу-основателю в лицо бросали.

- Хм! - мгновенно вспыхнул обличитель. - «Грозные слова»! Одними грозными словами не обойтись. Этого гада надо отработать в режиме правоохранительных органов.

- Великолепно сказано! - восторженно воскликнул газетчик. - Надо запомнить и использовать. Борис. - Он пожал руку обличителю.

- Вячеслав, - откликнулся тот.

- Сергей, - назвался палеоантрополог.

- А вы что в Жаворонках делали? - спросил Вячеслав.

- Собирали информацию для следствия по делу, - соврал Белокуров, и от этих слов лицо Вячеслава просияло.

- Для следствия? Свершилось, стало быть, правосудие! Заинтересовались этим Содомом и Гоморрой. Я могу вам дать самую полноценную информацию обо всех участниках этого кощунственного преступления, именуемого княжеством Жаворонки. Значит, так…

- Вы прямо сейчас намереваетесь давать информацию? - спросил Белокуров.

- А куда дальше откладывать?

Но информация не успела поступить, потому что теперь в комнату вошел еще один человек, при виде которого Белокуров изменился в лице. Усмешистость схлынула, губы вновь побелели. Человек этот был такого же примерно возраста, как Белокуров и Тетерин, с хорошей бородой, которую Тетерин отныне тоже будет отращивать, простившись с мохнорылостью. Только не такую клочкастую, как у обличителя Вячеслава.

- Здравствуйте, Василий, - попытался изобразить бодрый тон Белокуров.

- Вот по вашей наводке нагрянули, так сказать…

- Я уже обо всем знаю, - мрачно произнес Василий и засопел, будто его стало тошнить. Он очень недружелюбно посмотрел на Тетерина, смерив его взглядом. - Она мне во всем призналась.

- Вот как… - сглотнул Белокуров. - И что теперь?

- Я еще не решил. Или смогу простить обоих, или же убью. Тоже обоих.

- Вась, - сказал Белокуров, - пойдемте поговорим с глазу на глаз?

- Не хочу, - сказал в ответ Василий, усаживаясь на свою кровать. - Поговорим обо всем завтра, ладно? Если, конечно, у вас такая едкая жажда поговорить со мной. Честно говоря, я совсем не был готов к вашему приезду. Почему вы приехали?

- Как раз это я и хотел вам объяснить.

- Да? Ну пойдемте, любопытно будет послушать.

Василий с усталым вздохом встал.

- У нас есть два пистолета, - вдруг признался Белокуров. - Если хотите, Вячеслав будет вашим секундантом, а Сергей - моим. Не желаете?

- Пистолеты? - усмехнулся Василий. - Мне вон жена эспадроны привезла. Можем и на пистолетах, и на эспадронах сразиться. Только не здесь. Не будем осквернять святое место.

Они ушли. Некоторое время стояла тишина, Тетерин почему-то ждал, что вот-вот ее прервут отдаленные выстрелы. Но потом вспомнил, что его «стечкин» находится при нем, а дуэль на одном пистолете - не дуэль.

- Кажется, они что-то не поделили, - заговорил Вячеслав. -

Настроение у них явно не пасхальное. Кстати, а этот ваш толстый - он, часом, не брат ли Ревякина?

- Отца-основателя? А что? Похож?

- Очень похож. А, теперь понимаю! Обкладываете меня со всех сторон? Месть затеяли? Только учтите, что это будет не просто месть, а заклание и завтра же я буду у престола Всевышнего среди избранных гостей.

- Никто не собирается вас ни обкладывать, ни закладывать, а Белокуров просто двойник Ревякина… То есть это совершенно случайное сходство, и ваш Ревякин ему до лампочки.

- Не лжете? - недоверчиво спросил Вячеслав. - Глядите же! Мне врать - тройной грех.

- Это почему?

- Потому что я жизнью многажды много раз оболган. Чагового чая не желаете?

- Какого чая?

- Из чаги. Отец Василий выделил, сам собирает. Хорошая штука: и вкусная, и полезная, и жажду отбивает, и сил прибавляет. Налить?

- Налить.

Вячеслав налил из термоса в кружку и сам подал Тетерину. Тот стал пить, не понимая, нравится или не нравится ему, а думая о том, что Ч продолжается: вот и чай из чаги…

Тут в гостевой избе объявилась новая гостья - та самая молодая женщина, которую они видели на крыльце и при виде которой заметно растерялся Белокуров. Вид у нее был взволнованный. Она огляделась и спросила:

- Скажите, а где Борис и Василий?

- Отправились друг в друга из пистолетов пулять, - с глупой улыбкой ответил Вячеслав.

- Нет у них пистолетов, - поспешил возразить Тетерин, понимая, что здесь не до шуток. - Они отправились погулять ради какого-то разговора.

- Спасибо, - сказала она и тотчас удалилась.

- Вот! - торжественно объявил Вячеслав. - А сначала она приехала и ходила с Василием для разговора во лесок. Неспроста эти прогулки и разговоры. А вы, брате, давно ли воцерковлены?

- Честно говоря, я даже не вполне понимаю, что значит быть воцерковленным, - признался Сергей Михайлович.

- Да ну! - подивился Вячеслав. - Ну хоть крещеный? Или приехал креститься?

- Крещеный. Но в церковь не ходил. Сегодня впервые пойду. Так уж получилось.

- Ну, дорогой мой, сейчас это сплошь и рядом! - махнул рукой

обличитель ереси жаворонствующих. - А я-то сам-то! Думаете, я давно стал православным? Отнюдь. Вот, если хотите, вам вся моя жизнь сейчас предстанет. Охотно расскажу, ничего не утаивая. Хотите?

Но тут возвратился Белокуров и, заглянув, попросил Тетерина выйти с ним на минутку.

- Хорошо, что вы освободили меня от общества этого ересеборца, - сказал Тетерин, выходя с Белокуровым на свежий воздух. - Чем-то он мне неприятен.

Они двигались к реке. За нею над лесом садилось солнце, уже усевшись брюхом на верхушки деревьев, выскочив напоследок из плена облаков.

- Сергей, - сказал Белокуров, - я должен тебе открыться. Этот Василий

- обманутый муж, а я - соблазнитель его жены. Она приехала сегодня, за несколько часов до нашего приезда, и во всем ему призналась. Завтра мы решили стреляться. Отъедем на рассвете куда-нибудь подальше от этого святого места и совершим то, что совершали в прежние времена честные люди. Вы сможете дать Василию свой пистолет и отвезти нас?

- Да, пожалуй, - пожал плечами Тетерин. - Я что, буду единственным секундантом?

- Зачем нам лишние свидетели? - ответил Белокуров.

- Понятно, - сказал Сергей Михайлович. Помолчал, глядя, как солнце тонет в ветвях деревьев, исчезает, гонимое временем. Потом спросил: - И вы будете стреляться в такой день, как завтра?

- Похоже, ни мне, ни ему не хочется этого, но он говорит: «Надо!» - ответил Белокуров.

- Ну, раз надо, то надо, - снова пожал плечами Тетерин. - Хотя я на своем веку не помню, чтоб кто-нибудь дрался на дуэли. Глупость какая-то!

Закат догорал. Наступали сумерки.

Глава девятнадцатая
Летите, жаворонки, летите!

- За это убивать надо!

- Лелик! Только без рук! Я все исправлю!

- Чтоб ты издох! Чтоб я видел тебя в гробу в белых тапках! Чтоб ты жил на одну зарплату!

Закат догорел. Наступили сумерки, надвигалась великая пасхальная ночь. Княгиня Екатерина Петровна Жаворонкова, в девичестве Катя Мещанская, спешила ехать прочь из своих владений, в которых уже нестерпимо царствовала вонь, поднятая из-под земли ублиетткой. Пахло уже не серой, а каким-то особенно ядовито протухшим борщом. Ревякин вспомнил, что ему одно время часто приходилось ездить на Новослободскую и при выходе из метро постоянно бывал такой едкий и тошнотворный запах. Он тогда еще всякий раз думал, что где-то там производят какой-нибудь ядовитый газ и постоянно допускают его утечку.

Отцу-основателю не хотелось ехать, но и оставаться в княжестве при такой вони тоже не улыбалось. Уже несколько подданных птичьего государства в течение дня под разными предлогами и по разным поручениям поспешили удалиться - кто в соседнее село, кто в Тверь, а кто и даже в Москву.

В половине десятого отправились на том же джипе «Чероки», на котором позавчера приехали, только теперь княгиня и отец-основатель - на заднем сиденье, а за рулем и возле водителя - слуга Виталик и телохранитель Чинмин Мумуров, которого доселе Ревякин считал таджиком и лишь сегодня узнал, что он дунганин. Об этом и заговорили в первую очередь, когда отъехали.

- Чинмин, - обратился к коренастому крепышу телохранителю Владимир Георгиевич, - так ты, оказывается, дунганин? А я думал, таджик.

- Я Таджикистана родом, - отвечал тот. - А абще мы, дунгане, аснавном живем Казакстан-Кыргызстан. А сапсем аснавном - Китае.

- Вот я и знаю, что в основном в Китае, - кивнул отец-основатель. - А на китайца ты совсем не похож. И мусульманин.

- Правильна, мы, дунгане, асновном псе - мусульман.

- Кого только нет в нашем княжестве, - покачал головой Виталик. - Полный интернационал. Так и надо.

- Интернационалист нашелся! - фыркнула княгиня.

- Интернационал-то ладно, - вздохнул Ревякин. - Он нам пока не мешал, а вот брожение мнений началось - это хуже. Хочу доложить о зорянках.

Он стал рассказывать о зародившемся в княжестве сепаратизме, искоса поглядывая на свою бывшую жену и все больше убеждаясь, к кому она так стремится. «Что за вспышка ее обуяла! - думалось Владимиру Георгиевичу с горечью. - Доигрались мы с этой чертовой ублиетткой!»

- Не хочется сейчас об этом, - вдруг перебила отца-основателя княгиня Жаворонкова. - Расскажите лучше что-нибудь о мире птиц, Владимир Георгиевич.

- О мире птиц? - Ревякин малость взбодрился. Если она его просит рассказать о мире птиц, стало быть, он еще не полностью забыт ею как мужчина. - Мир птиц… - мечтательно промолвил он. - Мир птиц многолик и прекрасен. Подобно совершенным и ярким бабочкам, птицы украшают нашу жизнь, наши леса, горы, луга, сады и парки. Птицы неизменно сопровождают нас на всех дорогах жизни. Стоит лишь оглянуться, вслушаться в таинственную тишину весеннего леса, и мир необычных, часто волшебных звуков открывается перед нами. Манит, на всю жизнь увлекает нас бесконечным разнообразием сверкающих красок, движений и звуков. А как нас завораживает песня невидимого в весеннем сверкающем небе жаворонка! А в дремучем лесу очаровывает песня таинственной синехвостки. В сумраке речных зарослей до глубины души потрясает песня обыкновенного соловья. И это первое потрясение никогда не проходит бесследно. Нужно лишь, чтобы эта встреча состоялась как можно раньше. Весенняя песня птиц доступна и понятна для каждого живого существа на Земле. Подобно музыке Моцарта, Чайковского, Грига. С самого своего появления человек жил в окружении птичьих песнопений. Они тревожили его, звали за собой в неведомые леса и горы, долины и степи - за линию горизонта, где тысячелетиями чудилась человеку неоткрытая страна вечной весны, счастья и обновления. Эта светящаяся радужными красками даль манила. Подобно гигантской хрустальной чаше, она до краев была наполнена волшебными звуками крошечных и доверчивых созданий, готовых петь и всегда быть рядом. Эти крошечные существа, живущие всюду, радующиеся каждому дереву и кусту, каждому блюдечку чистой воды, каждому ручейку, живущие в великой гармонии с весенними лазурными небесами, белоснежными облаками, с полями и лесами, полными ярких цветов, сами по себе бесконечно разнообразные и прекрасные, дарят нам волшебное и неповторимое чудо - свои удивительные

песни…

- Стоп! - воскликнула вдруг княгиня Жаворонкова.

Виталик мгновенно затормозил.

- Да не ты стоп, - засмеялась княгиня. - Ты езжай дальше.

Машина снова поехала.

- Отец-основатель, - повернулась Катя к своему бывшему мужу, - наизусть вступительную статью выучили?

Все существо Ревякина залилось горячей лавой стыда. Он действительно выучил вступительную статью Геннадия Симкина из книги «Певчие птицы». Она ему очень нравилась, и он готовил ее для такого случая, как сейчас. Но кто бы мог подумать и предположить, что Катя удосужится прочесть эту вступиловку!

- А я-то думаю, - говорила она, - откуда это мне знакомо? А когда ты добрался до блюдечек чистой воды, тут-то меня и осенило. Ведь я как раз недавно читала эту книгу… Забыла фамилию автора… Фимкин? Синичкин?.. Ну не важно. Я еще когда читала там вступительную статью, подумала о том, что ты, бывает, с такой же любовью и так же складно рассказываешь про птиц. А оно, оказывается, вот как все просто объясняется! Володь, ты что, всегда мне тексты из чужих книг наизусть на уши вешал?

- Ты не поверишь, - промямлил Ревякин намертво пересохшим ртом, - но это со мной впервые. Статья Симкина так запала в душу, что сама собою выучилась наизусть. Это плохо?

- А я с наслаждением слушал, - заметил Виталик.

- А тебя никто не спрашивает, - огрызнулась на него Катя.

- А я и ничего, - съежился слуга. - Вы мне, главное, скажите, как дальше ехать.

- Владимир Георгиевич! - толкнула отца-основателя княгиня Жаворонкова.

- Ямщик интересуется, куда гнать лошадей.

Ревякин в этот миг особенно остро переживал свой стыд. Больше всего его прижгло, что холуй вдобавок взялся за него заступаться. И он буркнул в ответ на толчок Катиного локтя:

- Я-то откуда знаю! Ваша была затея ехать.

- Здрасьте! - уже сердито воскликнула княгиня.

Тут Ревякина бросило из жара в холод. Прокол за проколом! Он спохватился, что и впрямь должен был знать дорогу, поскольку Белокуров ему показывал план, как ехать к попу. Да вот, как назло, план этот почему-то полностью выветрился из головы Владимира Георгиевича. А Катя продолжала сердиться:

- Володь, ты что, офонарел? Ты же говорил, тебе все разъяснили! Эй! Проснись, жаворонок!

- Прошу вас не разговаривать со мной подобным тоном! - вдруг не выдержал и закричал Ревякин. Хотя, возможно, это ему

только показалось, что он закричал, а на самом деле просто немного повысил голос.

Он стал пытаться лихорадочно вспоминать хоть что-нибудь из плана, показанного ему Белокуровым, но в голове его крутились какие-то мальчики, только что не кровавые.

- Виталий, сколько раз тебе велено было завести карту Тверской области! - ругнул он княжеского холуя.

- Так есть же! - обиженно откликнулся Виталик. - Чинмин, достань из бардачка карту. Только никакой Тверской области нет. Она до сих пор Калининская. Вот так вот! Получите!

Он протянул отцу-основателю карту, полученную из бардачка с помощью дунганина Чинмина. Развернув ее, Ревякин стал, потея, рыскать глазами в поисках чего-то похожего на план Белокурова. Ничего не просматривалось. Его опять бросило в жар. Плюнуть на все, выйти из джипа, голоснуть и - на попутке в Москву!

- Ну? - нетерпеливо спросила Катя.

Тут на карте мелькнуло что-то спасительное. Еще немного порыскав, Владимир Георгиевич ткнулся наконец взглядом в слово «Девчата». Точно! Никакие не мальчики, а именно «Девчата», а от «Девчат» вправо до села Радость.

- Так, Владик… Тьфу ты! Виталик, смотри сюда.

Объяснив холую дорогу, Ревякин мрачно умолк. Долго ехали в полном молчании. Потом Виталик включил радио, по которому пели «Мне малым-мало спалось» вперемежку с пошлой американщиной. Какой-то музыкальный шутничок подкузьмил. Стало еще противнее, и Ревякин рявкнул:

- Выключи!

Холуй выключил с большой неохотой и, словно в отместку, остановился через десять минут, чтобы целых полчаса что-то там чинить в моторе. Покуда проходила починка, Владимир Георгиевич вышел размяться и сходить по нужде. Уже стояла ночь. Ревякин вдохнул полной грудью и с наслаждением ощутил отсутствие запаха ублиеттки.

- Господи помилуй! - ни с того ни с сего вырвалось у него. Он подумал о том, что едет к православному священнику, он - солнцепоклонник, можно сказать - язычник.

Когда поломка была устранена и они снова двинулись, отец-основатель спросил:

- Ваше высочество, вы хоть умеете правильно креститься?

- Умею, - ответила Катя хмуро. - Справа налево. Так?

- Так.

Больше они не сказали ни слова, покуда не приехали. Село священника называлось не Радость, а Радоницы. Луна еще не

взошла, звезды светили сквозь кудрявчатую облачность, слабо освещая окрестности маленького села: кладбище, избы, храм, показавшийся каким-то необычайно большим и высоким. До полуночи оставалось пятнадцать минут. У входа на кладбище стоял автобус ЛАЗ обтекаемой формы, из которого еще выходили старушки и поспешали к храму.

- Сервис! - обратил на это внимание Виталик. Он пристроил княжеский джип неподалеку от автобуса.

Ревякин выбрался наружу, подал руку княгине, которая, спрыгнув на землю, весело тряхнула волосами и сказала:

- Какой величественный храм! И как здесь легко - будто вот-вот взлетишь.

Отец-основатель на это лишь тихонько хмыкнул и стал оглядываться по сторонам в поисках сегодняшних недолгих гостей княжества. Но они, вероятно, были уже в церкви.

- Можете остаться в машине, - кинула Катя слуге и телохранителю. - Чинмин мусульманин, а ты, Виталька, поспи.

- Я должен, - возразил телохранитель, уже стоя наизготовку, будто они приехали не на Пасху, а на «стрелку». Только что пистолета не выхватил из-под мышки.

- А я посплю, - сказал Виталик. - У них своя Пасха, у меня - своя.

Отец-основатель зевнул и подумал, что он, пожалуй, посмотрит крестный ход, постоит немного в храме да и тоже придет в джип дрыхнуть. Он двинулся следом за княгиней и охраняющим ее дунганином, отставая от них шагов на пять. Слева и справа поплыли кладбищенские кресты и оградки, кое-где - пирамидки с пятиконечными звездами, но мало, потом справа потянулась стена храма, от которого веяло чем-то грозным, жутким, способным раздавить маленького отца-основателя, - недаром в школе говорилось, что большие храмы строились нарочно, дабы подавлять человеческую личность. Ревякин усмехнулся, вспомнив свою учительницу истории. Она сама была такая монументальная, что подавляла собой личность своих учеников. И имя у нее было какое-то громоздкое, под стать телесному изобилию.

У дверей храма Чинмин остановился, посматривая по сторонам, не желает ли кто-нибудь выстрелить в княгиню Жаворонкову со стороны речушки. Река тут была еще менее широкая, чем Волчица. От нее тянуло сырым ветерком.

Катя, прежде чем войти, размашисто перекрестилась. Ревякин замешкался

- идти или не идти в храм, осенять себя крестом или не осенять. Наконец с вызовом в душе решил: идти, но не осенять. И

он стремительно шагнул в дверь храма. В ту же секунду его ударило в лоб, да так, что из глаз посыпались искры и отца-основателя отбросило навзничь. Он услышал грохот каких-то деревяшек, и в голове само собой высветилось имя учительницы - Марионилла Валериановна…

- Не трогай! Не лапь меня, басурманин! - прозвучал чей-то очень знакомый голос. - Говорю, не лапь, слышишь? Руку сломаешь! Помоги-и-ите!!! Правосла-авные!

Сидя на земле, Ревякин мотнул головой, в которой еще все гудело, и увидел, как Чинмин, заломив руку сегодняшнему обличителю жаворонковской ереси, оттаскивает того в сторону от дверей храма, а тот упирается и кричит:

- Спаси, Господи, лю… люди Тво… Твоя!..

- Чинмин! - крикнул отец-основатель. - Отпусти!

Тот нехотя выполнил приказ, но чутко следил, что воспоследует дальше.

- А! Максе-енций! - воскликнул обличитель, потирая хрустнувшее в лапах дунганина плечо. - Явился, значит! А храм-то тебя не пускает. Глянь-ка, об незримую стену лоб расшиб. Так же и Марию, блудницу Александрийскую, не пускало в храм незримой стеною! И сколько ни пытайся войти - не пустит тебя гнев Божий!

- Чинмин! - призвал ревякин, встал резко на ноги. - Это он меня в лоб ударил?

- Он, он ударил, - закивал сердито телохранитель. - Как бык бодайчи.

- Неправда! - отринул показание дунганина обличитель. - Се гнев Божий стену поставил, об которую Максенций ушиблен бысть. А я не бодался. Я дрова нес. Матушка сырых дров притащила, я их прочь уносил, а при дверях одно полешко упало, я наклонился его поднять, выпрямился, а тут Максенций входил, и тотчас его незримая сила в лоб ударила.

Тут Ревякин обратил внимание, что обличитель объясняет все это не ему и не Чинмину, а двум каким-то припозднившимся старушкам, которые любознательно остановились узнать, что за переполох в преддверии пасхального храма.

- Смотрите на него, вернии! - взывал бывший «жаворонок», а ныне яростный христианин. - Пред вами ересиарх Максенций. Плюйте в него! Не войдет он нынче в храм Божий.

- Хватит пороть ерунду, - не выдержал бедный Владимир Георгиевич. - Нарочно же сейчас и войду беспрепятственно.

Он сделал шаг снова к двери храма, но тут совсем уж непонятный и малодушный страх охватил его. Весь день удары судьбы сыпались на отца- основателя, и он не выдержал, дрогнул,

боясь какого-то последнего и сокрушительного удара, застопорился, затем махнул рукой:

- А, пропадите вы все пропадом! - и зашагал прочь, подальше от обличителя и дверей церкви. Сердце его трепетало и билось, будто птица в руке. Маленькое ранимое существо, радующееся любому блюдцу ласки и любви.

Отец-основатель очутился на берегу реки. Он ждал, что хоть кто-то бросится ему вдогонку, но он оказался никому не нужен после того, как врата храма поставили пред ним незримую преграду. Владимир Георгиевич сел на пенек, достал сигарету и закурил.

- Зараза! - промолвил он, глядя на неторопливый бег воды. - Да ведь он попросту боднул меня в лоб своей ретивой башкой!

С колокольни звякнул колокол. Судя по звуку, маленький, ручной. Следом за первым посыпались другие удары с неровными интервалами. Ревякин глянул на часы. Десять минут первого. А должно, кажется, начинаться ровно в полночь.

- Припаздывают святые отцы! - злорадно проскрипел он.

Из дверей стал выходить крестный ход. Ревякин смотрел на него издалека с какой-то необъяснимой завистью, как дети смотрят на недоступные занятия взрослых, а взрослые - на недоступные им игры детей. Впереди несли фонарь, за ним - икону, огромную свечу, хоругви. Вышел священник, и сразу громче стало звучать пение: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех…» Двинулись налево, обтекая медленным ходом вокруг храма. Владимир Георгиевич увидел и своего обличителя, и свою бывшую жену, и своего толстого двойника Белокурова, и его приятеля, специалиста по раскопкам, который так и не произвел никаких раскопок в княжестве Жаворонки. Померещилось даже, что учительница Марионилла Валериановна тоже идет вместе с крестным ходом, переваливая свое грузное тело, но это просто была такая же крупная женщина. Телохранитель Чинмин Мумуров шел сбоку, подчеркивая свою мусульманскую непричастность к христианскому событию, но ответственность за судьбу княгини Жаворонковой. Весь крестный ход, по прикидке Ревякина, составил не более сорока человек. Ему хотелось встать с пенька и пойти вместе с этими людьми вокруг храма, увлеченно распевая тропарь или как там оно называлось, это их пение, кондак еще какой-то есть… Но вместо этого он докурил одну сигарету и тотчас зажег и раскурил другую, оставаясь отдаленным наблюдателем. Если бы не злобный обличитель, он, глядишь, и присоединился бы, а так - боялся нового скандала. Хотя Бог его знает, чего он боялся в эти минуты, ибо и он сам не мог бы сказать точно, что так страшит

его.

Когда крестный ход обошел вокруг храма и возвратился в храм, с колокольни перестал раздаваться звон, а у Ревякина иссякла вторая сигарета. Он зажег третью, медленно выкурил ее, глядя на то, как течет речка. Четвертую смолил, наблюдая, как восходит на небо полная, яркая, белосветлая луна. Облака шли над нею все реже и реже, и она уже вовсю овладевала пасхальным небосводом. Владимир Георгиевич вдруг подумал, что, вполне возможно, где-то, в каком-нибудь таком же закрученном уголке России, как княжество Жаворонки, какие-нибудь «совы» или «соловьи» стоят на горе и совершают обряд поклонения луне. Хорошо еще, если «соловьи» или «совы», а если упыри и вурдалаки?..

Ему стало холодно, да так, что он весь содрогнулся. Он встал и медленно пошел к храму. Он знал, что надо сделать: надо перекреститься, и тогда он сможет войти. Он приблизился к двери и уже собрался с духом, но вдруг увидел телохранителя. Чинмин Мумуров, дунганин-мусульманин, стоял в стороне, прислонившись спиной к высокой могильной ограде, похожий на сову или вурдалака. Тень огромной березы скрывала его от лунного света, и было что-то жутковатое в том, как он наблюдал за отцом-основателем. И Владимир Георгиевич дрогнул, не стал осенять себя крестным знамением на глазах у зловещего дунганина, хотя, быть может, ничего зловещего в нем и не было, кроме имени Чинмин, да и то только потому, что русские имена не начинаются на Ч.

- Чинмин! Я буду в машине, если что, - громко сказал телохранителю отец-основатель, не дождался никакого ответа и отправился в джип - спать.

Виталий еще бодрствовал.

- Ну что там? Воскресе Христосе? - спросил он усмешливо.

- Как всегда, - ответил Ревякин, забираясь на заднее сиденье и укладываясь калачиком.

Зря он так много выкурил, сон сбежать может. Но, согревшись в джиповом тепле, Владимир Георгиевич, как обиженный и наплакавшийся мальчик, стал погружаться в забытье…

Когда он проснулся, Виталий профессионально спал на переднем сиденье, громко посапывая. Открыв дверцу, Ревякин выбрался из автомобиля и увидел полную луну уже не справа, а слева от церкви. Часы показывали пять часов пятнадцать минут. Неужели служба в храме еще не кончилась?! Да ведь до рассвета осталось сорок три минуты! Может быть, Чинмин Мумуров перебил их там всех?

Зябко поеживаясь, Владимир Георгиевич зашагал в сторону храма. Когда он подошел к дверям, то не сразу увидел телохранителя, а когда увидел, отлегло от сердца - дунганин справлял малую нужду, вежливо отвернувшись от храма.

- Господи, помилуй! - тихо произнес Ревякин и робко перекрестился, боясь, что рука перестанет слушаться и не сможет осенить его крестным знамением.

Перекрестившись, отец-основатель осторожно вошел в двери храма, пугливыми шагами миновал паперть, вступил в сам храм, снова накладывая на себя крестное знамение. В храме горела люстра, подрагивали огоньки свечей, но в целом было довольно тускло. Священник стоял с причастной чашей, к нему подходили, причащались, а молодой служка в церковном облачении утирал губы причастников красным платком. В стороне от причастников стояли Белокуров, Тетерин, еще трое мужчин и княгиня Жаворонкова. Не то они уже причастились, не то и не собирались делать этого. Скорее всего, второе. Уж очень у них был отреченный и непричастный вид. В отличие от них, злой ревякинский обличитель подходил к чаше с самым торжественным и гордым видом. Причастившись, он громко произнес:

- Христос воскресе, отец Василий!

Потом со скрещенными на груди руками подошел к столику, на котором стояли чашечки, съел просфорку и запил. Только после этого он позволил себе сверкнуть страшным оком в сторону Ревякина. Владимир Георгиевич сделал вид, что это не он. Даже ступил пару шагов назад и в сторону. Вскоре таинство причастия окончилось, и священник, вынеся крест, стал произносить прощальное поздравление, заодно сообщив, что днем снова будут крестный ход и литургия. Затем стали подходить прикладываться ко кресту, на сей раз уже все, включая Тетерина и Белокурова. Катя тоже шла ко кресту, сразу за Белокуровым, но когда Белокуров приложился, она вдруг схватила его за руку, рухнула перед священником на колени, и Ревякин, не веря своим ушам, услыхал, как она довольно громко воскликнула:

- Святой отец! Повенчайте нас! Прямо сейчас! Ради Христова Воскресения!

Лицо священника так и подпрыгнуло, будто получив пощечину. Белокуров выдернул свою руку из руки княгини Жаворонковой и сказал:

- Отец Василий, не слушайте ее! Я не собираюсь жениться на этой женщине.

- Не собираетесь? - растерянно промолвил поп, наклонился и стал поднимать Катю с колен, говоря ей: - Встаньте, встаньте!

Даже если бы у вас было и обоюдное согласие, я не в праве был бы совершить таинство венчания. Ни сегодня, ни завтра, ни во все дни до следующего воскресенья венчание не совершается. И не надо меня называть святым отцом, - поморщился он. - Батюшка, да и все. Надо же такое придумать - «повенчайте»! Не расстраивайтесь. Но и так тоже нельзя. Сперва надо было сговориться да посоветоваться со мною. А вы даже к исповеди не подошли.

- Простите, батюшка, - сказала княгиня Жаворонкова, повернулась и зашагала прочь из храма, прикрыв рот рукой. Проходя мимо Владимира Георгиевича, она зыркнула в его сторону, обожгла взглядом и - исчезла.

Он даже не оглянулся посмотреть, как она выходит из храма, в котором после ее выходки воцарилось некоторое недоумение.

- Ей-богу, батюшка, я здесь ни при чем! - восклицал Белокуров. - Взбалмошная барынька вбила себе в голову, что может меня осчастливить… Только праздник омрачила…

- Пустяки, - смеялся священник. - Праздник таким глупым подвигом омрачить невозможно.

Владимир Георгиевич в душе ликовал и не стыдился своего злорадства по поводу полного фиаско княгини Жаворонковой, бывшей Кати Мещанской. И он бы еще постоял в храме и порадовался, наблюдая, как возмущены старушки, как растерян Белокуров и как рассмешился отец Василий, но тут отец-основатель увидел своего недруга, двигающегося к нему обличительным шагом.

- Твои проделки, Максенций? Твои?! - уже спрашивал он громко.

Нарываться на скандал не хотелось, и Владимир Георгиевич поспешил броситься вдогонку за своей бывшей женой.

- Изыди! Изыди! - слышалось за его спиной грозное слово, и не трудно было догадаться, что вслед ему посылаются изгоняющие крестные знамения.

Выйдя из храма, Владимир Георгиевич увидел все ту же яркую и полногрудую луну, а на востоке - свет зари, а на дороге - уезжающий восвояси джип «Чероки». Он не сразу понял, что его бросили. Потом побежал, все больше прибавляя ходу. Наконец завопил во все горло:

- Э-э-эй! Стойте! Куда вы? Стойте же, черти!

Но «черти» либо не слышали и забыли его, либо, выполняя приказ своей взбалмошной барыньки, нарочно улепетывали, бросив отца-основателя на растерзание ересеборцев.

Глава двадцатая
Здравствуй, оружие!

- Остановите их, мы же с вами современные люди! Ну это же средневековая дикость!

Ну я нарушил этот кодекс, но я готов признать свои ошибки.

- Ошибки надо не признавать. Их надо смывать! Кровью!

Чижов готов был скорее поверить, что этот глупейший поступок совершит Лада, но что такое выкинет эта неизвестно откуда взявшаяся дама, явно из богатеньких, оказалось полной неожиданностью. Когда она бухнулась на колени, схватив Белокурова за руку, и воскликнула: «Повенчайте нас!», Василий Васильевич невольно стал искать взглядом Ладу. когда он выходил читать перед всем клиром «Верую», Лада стояла среди старушек, теперь же ее нигде не наблюдалось, и Чижов огорчился, что она не видела эту нелепую и даже стыдную сцену, в которой Белокуров выглядел более чем неловко. Особенно когда стал оправдываться, что он тут совсем ни при чем. Теперь он был особенно ему противен, и мысль о предстоящей дуэли воскресла в памяти Чижова вместе со всеми вчерашними переговорами с этим негодяем, соблазнившим его жену.

Во время вчерашнего разговора все кипело и боролось в сердце Василия Васильевича. С одной стороны, он по-прежнему любил свою жену и не представлял, как станет жить без нее, и по-прежнему почитал Белокурова в качестве одного из самых лучших русских публицистов. С другой стороны, они оба - и жена, и Белокуров - совершили предательство по отношению к нему, предательство чудовищное и непростительное. Они надругались над его любовью к ним обоим, и просто так этого нельзя оставить. Конечно, то, что рассказал Белокуров про жену, американца, про спасение сына и про общество Ч, не могло не взволновать Чижова, и Чижов нисколько не хотел никакой расправы над уже изрядно наказанным газетчиком. Но… А эспадроны? Случайно, что ли, они приехали сюда? И Чижов, который с оружием в руках некогда защищал честь чужой жены, неужели не станет отстаивать свою честь, честь своей семьи? Он так и сказал вчера Белокурову: «Я ничего не имею против вас, и можете считать, что я уже простил - и вас, и Ладу. Но честь… Она должна быть защищена».

Так было решено, что поединок неминуемо должен

состояться. Вечером, помогая отцу Василию приуготавливать храм к предстоящей встрече Воскресшего, Чижов думал о том, что теперь все решит главное - венчаны ли батюшка с матушкой, оклеветал ли их Вячеслав, или они впрямь живут во грехе. От этого теперь зависело все в этом мире. Конечно, можно было прямо сейчас и спросить отца Василия, но что-то мешало Чижову сделать это. Он рассуждал так: если спрошу сейчас, то наверняка окажется, что не венчаны, и наоборот - если спрошу утром, то Воскресший поможет, сделает так, что Вячеслав оклеветал любимого батюшку. Надо только усиленно молиться ему во время всенощной.

И дальше: если окажется, что отец Василий живет во грехе, тем самым ужесточится характер дуэли, в таком случае Чижов будет стрелять на поражение, даже если Белокуров выстрелит нарочито мимо. А если все сказанное Вячеславом клевета, поединок будет мирным - пара выстрелов «в молоко» для порядка.

- Так, - сказал отец Василий, когда храм был полностью приведен в порядок, - пойдем-ка, стихарь примеришь. И надо показать тебе возглас из Апостола, прочтешь по моему знаку. Встанешь против Царских врат, возле самой солеи, и прочтешь. Там у меня заложено и отмечено все.

Стихарь! Впервые отец Василий дозволил ему участвовать в службе в церковном облачении. Но ведь он, можно сказать, уже заслуженный псаломщик. В том смысле, что заслужил ношение стихаря. Василий Васильевич несказанно обрадовался, что сегодня в таком виде предстанет перед всеми, в особенности перед своими обидчиками - женой и Белокуровым. Красный, расшитый золотыми узорами стихарь подошел ему как нельзя лучше. На голову Чижову батюшка дал новую скуфейку из черного бархата. Хорошо!

Примерив, он хотел было снять, но отец Василий сказал:

- А что снимать-то? Скоро уж начинаем. Пойдем, я тебе теперь все покажу, что от тебя требуется.

Чижов чуть не плакал от радости. Вдруг особенно горячая мысль пронзила его. Если окажется, что отец Василий и Наталья Константиновна все же повенчаны, то он попросит повенчать его с Ладой, то бишь с рабой Божьей Елизаветой, в самый ближайший день, когда можно будет совершать таинство бракосочетания. А это, кажется, в следующее воскресенье - на Антипасху уже разрешается. Аж голова закружилась от этой мысли. Он скажет ей: «Я прощу тебя с одним лишь условием: ты согласишься в ближайшие дни венчаться со мной, здесь, у отца Василия. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была моей законной женой не

только пред людьми, но и пред Господом Богом». Она не откажет. Ведь несмотря на измену, она любит его, и он в этом уверен. И все происшедшее - лишь следствие их невенчанности.

- Батя! - подошел к отцу Василию Полупятов. - А в колокол-то звонить будут?

- Колокол же у меня тут, в алтаре, - отвечал батюшка.

- Бать, а давай я залезу на колокольню и по-настоящему позвоню.

- Залезешь? Не шваркнешься? - с сомнением посмотрел на Полупятова отец Василий. - Колокол-то хоть и небольшой, а все ж тяжелый.

- Обижаешь, бать! - стукнул себя ладонью по груди бывший зэк. - Дозволь у тебя звонарем побыть. На всю жизнь счастье.

Ну как от таких слов было не прослезиться! Две едкие слезы высочились из глаз Чижова.

- Во-во, и я от дыма плачу, - сказал отец Василий, заметив, как он утирает глаза. - Кто напустил? Эй, звонарь! - окликнул он Полупятова, уже направлявшегося с колоколом в руках на колокольню. - Ты что, сырых дров в печку заправил?

- Не-е-ет, - заморгал Полупятов, боясь, что ему запретят быть сегодня звонарем.

- Ну как же «нет»?! Дыму-то сколько в храме!

- Отец Василий, это не он, - вдруг вступилась за Полупятова одна из старушек, Прасковья. - Это матушка зачем-то приволокла охапку сырых поленьев и сама в печь всупонила.

- Матушка! - Отец Василий оглянулся в поисках своей супруги. - Наталья Константиновна! Ты что же это, свет мой ясный?

- Прости, отец Василий, бес попутал, - взмолилась матушка. - Сейчас унесу.

- Ладно уж, Вячеслав отнесет. А ты, Алексей, можешь идти на колокольню. Да смотри звони размеренно, но не медленно. Вот так: бом-раз-два, бом-раз-два, бом-раз-два! Понял?

- Сделаем! - обрадованно поспешил выполнять свое ценное поручение Полупятов.

Вячеслав отправился утаскивать сырые дрова, хотя бес, попутавший матушку, уже сделал свое дело - едкий голубой дым, слоями распространившись по храму, долго еще будет щипать глаза, особенно если еще и трогательные мысли голову щекочут.

Храм заполнялся народом, прошел слух, что целый автобус из окрестных сел и деревень привезли. Особенное оживление вызвал приезд местночтимой знаменитости Анны Афанасьевны, восьмидесятилетней старушки, которая в молодости пела в этом храме и славилась на всю округу. Она с достоинством заняла свое

место на «крылосе» и принялась умело разбирать разложенные на поставце книги для пения. Чижов, матушка Наталья Константиновна, Прасковья и Мария пристроились к ней, ожидая особенных указаний. Потом появился из алтаря отец Василий и стал распределять, кому что нести. Чижову досталась хоругвь, матушке - икона Воскресения, Анне Афанасьевне дали фонарь, Вячеславу - большую свечу, Ладе - свечу поменьше.

- А где Бедокуров? - спросил батюшка. - А, вот вы. Возьмите вторую хоругвь, она очень тяжелая, а вы здоровяк.

Чижова резануло, что батюшка подчеркнул крепость белокуровского телосложения в противовес не очень крепкому телосложению Чижова, но и порадовало то, как отец Василий ошибся в произнесении фамилии главного редактора «Бестии». Точно, что он Бедокуров! Даже этот едкий дым стал казаться набедокуренным Белокуровым, а не матушкой.

Выстроились, отец Василий снова поспешил в алтарь. Стали ждать колокольного звона. Наступила торжественная тишина. И вот - бом, бом, бом - зазвенел Полупятов, распахнулись Царские врата, из алтаря вышел дорогой батюшка с крестом и фимиамом, громко запел:

- Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити!

Крестный ход тронулся за Анной Афанасьевной, несущей фонарь с горящей внутри него свечой, за ней - матушка с иконой, Чижов и Белокуров с хоругвями, отец Василий, за ними - все остальные. Выходя из храма с пением тропаря, Чижов глянул на второго хоругвеносца, и Белокуров тоже посмотрел на него. И невольно оба улыбнулись друг другу. Потом шли вокруг храма, продолжая петь взволнованными голосами, и Чижов уже мысленно молился обо всем хорошем, что было задумано: о том, чтобы отец Василий и матушка Наталья оказались венчанными, чтобы поединок с Белокуровым прошел бескровно, чтобы в следующее воскресенье отец Василий повенчал Чижова и рабу Божью Елизавету…

Обойдя вокруг церкви, остановились у затворенных врат, словно в преддверии Гроба Господня. Ветер с реки раскачивал хоругви, трепал пламя свечей. Отец Василий встал спиной к вратам храма, помолчал немного и радостно запел:

- Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

И все подхватили эту песнь, возвещающую о том, что воскрес Спаситель наш, Он снова с нами - встречайте! встречайте Его!

Чижов и Белокуров снова переглянулись и снова улыбнулись друг другу. На жену-изменщицу у Василия Васильевича пока еще

не хватало силы и радости посмотреть.

Отец Василий стал читать «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…», а все люди на каждый стих отвечали пением «Христос воскресе из мертвых…». Наконец батюшка движением креста начертал крестное знамение на вратах храма, отворил их и повел крестный ход за собой внутрь. Подойдя к правому клиросу, Чижов вставил древко хоругви в ячейку, а сам отправился на клирос вместе с Анной Афанасьевной, матушкой, Прасковьей и Марьей, начался канон Иоанна Дамаскина. Сейчас все существо Василия Васильевича было охвачено пасхальной радостью, по сравнению с которой и измена жены, и завтрашняя дуэль, и даже невенчанность отца Василия и Натальи Константиновны - все казалось мелким пустяком. На каждое приветствие отца Василия «Христос воскресе!» Чижов громко и счастливо отвечал: «Воистину воскресе!» Потом было пропето «Друг друга обымем, рцем: братие! и ненавидящим нас простим вся воскресением!», и все стали целоваться. Расцеловавшись с батюшкой, матушкой, Анной Афанасьевной, Прасковьей и Марьей, Чижов почувствовал такое сильное умиление, что сошел с клироса, шагнул прямо к Белокурову и сказал ему:

- Христос воскресе, Борис!

- Воистину воскресе… - растерянно и растроганно пробормотал в ответ Белокуров и троекратно облобызался со своим завтрашним соперником, и Чижов только теперь почему-то обратил внимание на то, что он сбрил свои роскошные усы.

- Христос воскресе, Ладушка, - подошел Василий Васильевич к жене-изменнице, обнимая ее и целуя. Сейчас он чувствовал себя не ее мужем и даже не Василием Чижовым, а служителем Солнца Правды, облаченным в красный пасхальный стихарь.

Жена так взволновалась, что даже не смогла четко вымолвить свое «Воистину воскресе». Ее волнение тронуло его душу, и, возвращаясь на клирос, он шептал себе: «Мы повенчаемся!»

Отец Василий принялся читать слово Иоанна Златоуста, Чижов вслушивался в него как никогда. Богатые и нищие днесь становятся друг против друга и с целованием вместе радуются воскресшему Христу, постившиеся и непостившиеся, усердные и ленивые, твердые и шаткие, верные и неверные, обманутые мужья и коварные любовники…

- Где, смерть, твое жало? Где твоя, аде, победа? - возглашал батюшка.

- Воскресе Христос, и ты низвергся еси! Воскресе Христос, и падоша демони! Воскресе Христос, и радуются ангели! Воскресе Христос, и жизнь жительствует!..

За окончанием утрени последовало совершение часов и

литургии, и время летело незаметно, как всегда бывало в пасхальную ночь. Чижов читал и пел на клиросе вместе с женщинами, зная, что голос его красиво распространяется по храму и что Белокуров и жена слышат его. Что же они сейчас чувствуют оба? И почему он сбрил усы?..

С этих сбритых белокуровских усов стало зарождаться в Чижове новое нехорошее чувство. Мелкое, оно елозило где-то далеко за спиной, будто хлебная крошка в постели, которую все никак не можешь стряхнуть, потому что для этого надобно проснуться, встать и перестелить простыню. Что-то уж очень подозрительное отдаленно мерещилось Василию Васильевичу в белокуровском акте сбривания усов. Зачем? Почему? Может быть, целуя его на грешном ложе, она спрашивала: «А ты можешь ради меня сбрить свои шикарные усищи?» Он гнал от себя видения, страдая оттого, что они посещают его именно в такие минуты праздника и чистоты, света и радости, но они снова возвращались к нему, словно неотвязчивые мошки.

Он вспомнил про клевету Вячеслава и, когда выпадало отдыхать от чтения и пения, когда должны были петь только женщины, горячо молился: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Ради светлого Воскресения Твоего соделай так, чтобы батюшка и матушка были повенчаны. И тогда гармония мира восстановится! Сделай так, милостивый Боже, молю Тя!»

Он знал, что Бог слышит его молитву, но не знал, заслужил ли он, чтобы Бог ее исполнил.

Потом он выходил читать, стоя пред всеми, Символ веры. Это ему удавалось с успехом и в предыдущие пасхи, но сегодня был особенный случай: он впервые был облачен в стихарь, а лицом к лицу пред ним стояли жена и ее любовник, и он не имел права сбиться, не имел права плохо пропеть утверждение Истины. Во время пения он заметил, что Белокуров и Лада стоят поодаль друг от друга, заметил также и то, что сбоку от Белокурова стоит какая-то красивая женщина, явно из богатеньких, и то и дело с нескрываемым любованием поглядывает на издателя «Бестии». Многие из тех, кто стоял в храме, подпевали, как и положено в таких случаях, но ни Белокуров, ни стоявшая рядом с ним красотка явно не знали слов Символа веры, и, когда, закончив, Василий Васильевич возвратился на клирос, первое, что подумалось, было: «В том-то и дело, что ты издатель «Бестии», а не «Мессии»!»

Потом он еще раз выходил читать пред всеми - «Отче наш». И на сей раз Белокуров подпевал. Хоть эту-то молитву знал газетчик! И то слава Богу! Снова вернувшись на клирос, Чижов стал вспоминать все доброе и хорошее, что было связано в его

жизни с именем Белокурова до того, как случилось несчастье. Каждый свежий номер «Бестии», прочитывавшийся от корки до корки, разнообразие чувств, вспыхивавших в душе после каждой статьи, хотя, конечно, много попадалось и слабых материалов… Боже, насколько было бы легче, если бы она изменила ему с каким-нибудь гнусным «московским комсомолишкой». Или даже с «независькой»! С Лимоновым, с Дугиным! Только не с Белокуровым!

Ни к исповеди, ни к причастию они не подходили - ни Лада, ни Белокуров, ни его товарищ, который с ним вместе сегодня приехал, ни та красотка, которая постоянно поглядывала на безусого газетчика. Василий Васильевич исповедовался кратко, потому что все уже было сказано батюшке в беседах. Только добавил:

- Об одном из ближних своих, батюшка, худое помышляю и ловлю себя на мысли, что готов иногда убить его. Каюсь!

- Ну, ты-то не убьешь никого, - благодушно, в честь праздничка, утешил отец Василий. - Я бы тоже Наталью свою за сегодняшние сырые дрова убил бы,

- добавил он шутливо и шепотом, чтоб, не дай Бог, никто не услышал.

Хотел было Чижов прямо тут и спросить, венчаны ли они, да не решился, оставив на потом. Приняв отпущение грехов, помогал батюшке причащать, утирал рты, снова, как и в прежние разы, отмечая, кто брезгует утираться общим платком, кто не брезгует, и с огорчением подводя итог, что многие брезгуют, каждый третий. Сам причастился в последнюю очередь, на краткий миг причастия вновь перестав существовать в мире в качестве Василия Васильевича Чижова, историка и обманутого мужа:

- Причащается раб Божий Василий во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Затем во время крестоцелования произошла безобразная сцена с красоткой, воспылавшей немедленным желанием венчаться все с тем же пресловутым Белокуровым, будь он неладен! Преодолев воцарившееся в храме недоумение, батюшка деловито совершил освящение пасок, яиц и куличей для пасхальной трапезы. И вновь Чижов ловил себя на грустной мысли о том, как быстро пролетела эта блаженная ночь Светлого Христова Воскресения. Не верилось, что все уже расходятся, разбирая свои куличи и крашенки, крестясь и радуясь: «Ой, до чего же в этот раз хорошо было!» - а кое-кто и втихаря позевывая.

Отправившись следом за отцом Василием в алтарь, Чижов с грустью снял с себя облачение и вновь оказался Чижовым, обманутым мужем, коему еще только предстоит отстоять свою

честь.

- Надо же! Повенчай их! - произнес он, напоминая батюшке про нелепый случай с белокуровской красоткой. Он теперь с ужасом осознавал, как нелепо будет сразу вслед за этим обращаться к отцу Василию с просьбой повенчать их с Ладой на Антипасху. К тому же - а если Белокуров и красотка все же вознамерятся?..

- Смешная! - засмеялся отец Василий. - Видать, впервые посетила храм Божий и вдохновилась. Если не передумают, я, конечно, могу их на Красную Горку обвенчать, в следующее воскресенье.

- И не думайте, батюшка, - возразил Чижов, помогая отцу Василию складываться. - Ведь Белокуров женатый, он же с сыном приехал.

- А я думал, она его жена и есть.

- Погодите-ка, - обомлел Чижов. - А может быть, она и впрямь жена Белокурова?

- Так он Белокуров? А я-то его Бедокуровым называл! Ох, беда!

- Ничего, ему не следует обижаться на это. Бедокуров и есть. Не слишком-то праведной жизни человек. Ни исповедоваться, ни причаститься не подошел.

- А что твоя раба Божия Елизавета тоже не исповедовалась и не причащалась?

- Сам не знаю, - пожал плечами Чижов и тотчас спохватился, что слукавил перед собственным духовником. Ведь он-то знал, почему раба Божия Елизавета уклонилась.

- А ты склони ее, - сказал батюшка. - И давайте-ка устроим у нас тут на Красную Горку всеобщее венчание. Ты с Елизаветой и Бедокуров со своей выскочкой. Мне все-таки кажется, они хорошие. Так, бери вот эти книги и вот эту суму, неси, а я погашу свет. Вячеслав! Вон те и те лампадки загаси, а остальные пусть горят.

В храме уже никого не было, кроме Вячеслава и Полупятова. Неся под мышкой стопку книг, а в левой руке сумку, Чижов шел следом за отцом Василием. Выйдя из храма, Полупятов сразу ушел, Вячеслав принялся рьяно креститься и кланяться, а батюшка - закрывать замок на дверях. В небе сияла полная луна, но на востоке уже вовсю загоралось, скоро рассвет.

- Хорошо-то как! - вырвалось из глубины сердца Чижова.

- Премного зело хорошо, - весело добавил батюшка. - А повенчаться всем вместе еще лучше будет. И ты, Вячеслав, давай съезди в Москву за своею и привози ее на Красную Горку. Всех повенчаем. Мы с моей Натальей тоже на Красную Горку

венчались.

- Венчались? - радостно выпалил Василий Васильевич.

- Ну а как же! - хмыкнул батюшка. - Что ж мы, невенчанные, что ли, как вы все? Сто лет назад венчались мы с Натальюшкой. Фотография даже имеется. Сейчас в избе покажу.

- А ведь Красная Горка - языческий праздник, - заметил неугомонный Вячеслав. Это он-то, посрамленный клеветник!

- Сам ты языческий праздник, - сердито отвечал священник. - Первый день после Великого поста, когда можно совершать бракосочетание в церкви. Старинный обычай венчаться на Красную Горку, как в народе именуют Антипасху. Старинный, но не языческий. Хотя многие языческие праздники христианство благоразумно растворило в своих праздниках.

Чижов, ни жив ни мертв от счастья, с ликованием слушал голос отца Василия. Венчаны! Услышана его молитва! Посрамлен клеветник! Да и разве ж могло быть иначе?

- Вячеслав! - окликнул Василий Васильевич строго.

- Что? - отозвался клеветник.

- А вот то! - рассмеялся Чижов. - Дед Пехто! Дурак же ты, братец!

- Ну не ссорьтесь! Вы чего это? - одернул его батюшка.

Они вышли на дорогу, лежащую между кладбищем и селом. Там ожидали попрощаться с батюшкой приехавшие на автобусе, который уже фурычил. Отец Василий благословил их, попрощался ласково, и они счастливые и сонные побрели в автобус. На дороге остался Белокуров со своим товарищем. Вид у главного редактора «Бестии» был глуповатый. Видимо, он до сих пор переживал случившееся во время крестоцелования происшествие с избалованной красоткой. Той нигде не было видно - должно быть, вместе с остальными пошла в дом батюшки.

Белокуров махнул в сторону прорезавшегося за дальним лесом солнца и произнес совсем уж глупое и неуместное:

- Daybreak, gentlemen!*

Когда они подходили к дому батюшки, он сказал Чижову:

- Вы были неотразимы.

- Скажите это своей очередной поклоннице, - не утерпел и огрызнулся Чижов.

- Да ладно вам дуться! Ну простите же меня, Вася! Хотя…

Он нахмурился и хмуро входил в дом. То-то же!

В доме было светло и радостно, стол ломился от праздничных яств и напитков, матушка суетилась, распоряжаясь Ладой, которая раскладывала ножи и вилки. К разговлению приглашались Чижов, Полупятов, Вячеслав, Белокуров, его спутник и Лада. Отец Василий прочитал молитву, затем он,

матушка, Василий Васильевич и Вячеслав пропели трижды тропарь «Христос воскресе из мертвых…», стали рассаживаться. При этом Лада посмотрела на Чижова как-то виновато-умоляюще: мол, забудем, забудем! Они сели рядом, а Белокуров - напротив них. Стали биться крашенками, отец Василий наколотил всем, а его яйцо не разбивалось.

- А в молодости, - говорил он, - я до того любил вареные крутые яйца, что просто смерть. Бывало, дождусь Пасхи и наемся. Поверите ли, нет, но однажды в Пасху съел полсотни. Уж стыдно было, возьму яйцо, зайду за угол, счищу и - ам! Перед войной дело было. Потом на фронте часто вспоминал те полсотни. Сидишь в окопе и мечтаешь: «Хоть бы один желточек!» Ну-ка, Вася, давай еще по рюмочке! Вот скажи, почему называется «рюмка»?

- Не знаю, - улыбался Чижов.

- А я знаю, - встрял Белокуров. - «Рюма» по-старославянски «слеза», а «рюмка», стало быть, «слезка».

- Правильно, - похвалил отец Василий. - Сразу видно знающего человека. Ну, за ваше здоровье!

- И хватит! - стала брать свое матушка. - По три рюмочки, или, как вы говорите, по три слезинки и - спать. Уже половина седьмого, а отец Василий собирается в полдень опять служить да крестный ход водить.

- Ну как будто в первый раз, ласточка моя! - приобнимая ее, простонал отец Василий. - Часик посплю и - как огурчик!

- Оно, конечно, не в первый, а возраст-то, батюшка! Ну все, молчу, делай как хочешь, только потом не кряхти.

- И ты не кряхти, а принеси-ка лучше наш альбом с фотографиями, я похвалялся, что покажу.

- Ну вот еще! Сиди уж, похваляться!

- Принеси! - топнул ногой священник и, покуда матушка ходила, приказал налить еще по рюмке и мгновенно выпить.

Появился альбом с фотографиями.

- Вот этот снимок, - комментировал отец Василий, - я клал под подушку, мечтая: «Да будет моею!» Вот, поглядите, какая тут моя Наталья красавица. Сколько тебе здесь?

- Семнадцать или восемнадцать, не помню, да и ни к чему теперь помнить.

- Коса, видите, какая у нее была. А вот, обратите, внимание, у дверей храма после венчания.

- Отец Василий, - вдруг взмолился Вячеслав, - отпустите на покой. Я уже разговелся, а поскольку не приемлю ничего спиртного, то не могу и видеть сопутствующих пьянке сосудов. Благословите, отец Василий!

- Вот и молодец, - похвалила его Наталья Константиновна.

- Ступай с Богом, спасибо за помощь, - махнул на Вячеслава батюшка, затем благословил его и отпустил. Клеветник ушел, видно, испугавшись, что Василий не выдержит и, запьянев, начнет его разоблачать. Но Чижов и не собирался разоблачать подлеца. Того ведь тоже мог кто-то ввести в заблуждение. Но с другой стороны, и хорошо, что Вячеслав ушел. Без него стало как-то легче дышать. Батюшка велел налить еще по рюмочке, после чего Наталья Константиновна сердито убрала допитую до середины вторую бутылку водки. Часы прозвонили семь, солнце в оконном стекле перестало играть, и Полупятов, выглянув в окно, заметил:

- Чегой-то тучи набежали. Пойду-ка и я спать, пожалуй.

- А я можно еще посмотрю ваш альбом? - попросила Лада.

Тут глаза Белокурова и Чижова встретились, и Василий Васильевич неожиданно для самого себя сделал кивок головой и глазами в сторону двери: пора, мол! Белокуров понял, качнул головой: мол, понятно, выходим. Ничего не говоря, Чижов поднялся и пошел из-за стола к выходу, как бы ненадолго. Его пошатывало. от всех плохих и хороших переживаний, политых несколькими рюмками водки, впервые отпробованной после поста, его развезло, ноги плохо слушались, хотя в голове стояла ясность.

Выйдя из дому, он посмотрел на небо, которое вдруг заволокли какие-то зимние тучи. И даже пахло приближающимся снегом. Вячеслав входил в гостевую избу, его догонял Полупятов.

На крыльце батюшкиного дома появились Белокуров и его товарищ, коему определено было быть секундантом.

- Быстро все совершим и вернемся за стол, еще успеем выпить по последней и поспать до полудня, - сказал Чижов, позевывая и потягиваясь.

Они пошли к машине.

- Не сердитесь, - обратился Чижов к приятелю Белокурова. - Можно вас переспросить, как вас зовут?

- Сергей Тетерин, - ответил тот.

И когда сели в машину и поехали, Василий Васильевич довольно дружелюбно принялся рассуждать о том, что в русском обиходе, как ни в одном другом, принято огромное количество птичьих фамилий.

- Найдется ли у немцев, или французов, или у тех же англоамериканцев, такое изобилие всяких Воробьевых, Галкиных, Грачевых, Ворониных, Орловых, Соколовых, Стрижовых, Гусевых, Лебедевых? Да любую птицу возьмите - на нее есть русская фамилия. Только здесь нас собралось трое с птичьими фамилиями. Я - Чижов, вы - Тетерин, отец Василий - Перепелкин.

- Напишите мне об этом статью для «Бестии», - тотчас ухватился газетчик. - Что у России птичья душа и это отражается в фамилиях ее народа. Красивая мысль!

- Далеко ли поедем? - спросил Тетерин.

- Отъедем хотя бы чтоб выстрелов не было слышно, - сказал Василий Васильевич. - А что, может быть, и напишу такую статью. Если будет кому писать после нашего поединка.

- Или - кому издавать «Бестию», - улыбнулся Белокуров.

Василий Васильевич заметил, что ему очень невесело.

- Смотрите-ка, снег пошел, - сказал Тетерин.

В самом деле, в лобовое стекло летели пушистые белые мухи. По дороге навстречу шел какой-то понурый путник.

- Кто-то припозднился, - сказал Чижов.

- Да ведь это же отец-основатель! - воскликнул Белокуров и тотчас высунулся из окна машины: - Эй! «Жаворонок» номер один! Какими судьбами?

Они поровнялись с понурым путником. Вид у него был разнесчастный.

- Они почему-то уехали без меня, - развел он руками.

- А вы что, бегом пытались догнать их? - хохотал Белокуров нервно.

- Я дошел до «Девчат», - отвечал путник, - думал там поймать попутку. Ни одной машины! Замерз и решил вернуться. А вы куда?

- На дуэль. Хотите с нами? - спросил Белокуров.

- А если серьезно?

- Какое тут может быть серьезно, - сказал Тетерин. - Затеяли фарс какой-то. Садитесь, в машине согреетесь.

«Еще один свидетель! - подумал Чижов. - А если это не фарс? Вот возьму и сделаю вам не фарс!» Но он знал, что из складывающейся ситуации никак не получится трагедия, а только фарс. Это почему-то опечалило и вместе с тем опьянило его. Снег все падал и падал, будто дело происходило в феврале или марте, а не в конце апреля.

Еще один свидетель сел на заднее сиденье рядом с Василием Васильевичем. Протянул руку:

- Владимир Ревякин.

- Василий Чижов, - пожал протянутую руку историк.

- Случайно не вашу статью о соколиных охотах в царской России я читал не так давно? - спросил Ревякин.

- Случайно мою.

- Серьезно?

- Абсолютно.

- Нет, правда! Я ведь просто так спросил, потому что помнил

имя и фамилию автора. В журнале…

- «Эхо истории», - подсказал Чижов.

- Точно! - воскликнул Ревякин. - Превосходнейшая статья!

- И заметьте, фамилия автора - птичья, - сказал Белокуров.

- А Ревякин? - спросил Тетерин. - Ревяка это кто? Тоже птица?

- Конечно! - хохотал главный редактор «Бестии». - А Белокуров - белая курица.

- Вообще-то ревяка это медведь, - возразил Ревякин.

Они порядочно отъехали от Радониц, миновали Погорелки, и где-то посередине между ними и «Девчатами» Чижов сказал:

- Стоп! Дальше не поедем, не то в «Девчатах» будут слышны выстрелы. Предлагаю теперь следующее. Бросим жребий. Кому выпадет, тот идет и становится вон у той сосны… Нет, вон у той широкой березы, она ближе. А другой стреляет в него прямо из окна автомобиля. Если не попадает, сам становится к березе под выстрел.

- Оригинально! - сказал Тетерин.

- «Оригинально»… Абсолютно серьезно… - проворчал Белокуров. - Ни слова по-русски. Согласен, решение своеобычное. Как будем бросать жребий? Орел или решка?

- А как еще? - спросил Ревякин. - Только давайте быстрее, а то ужасно хочется есть. Да, и растолкуйте вы мне, о чем спор у вас вышел?

- Спор очень простой, - ответил Чижов мрачно, - этот человек, Белокуров Борис Игоревич, соблазнил мою жену. Я, как обманутый муж, вызвал его на дуэль и хочу убить.

- Вы?! - удивился Ревякин. - Убить?! Но ведь, кажется, это вы были сегодня дьяконом?

- Не дьяконом, а всего лишь псаломщиком, - отвечал Василий Васильевич.

- Дьякону полагается быть рукоположенным, и у дьякона орарь, а я был только в облачении мирянина, участвующего в богослужении. Я не священник, я мирянин и имею полное право сразиться на дуэли.

- По-моему, христианам не положено драться на дуэлях, - пожал плечами Тетерин.

- А Пушкин разве не был христианином? - возразил Чижов.

- Довольно сомнительным, - покачал головой Ревякин. - Впрочем, не мне об этом судить. Я бы тоже с удовольствием убил этого человека, который вдобавок является моим двойником.

- Да, вы похожи, - согласился Чижов, только теперь как следует приглядевшись и увидев, насколько и впрямь Ревякин похож на Белокурова, только на худого Белокурова. Это вдруг его насторожило и озадачило. Что такое? Заговор?

- Предупреждаю, мы не братья, - сказал Белокуров. - Просто такое сходство.

- А зачем вы сбрили усы? - спросил Чижов. - Чтобы усилить это сходство?

- Он сбрил их потому, что моя бывшая жена хотела, чтобы я был тучного телосложения, - сказал Ревякин. - Она у меня с большим приветом. Это она устроила цирк в церкви. Влюбилась, видите ли, в этого! Венчаться удумала. А она, между прочим, замужем, и за очень богатым и влиятельным магнатом.

- А чем, кстати, занимается ее муж? - спросил Белокуров.

- Семечками торгует, - хмыкнул Ревякин. - Вы же о нем статью давали в своей газетенке.

- Да так и не понял смысла его бизнеса, - пожал плечами газетчик, нисколько не обижаясь на то, что его «Бестию» обозвали газетенкой.

- И не надо, - сказал Ревякин.

- Вы будете бросать жребий или нет? - раздраженно спросил Тетерин. - Хочется вернуться к обещанному отцом Василием козленку.

- Не надейтесь на то, что он будет хорошо приготовлен, - фыркнул Василий Васильевич. - Матушка Наталья из любого самого лучшего продукта умеет приготовить несъедобный ошметок. Я лично налегал на закуски, которые сам же и привез, - язык, колбасу, ветчину.

- Ну все, - пуще прежнего рассердился Тетерин. - Разворачиваюсь, и едем назад! Хватит ломать комедию!

- Нет, стоп! - возразил Чижов, видя, что Белокуров охотно бы согласился на такое разрешение конфликта. - Ревякин, вот вам полтинник. Если выпадет орел, то я иду к березе первым.

- А если чиж? - пошутил остряк Белокуров.

- Чиж он и есть орел, - сказал Тетерин. - Бросай, отец-основатель!

Ревякин подбросил монету, поймал ее в кулак, развернул ладонь и при виде орла воскликнул:

- Чиж!

- Жалко, - сказал Белокуров. - Лучше бы я первый.

- Не волнуйтесь, - похлопал Ревякин Василия Васильевича по плечу, - если он вас застрелит, я буду стреляться с ним за честь моей бывшей жены. Он отказался взять ее в жены, и я хочу отомстить. Идите спокойно.

Чижов вылез из машины и направился в сторону самим же им выбранной в качестве барьера березы. Он шел и считал шаги: один, два, три, четыре, пять, шесть… Кажется, с шести шагов Лермонтов стрелялся с Мартыновым?.. семь, восемь, девять… А

снег-то все идет и идет… десять, одиннадцать… нет, не пенальти!.. двенадцать, тринадцать. Береза. Тринадцать шагов. Дурное число. Василий Васильевич развернулся и прислонился спиной к стволу березы. Цепочка шагов пролегла от него по снегу вверх по обочине дороги, к автомобилю Тетерина, из которого высовывалась безусая морда Белокурова.

- Огонь! - крикнул ему Чижов и махнул рукой. Он чувствовал себя так, будто в него и впрямь будут по-настоящему стрелять. В окошке автомобиля появилось дуло пистолета. «Какой-то дурак сказал, а все вокруг заталдычили,

- подумал Чижов, - что история повторяется дважды: сначала как трагедия, а потом как фарс».

- Вот он сейчас кокнет меня, и будет вам фарс, - вслух вымолвил Василий Васильевич, не на шутку перепугавшись направленного на него пистолетного взгляда. Еще он успел подумать о том, что и пускай Белокуров убьет его, нажав на свой белый курок, пускай не будет фарса, а будет трагедия, как на Черной речке.

Грохнул выстрел, пуля шпокнулась в ствол березы высоко над головой Василия Васильевича - метрах в трех, должно быть. Все по-прежнему сохраняло статус фарса. Обманутый и неубитый историк Чижов оторвал спину от ствола березы и зашагал в сторону автомобиля, из которого в него только что стреляли. Белокуров уже вылезал.

- Погодите, - сказал ему Чижов. - Посчитайте шаги.

- Зачем это? - удивился главный редактор «Бестии».

- Прошу вас.

- Ну хорошо. Один, два, три… - он пошел к березе, а Чижов сел на его место и взял у Тетерина пистолет.

- Это его или ваш?

- «Стечкин», именное оружие моего покойного отца, - ответил Тетерин. - Калибр - девять миллиметров. Бьет без промаха.

- Сколько шагов? - крикнул Чижов Белокурову, который уже стоял, прислонясь к березе спиной, высокий и солидный главный редактор известного газетного издания, в красивом плаще оливкового цвета.

- Тринадцать, черт возьми! - крикнул он в ответ Чижову.

- И у меня тринадцать, - вздохнул Чижов. - Шаги у нас одинаковые.

Он высунул руку из окна машины и внимательно прицелился сначала в живот, потом в голову Белокурова. Он хорошо видел бледное лицо своего некогда любимца, а теперь врага. Оно выражало тревогу. Неужели надобно убить этого человека?

- Полегче! - сказал Ревякин. - И впрямь застрелишь!

- Не убий, - добавил Тетерин. - Да и вообще, пожалей его славного малыша.

- Ладно уж, - тяжело вздохнул Чижов, - фарс так фарс! Сим прощаю Белокурова, бестию!

Он резко подбросил руку и выстрелил вверх, прямо в небо. В следующий миг лицо Белокурова окрасилось красным, и главный редактор «Бестии» рухнул ничком в траву, присыпанную снегом.

- Что такое! - испугался Чижов. - Не мог же я попасть в него!..

Он выскочил из машины и бросился бежать по трем цепочкам шагов - двум своим и одной белокуровской. Подбежав к Белокурову, резко перевернул его на спину. Все лицо главного редактора «Бестии» было в крови и снегу, кровь продолжала хлестать из ноздрей.

- Борис! - крикнул Василий Васильевич в отчаянии. - Хватит дурить!

Эпилог

- Бедняга!.. Ребята, на его месте должен был быть я.
- Напьешься - будешь.

В конце мая Николай Прокофьевич получил письмо, адресованное Борису, и, вскрыв его, прочитал следующее:

«Здравствуй, мой дорогой и единственный! Представляю, как ты сейчас горько улыбаешься, прочтя это обращение. но я повторяю: мой дорогой и единственный! То, что я совершила, не заслуживает никакого прощения, и я понимаю, как мерзко выглядела в глазах твоих, Николая Прокофьевича, твоего друга или знакомого. Кстати, кто он и почему я раньше не знала его? Да, мне нет прощения, но я все-таки надеюсь, что ты прочтешь мое письмо до конца и постараешься понять меня.

Боря! Я сама не знаю, что со мной случилось! Сейчас, вспоминая все происшедшее, я понимаю только одно: я попала в какой-то черный квадрат Малевича. На меня чем-то воздействовали. Это была не я! Понимаешь ты это, родной мой?! Ведь ты знаешь, как я любила тебя. Разве я могла снюхаться с тем противным американишкой? Нет, нет и нет! И я еще раз говорю себе и тебе: то была не я! И то, что случилось со мною после нашей роковой встречи и развязки при пистолетах, лишнее подтверждение тому, что я попала в черный квадрат. И чудо, что мне удалось из него выскочить. Когда после автомобильной аварии я попала в больницу с переломами обеих ног и тазобедренного сустава, я сразу стала никому не нужной, и этот грязный мистер Браун улепетнул в свою Америку, ни разу не навестив меня и лишь передав письмо. Прощальное, видите ли! Ты только представь себе это гадство! Только теперь я четко осознаю простейшую истину: это Бог спас меня, поломав ноги и тазобедренный сустав! Только попав в автокатастрофу, я смогла выскочить из черного квадрата и тем самым спастись. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Боже! Как я скучаю по тебе, по Сереже, по Николаю Прокофьевичу! Да, не только по Сереже, а и по тебе и по Николаю Прокофьевичу, хотя представляю, какими словами он чехвостит меня, как он ненавидит меня. И за дело! Заслужила и ненависть, и презрение, тут ничего не скажешь. Я обожаю тебя, Боря! Я тоскую по тебе! Я люблю всех вас троих, моих дорогих Белокуровых, - старшего, среднего и младшего! Хотя бы глазком

увидеть вас! А ходить-то я смогу теперь очень и о-о-очень нескоро! Так что лучше тебе забыть меня, дуру проклятую. Выйду из больницы - буду хромая. Может быть, на всю жизнь хромой останусь. Но может быть, сердце твое дрогнет и ты придешь ко мне, любовь моя, сердце мое! Я так хочу обнять, прижаться к вам, родные мои! Слышите ли, как воет и скулит моя измученная, изломанная душа? Люблю, люблю, люблю тебя, Боря!

Твоя многогрешная Белокурва».

Несколько дней Николай Прокофьевич думал над этим письмом, чувства боролись в нем, и в конце концов он отправился в ту больницу, в которой лежала Тамара. Один, без Сережи. Он нашел Тамару и впрямь в плачевном состоянии, всю подвешенную на растяжках, в палате довольно чистенькой, но все равно скверно пахнущей. Увидев его, она удивилась и, кажется, перепугалась.

- Ну, здравствуй, - сказал он, садясь на стул. - Я получил твое письмо и прочел его.

- А почему вы, а не Боря? - спросила она тихо.

- Он умер, - жестко произнес Николай Прокофьевич, полагая, что имеет полное право на эту жестокость, ибо уже твердо решил простить «многогрешную Белокурву». Ведь должна же быть у Сережи мать, если не стало отца.

- Умер? - спросила она. - Я не понимаю… Почему умер?

- Он не выдержал всех переживаний. У него случилось обширнейшее кровоизлияние в мозг. Поскольку мы в то время находились в российской глубинке, в глуши, нам не удалось спасти его. Там счет шел на минуты, а потребовалось более часа, чтобы доставить его в ближайшую хоть сколько-нибудь сносную больницу. С Сережей все в полном порядке. Только скучает очень по тебе и по отцу. Я вот принес тут кое-что из еды и фруктов для тебя. Буду приходить. А когда выпишешься, будешь жить с нами. Я пошел.

Теперь прошло уже больше года с того дня, как не стало главного редактора газеты «Бестия». Тамара не обманула, живет дома, в Москве, с сыном и отчимом своего покойного мужа. Она даже вновь взяла фамилию Белокурова и пытается выпускать газету Бориса Игоревича, хотя пока что у нее не очень клеится и за все время вышло два весьма чахлых номера. В выходных данных Тамара пишет: «Главный бестиарий Сергей Белокуров», имея в виду Сережу, которому недавно исполнилось четыре года и он, конечно же, мало принимает участия в издании. Но когда вырастет - все будет принадлежать ему.

Николай Прокофьевич сильно сдал, чаще прежнего жалуется

на жизнь, и будет очень обидно, если следом за средним Белокуровым не станет и старшего. Сергей Михайлович Тетерин пытался свести с ним свою матушку, Людмилу Петровну, но тщетно. Они оказались очень разными людьми. Дважды она была вместе с сыном в гостях у Белокуровых и много прекрасных слов сказала о покойном Борисе Игоревиче.

Тетерин больше не практикует в качестве черепослова у новых русских питекантропов. Он дал зарок не связываться с ними, и даже не потому, что ему пригрозили сами же питекантропы. Одному из них стало подозрительно, что у какого-то хренолога в банке компьютерных данных хранится вся его бесценнейшая черепушка. Он прислал к Тетерину своих людей, и те изложили Сергею Михайловичу просьбу своего шефа уничтожить плоды деятельности частной краниологической лаборатории. Его даже насильно возили для переговоров сначала куда-то в центр, потом куда-то на Кунцевскую, потом на Юго-Запад, но все в итоге обошлось благополучно. Его отпустили, и он поклялся не иметь больше дел с черепами лучших людей нынешней России. Однако и в комиссию по исследованию останков царской семьи Сергея Михайловича тоже не взяли, и он остался не у дел. Правда, нисколько не жалеет ни о чем, хотя и возмущается работой комиссии, а главное - самим фарсом захоронения этих, как он говорит, «якобы царских костей». Зато он частенько ездит в тверскую землю и наведывается к отцу Василию Перепелкину вместе с историком Чижовым, многие идеи которого ему показались близкими, и они даже собираются писать вместе какую-то книгу. Конечно же, о неповторимых особенностях России!

Сергей Михайлович по-прежнему не женат. Евдокия однажды звонила ему и сказала:

- Если ты попробуешь только вынюхивать что-либо о местонахождении великого чемпиона, тебе несдобровать.

- Успокойся, - ответил он. - Я не собираюсь разыскивать твоего маньяка, хотя, конечно же, этого гада следовало бы отработать в режиме правоохранительных органов. Передай ему, что я советую всему обществу сознания Ч немедленно прекратить в России свою злокачественную деятельность.

Вячеслав мог бы вполне гордиться последней фразой. Он, кстати, тоже продолжает навещать Радоницы и, что приятно, кажется, стал не таким зубодробительно-рьяным. И от необдуманных сообщений о том, кто венчан, кто не венчан, кто нарушает, кто не нарушает, он тоже старается остерегаться. Правда, с женой он до сих пор не сошелся и не обвенчался и говорит о ней: «Она пошла по рукам».

О Ревякине почти ничего не известно, хотя именно благодаря ему удалось тогда замять дело о странной и подозрительной смерти Бориса Белокурова. Следователь обнаружил-таки пулю в стволе березы - ту, которую выпустил из своего венгерского парабеллума сам покойный. Следователь оказался дотошный

- пуля сидела в стволе дерева на высоте четырех метров от земли. Лучше бы он бросил свою энергию на поиски «Ельцина» и «Клинтона», совершивших разбойное нападение на Радоницы и укравших Черного Дионисия. Но отец Василий даже и слышать не хотел о заведении против них следствия и уголовного дела. Он говорил: «Пусть Черный Дионисий останется при них! Я же их прощаю».

Конечно же, события той Пасхи легли болезненным рубцом на сердце сельского священника. Наезды милиции, расспросы… Лучше не вспоминать.

Чижов, Ревякин и Тетерин держались общей версии случившегося: кровоизлияние в мозг в результате сильного нервного перенапряжения. Хотя странная поездка на машине прямо с пасхального пира зависала в воздухе. К тому же Чижов постоянно порывался открыть всем, что это он убил его своей враждой. Пулей или не пулей - какая разница? Иногда можно убить взглядом. Или хотя бы желанием, чтобы трагедия не превращалась в фарс.

Ревякин разыскал князя Жаворонкова, тот заплатил кому надо сколько надо, и дело о гибели Белокурова было прекращено за недостатком улик. Тем более что и впрямь не было никакого убийства и Борис Игоревич мог скончаться от точно такого же кровоизлияния в мозг не на дуэльной тропе, а, скажем, сидя за столом или занимаясь утренней гимнастикой.

Желая повидаться с Ревякиным, Чижов и Тетерин ездили однажды в княжество Жаворонки, но, во-первых, оказалось, что оно уже переименовано в княжество Зорянки, во-вторых, отцом-основателем там теперь некий Столяров, в-третьих, княгиня Жаворонкова второй год не вылезает из поездок по Юго-Восточной Азии и Океании, и, в-четвертых, бывший отец-основатель, Владимир Георгиевич Ревякин, ни разу в княжестве Зорянки не объявлялся. Его телефон в Москве твердокаменно не отвечал на звонки. Бывшая жена Владимира Георгиевича тоже ничего о нем не знала - та, вторая бывшая, Ирина, у которой свой квартирный бизнес, хороший дом и все такое. Остается надеяться, что с главным «жаворонком» страны все в порядке и спустя какое-то время мы услышим о создании нового государства или просто общины «жаворонков». И не с языческой, а с христианской подкладкой, поскольку и Чижов, и Тетерин, и даже

обличительный Вячеслав успели заметить некоторую перемену во Владимире Георгиевиче с тех пор, как он, по его собственным словам, ушибся головой о раскрытую дверь Божьего храма.

Хотя, может быть, ревякинское Ч сложилось как-нибудь иначе, более прискорбно: запил, попал в чеченское рабство, бомжует, сбежал в Америку… Но о плохом лучше не думать. И так в жизни слишком много трагедий.

Увы, Василий Васильевич вынужден был развестись со своей женой. И не он, а она не захотела жить с ним после всего, что произошло. Она честно призналась:

- Если бы не смерть Белокурова, я бы еще пересилила себя и повенчалась с тобой у отца Василия. Я сделала бы это ради того, чтобы Борис вернулся к своей искалеченной жене. Хотя… Не знаю, как бы все сложилось, если бы он остался в живых. Но его нет. Его нет.

- Но ведь не я убил его! - возражал Чижов.

- Не ты? А разве не ты частенько, ударяя себя в грудь, утверждал, что его смерть на твоей совести?

Подобные разговоры и привели к конце концов к тому, что они расстались и теперь живут порознь, хотя он иногда приезжает к ней, поздравляет с праздниками и днем рождения, дарит подарки. Он надеется, что время- доктор когда-нибудь выпишет наконец правильный рецепт и для России, и лично для него, Василия Чижова.

Приезжая в Радоницы, Василий Васильевич непременно уходит один бродить по лесу и обязательно оказывается на том злополучном месте, где тринадцатью решительными шагами были отмерены жизнь и смерть Бориса Белокурова. Там он садится под пробитой пулей березой, прислоняется спиной к ее широкому стволу и думает о многом. Иногда те четыре дня кажутся ему самыми лучшими днями его жизни, самыми яркими и чистыми. Иногда - самыми страшными и погибельными. И о смерти Белокурова он думает порой как о светлой и торжественной, а иногда - как о нелепой и напрасно израсходованной. Он вздыхает и смотрит вверх, туда, куда вслед за пулей, выпущенной из тетеринского «стечкина», улетела душа главного бестиария. И если это зима, то высоко над головой Чижова потрескивают голые ветви, твердые и студеные, а если лето - то дышат, вздыхают зеленые листья, живые и шелестящие.

1998